

В. В. Пузанов

**ОБРАЗОВАНИЕ
ДРЕВНЕРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУВПО «УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

В.В. Пузанов

**ОБРАЗОВАНИЕ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА
В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Учебное пособие

Ижевск
Издательство «Удмуртский университет»
2012

УДК 94(470)(075)
ББК 63.3(2)41г.я7
П 882

Рецензенты: **Ю.В. Кривошеев** – д.и.н., проф. СПбГУ
О.М. Мельникова – д.и.н., проф. УдГУ

Отв. ред. проф. **И.Я. Фроянов**

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским Советом
Удмуртского государственного университета

Пузанов В.В.

П 822 Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии: учебное пособие. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 152 с.

В учебном пособии анализируется восточнославянская историография проблемы генезиса древнерусской государственности. На основе сочетания двух основных принципов историографического исследования (хронологического и проблемного) характеризуются основные этапы и тенденции изучения темы, научные направления, совершенствование исследовательских методов, усложнение историко-философских представлений о государстве, расширение круга исследуемых вопросов и ракурсов их рассмотрения. Особое внимание уделяется истории изучения таких ключевых вопросов как предпосылки и этапы становления Древнерусского государства, типология догосударственных и раннегосударственных образований у восточных славян, соотношение внутренних и внешних факторов политогенеза. Для полноты историографической картины дается краткая характеристика современных зарубежных работ, посвященных истории становления и развития древнерусской государственности.

Предназначается для студентов направления подготовки бакалавров и магистров 03.06.00 – история (магистерские программы «Ранние государства Восточной Европы» и «Отечественная история»), студентов юридических факультетов, аспирантов, преподавателей вузов, учителей, всех интересующихся историей России.

© В.В. Пузанов, 2012
© Изд-во «Удмуртский университет», 2012

ВВЕДЕНИЕ

Подготовка историка-профессионала предполагает обстоятельное ознакомление с историографическим наследием, глубокое изучение общих закономерностей и этапов развития исторической науки, социокультурной обусловленности становления научных школ и концепций, истории исследования наиболее значимых проблем зарубежной и отечественной истории. Каждый новый этап развития историографии характеризуется своими методологическими предпочтениями, своим отношением к источнику и методам его анализа, своими приоритетными объектами изучения. Вместе с тем, существуют «вечные проблемы», над которыми не одно столетие бьются лучшие исторические умы и вокруг которых не прекращают ломаться полемические копья. Одной из таких «вечных» и является проблема образования Древнерусского государства.

Уже первые наши летописцы, подобно зарубежным собратьям по перу, во главу угла ставили вопросы происхождения своего народа и государства. Проходили века, менялись идеологические предпочтения и представления о государстве, однако сохранялся приоритет самой темы: и для книжников времен Московской Руси (стоявших у истоков идеологии русского самодержавия), и для историков XVIII¹ – начала XIX в. (закладывавших первые камни в основание исторической науки) вопрос о начале Руси оставался ключевым и политически злободневным. Становление исторической науки современного типа, о которой можно вести речь со второй трети XIX столетия, стало следствием соединения накопленных за предыдущие столетия исторических знаний, с современными на тот момент социологическими схемами, что положило начало, выражаясь языком **П.Н. Миллюкова**, критической разработке и «философского построения

¹ Этому обстоятельству не помешали даже требования Петра Великого уделять первостепенное внимание не древней, а «новой и новейшей истории России», от княжения Василия Ивановича до времен правления самого Петра. – См.: *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 109–110.

русской истории»¹. История начинает рассматриваться как поступательный, органичный и закономерный процесс, обусловленный, в первую очередь, внутренними факторами развития. На первое место выходит критический разбор источников и установление твердых фактов. Важнейшим явлением новой историографической эпохи стало формирование научных школ и направлений. Именно в 40-е гг. XIX столетия, в основных чертах, оформляются и два основных подхода к осмыслению русского исторического процесса: 1) через призму общины; 2) через призму государства. Но и «общинники», и «государственники» искали движущие «пружины» русского исторического процесса, обусловившие самобытность допетровской эпохи и национальный коллорит последующего периода, в обстоятельствах зарождения «русского племени» и государства. Спор, в той или иной степени, под тем или иным ракурсом, продолжается до настоящего времени. В основе его лежат разные взгляды на природу и особенности русской государственности на отдельных этапах ее развития. Поэтому можно согласиться с **Ю.В. Кривошеевым** в том, что «для русской историографии главным объектом изучения была, есть и будет Русская государственность, ее возникновение, становление и развитие»². Но за главным объектом исследования скрывается разное видение процессов политического и социогенеза, истории взаимоотношения народ-власть, общество-государство. И спор этот не только о прошлом, но и о настоящем и будущем России. Не случайно каждый новый этап в истории российской государственности сопровождается всплеском интереса к ее прошлому. Особую значимость эта проблема приобретает в настоящее время, когда в науке и обществе усиливается интерес к вопросам отечественного политогенеза, своеобразию российской политической традиции, вырабатываются новые методологические подходы к осмыслению прошлого. Поэтому научные разработки по истории древнерусской государственности, прямо или опосредованно ретранслируются в общество и оказывают воздействие на формирование коллективного исторического сознания, этнополитической идентичности и, как следствие, на процессы дальнейшего государственного строительства.

Проблема образования Древнерусского государства распадается на две важнейшие научные составные: 1) *общие социокуль-*

¹ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 2006. С. 258 и сл.

² Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999. С. 19.

турные закономерности генезиса раннегосударственных образований (предпосылки, этапы становления, типология); 2) роль внутренних и внешних факторов в генезисе восточнославянского государства. Это одна из наиболее наукоемких тем с точки зрения методологического наполнения, объектов и подходов рассмотрения, вариантов построения концептуальных схем, междисциплинарной составляющей. Процессы политогенеза воздействуют практически на все сферы общественной жизни. Они, с одной стороны, обуславливаются и сопровождаются глубинными социальными, экономическими, этнокультурными, и ментальными трансформациями, а с другой – сами являются причиной таких трансформаций. Кроме того, гносеологическая значимость проблемы определяется ее первостепенной важностью в общеисторическом ракурсе: изучение процессов зарождения того или иного социального института или явления для историка всегда представляет особую ценность с точки зрения понимания механизмов и закономерностей исторического развития, выработки и апробации методологических и концептуальных схем. Вряд ли погрешим против истины, если скажем, что от того или иного решения проблемы генезиса древнерусской государственности во многом зависит понимание характера и природы общественного и государственного строя Древней Руси, особенностей и закономерностей отечественного исторического процесса.

В свете сказанного понятна значимость изучения историографии проблемы, что позволит проследить процесс накопления и развития знаний по теме, выявить взаимосвязь между различными концепциями и положениями, определить степень изученности отдельных вопросов, наметить перспективы дальнейших исследований. К сожалению, степень историографической изученности темы не соответствует ни ее богатой истории, ни ее научной значимости. Это не означает, что данной стороне вопроса вообще не уделялось внимания. Уже в древнерусских летописях можно найти упоминания о точке зрения других книжников, либо несогласие с чьей-либо точкой зрения (типа: «инии же, не сведуще, рекоша»). По мере становления истории как отдельной отрасли научного знания историографические элементы становятся все более регулярными и обязательными для исследований. А поскольку на начальном этапе развития отечественной исторической науки проблема происхождения Древнерусского государства являлась ключевой, то даже общие историографические обзоры в значительной степени касались интересующей нас темы. Однако исследователей, в первую очередь,

интересовал «норманнский вопрос». Так, в начале XIX столетия вышла знаменитая работа **А.Л. Шлецера** «Нестор», в которой содержался один из первых обстоятельных историографических разделов. Известный историк предпринял попытку системного анализа изысканий русских и зарубежных авторов в области русской истории за 1725–1800 гг., уделив при этом первостепенное внимание «норманнскому вопросу»¹. Следующий важный шаг в развитии историографических исследований, в том числе и по варяжской теме, – труды **К.Н. Бестужева-Рюмина**², заложившие основы историографической науки современного типа. Кроме того, полемике норманистов и антинорманистов посвящены достаточно обширные обзоры в сочинениях **М.П. Погодина**, **С.А. Геденова**, **Ю.И. Венелина**, **М.О. Кояловича**, **Ф.В. Тарановского**, **Ф.И. Свистуна**, **М.С. Грушевского**, **М.К. Любавского** и др. исследователей XIX – начала XX в.³. Эти исследователи принадлежали как к «норманнской», так и к «славянской» школам, что не могло не отразиться на подаче материала и историографическом анализе.

Отдельный интерес представляют историографические наблюдения **С.М. Соловьева** и **В.О. Ключевского** – историков, сдержанно относившихся к «варяжской проблеме». Характеристики, данные ими и самой полемике, и ее участникам, отличаются взвешенностью, тонкостью наблюдений и выводов, оригинальным ракурсом подхода к теме⁴. Особо следует остановиться

¹ Шлецер А.Л. Нестор: Русские летописи на древлесловенском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером: Пер. с нем. Дм. Языкова. СПб., 1809. Ч. 1. С. РПО–РОЕ.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1; Он же. Биографии и характеристики. СПб., 1882.

³ Венелин И.Ю. Скандинавизация и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. М. 1842; Погодин М.П. Норманнский период. М., 1845; Геденов С.А. Варяги и Русь. М., 1876; Свистун Ф.И. Спор о варягах и начале Руси. Историко-критическое исследование. Львов, 1877; Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884; Тарановский Ф.В. Норманнская теория в истории русского права // Записки общества истории, филологии и права при императорском Варшавском университете. Варшава, 1909. Вып. 4. С. 1–43; Грушевский М.С. Історія України-Руси. Т. 1. 3-е вид., доп., 1913. С. 602–624; Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 3-е изд. М., 1918. С. 75–87.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Он же. Соч.: В 18 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 261–264, 324–325; Он же. Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского» // Он же. Соч.: В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М., 1995. С. 66–69; Он же. Писатели русской истории XVIII века // Там же. С. 210–212, 228–229; Он же. Начала Русской земли // Там же. Кн. XVII. Работы разных лет. М., 1996. С. 721–728, и др.; Ключевский В.О.

на положениях и выводах **В.О. Ключевского**, который «все эти ученые усилия разгадать варяжский вопрос... называл явлениями патологии»¹, не из области «научной истории», поскольку «национальности и государственные порядки завязываются не от этнографического состава крови того или другого князя и не от того, на балтийском или азовском поморье зазвучало впервые известное племенное название»². Именно «научным интересом» он объяснял свое равнодушное отношение «к обоим теориям, и норманской³ и славянской»: «В тумане ранних известий о наших предках я вижу несколько основных фактов, составляющих начало нашей истории, и больше их ничего не вижу. Эти факты, которые приводят меня к колыбели нашего народа, остаются те же, с тем же значением и цветом, признаю ли я теорию норманистов или роксаланистов. Поэтому, когда норманист или роксаланист начнут уверять, что только та или другая теория освещает верным светом начало русской национальности, я перестаю понимать того и другого, то-есть становлюсь совершенно равнодушен к обоим»⁴. При этом исследователь не отрицал научную пользу «исследования вопроса о происхождении имени Русь и первых русских князей», а выступал «только против того положения, что в этом вопросе ключ к разъяснению начала русской национальности и государственной жизни»⁵.

Всплеск историографических исследований по варяжской проблеме приходится на рубеж 1920–1930-х гг. Правда, все они выходят в зарубежных изданиях и, в значительной степени, являются критической реакцией на ярко выраженную антинорманистскую концепцию образования Древнерусского государства,

Лекции по русской историографии // Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 8. С. 396–488; Он же. Наброски по варяжскому вопросу // Он же. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 113–123.

¹ Ключевский В.О. Наброски по варяжскому вопросу. С. 113.

² Там же. С. 114.

³ Согласно орфографическому словарю русского языка, *норманнский* пишется с двумя **н**. Однако в литературе часто встречается написание с одним **н** – *норманский*, *норманская* и т.п. Поэтому при прямом цитировании сохраняется написание оригинала.

⁴ Там же. С. 113.

⁵ Там же. С. 114–115. – Впрочем, немного погодя В.О. Ключевский опять заводил речь о «научном бесплодии» варяжского вопроса (Там же. С. 118). Имеющиеся противоречия можно объяснить тем обстоятельством, что «Наброски по варяжскому вопросу» писались в разное время и не были подготовлены к публикации.

предложенную **В.А. Пархоменко**¹. Советский скандинавист **В.А. Брим** осветил отдельные аспекты отечественной историографии варяжской проблемы за первое послеоктябрьское десятилетие². Особенной полнотой охвата материала, системностью, научной фундаментальностью и взвешенностью выделяется сочинение историка-эмигранта **В.А. Мошина**, которое до настоящего времени остается лучшим сочинением по историографии «варяжского вопроса»³.

Жесткое идеологическое давление со стороны капиталистического окружения, особенно усилившееся с приходом к власти фашистов в Германии, последовавшая затем Великая Отечественная война оказали существенное влияние на развитие советской исторической науки. Особенно это сказалось на отношении к норманнской теории, положения которой, часто извращенные до основания, использовались идеологами Третьего Рейха как одно из доказательств избранности германцев и расовой неполноценности славян. В этих условиях в нашей историографии наметилась тенденция на отрицание любого внешнего влияния на историческое и культурное развитие России⁴. Начавшаяся «холодная война» против СССР⁵, развернувшаяся кампания по борьбе с космополитизмом усиливали эту тенденцию. Это не могло не сказаться и на историографических работах. Показательной для рассматриваемого времени является публичная лекция **В.В. Мавродина** «Борьба с норманизмом в русской исторической науке», прочитанная в 1949 г. и выдержанная в стиле борьбы с космополитизмом. Лектор подверг злой критике «про-

¹ Tomaszewski S. Nova teoria o początkach Rusi // Kwartalnik Historyczny. Warszawa, 1929. Roczn. 43. T. 1. Zesz. 3. S. 261–324; *Зайкин В.* Спир про початки Руси (3 приводу нових праць Володимира Пархоменка) // Записки чина св. Василя Великого. Львів, 1930. Т. 3, вип. 3–4. С. 591–614; *Korduba M.* Najnowsze teorie o początkach Rusi // Przegląd Historyczny. 1930. T. 30. S. 74.

² *Briem B.* Alt-Skandinavien in der neueren russischen Wissenschaftlichen Literatur (1918–1928) // Acta Philologica Scandinavica 5. København, 1930. T. 5. S. 211–236.

³ *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // Slavica. 1931. Т. 10. С. 109–136, 343–379, 501–537.

⁴ См.: *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965. С. 20–21, прим. 33;

⁵ По словам И.П. Шаскольского, «...норманская теория в послевоенные годы стала широко использоваться реакционной буржуазной наукой в идеологической борьбе против нашей страны» (*Шаскольский И.П.* Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси / отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1978. С. 160).

фессорский объективизм» Н.Л. Рубинштейна¹, проявившийся, якобы, в характеристике взглядов **родоначальников норманизма** Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера². Сама норманнская теория объявлялась произведением немцев, которое ничего общего с историческими взглядами «самих русских людей» не имела³. Академики характеризовались не иначе как «немецкая свора», а их деятельность признавалась далекой от науки⁴.

В.В. Мавродин следовал в русле официальной точки зрения на норманскую теорию. Такой подход характерен и для других

¹ Фундаментальная, беспрецедентная по объему охвата материала «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна (М., 1941) была подписана в печать 31 мая 1941 г.

² *Мавродин В.В.* Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Ленинграде. Л., 1949. С. 7. – Критическая позиция автора, как представляется, являлась своеобразным ответом Н.Л. Рубинштейну за некорректную рецензию на монографию В.В. Мавродина «Образование Древнерусского государства» (Л., 1945), в которой рецензент не останавливался перед обвинениями политического характера в адрес своего визави. – *Рубинштейн Н.Л.* Путанная книга по истории Киевской Руси // ВИ. 1946. № 8–9. С. 109–114 (см. также ниже, прим. 4).

³ Там же. С. 8, 9.

⁴ Там же. С. 9. – История этой лекции имеет непростую подоплеку. По словам очевидцев тех событий, на исторический факультет ЛГУ поступила соответствующая разрядка «сверху». В.В. Мавродин, будучи деканом, «вызвал огонь на себя», хотя чтение подобной лекции сопряжено для него было с душевным дискомфортом. На историка давила не только общественная ситуация, но и личный опыт: он сам (за монографию «Образование Древнерусского государства») стал объектом травли, обвинений в «норманизме» и отходе от марксистско-ленинской теории образования государства (*Рубинштейн Н.Л.* Путанная книга по истории Киевской Руси; *Покровский С.А.* Новый труд об образовании Древнерусского государства // Советское государство и право. 1946. № 5–6. С. 89–93; *Базилевич К.В.* Из истории образования древнерусского государства // Большевик. 1947. № 5. С. 51–56, и др.). Таким образом, лекцию В.В. Мавродин читал под «Дамокловым мечом» оргвыводов, которые могли последовать за вышеуказанными обвинениями и, поэтому, ради самосохранения, вынужден был занять особенно бескомпромиссную позицию в отношении норманнской теории и ее приверженцев (Информация получена автором во время прохождения аспирантуры на кафедре истории СССР исторического факультета ЛГУ; в настоящее время – кафедра истории России с древнейших времен до XX века). Но дело не ограничивалось только обвинениями в норманизме. В том же 1949 г. В.В. Мавродин снимут с должности декана, а в 1951 г. – заведующего кафедрой. Дело даже дойдет до исключения из рядов КПСС и ЛГУ. Правда, вскоре он будет восстановлен в партии и возвратится на факультет (о перипетиях тех лет подр. см.: *Дворниченко А.Ю.* Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб., 2001. С. 22 и сл.; *Юсова Н.М.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.): Монографія. 2-е вид. Київ, 2006. С. 314–316).

работ послевоенного периода¹. Это было время, когда норманнская теория считалась «ненаучной» и «реакционной»², а сама принадлежность к ней являлась основанием для обвинений в *предвзятости, непатриотизме* и т.п. Поэтому норманисты рисовались «черной краской», а антинорманисты, независимо от их научной компетентности и добросовестности, общего вклада в историческую науку, – «белой». Наметилась даже тенденция рассматривать борьбу антинорманистов с норманистами как противостояние передовых ученых и общественно-политических деятелей с силами реакции³.

К серьезным недостаткам историографических и полемических работ по норманнской проблеме 1940–1950-х гг. **И.П. Шаскольский** отнес борьбу с «абстрактным норманизмом», когда критиковался «норманизм вообще», рассматриваемый «от Байера до наших дней... как единое целое». Полемика же «с современной норманистской историографией» практически не велась⁴. С конца 1950-х – начала 1960-х гг. ситуация начинает меняться; и советские историки, и историки из стран социалистического лагеря стали важное внимание уделять анализу и критике современных норманистских трудов и концепций⁵. Наиболее важными вехами на этом пути стали труды **Х. Ловмянского**, **В.П. Шушарина** и **И.П. Шаскольского**. Из работ польского историка **Х. Ловмянского** следует выделить монографию «Вопрос о роли норманнов в генезисе славянских государств», которая стала рубежной в марксистской историографии пробле-

¹ Тихомиров М.Н. Русская историография XVIII в. (в порядке обсуждения) // ВИ. 1948. № 2. С. 94–99; Он же. Деятельность Академии наук // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 189–193; Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 7; Степенко А.Д. Вопрос о происхождении славян-руси и борьба с норманизмом в украинской историографии конца XVIII – первой половины XIX в.: Автореф. канд. дис. Киев, 1963. С. 1, 2–3 и др.; Його ж. Проблеми історіографії Давньої Русі: На правах рукопису. Кам'янець Подільський, 1965. С. 75; Шушарин В.П. Современная буржуазная историография древней Руси. М., 1964. С. 236–237, 238; Федорасова В.Г. Киевская Русь в трудах советских историков. Автореф. канд. дис. Минск, 1976. С. 19; Державина Е.В. Норманнская теория в новейшей англо-американской литературе // Вестн. МГУ. 1984. № 4. Серия 11. С. 49–54; История СССР с древнейших времен до 1861 года. М., 1983. С. 61 и др.

² Тихомиров М.Н. Русская историография XVIII в. (в порядке обсуждения). С. 94–99; Он же. Деятельность Академии наук. С. 189–193; Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 7; Степенко А.Д. Вопрос о происхождении славян-руси... и др.

³ См., напр.: Степенко А.Д. Вопрос о происхождении славян-руси... С.10, 11; История СССР с древнейших времен до 1861 года. С. 61 и др.

⁴ Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 19–20; Он же. Норманская проблема в советской историографии. С. 161.

⁵ См.: Он же. Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 21–23.

мы. Исследователь отошел от устоявшейся в советской науке тенденции на отрицание роли норманнов в восточнославянском политогенезе, попытался дать объективный анализ их роли в становлении славянских государств (в том числе Русского) с позиций марксистской методологии. Это не могло не сказаться на историографической составляющей труда: Х. Ловмянский не только представил достаточно полный обзор литературы по варяжской проблеме, но и дал взвешенную (насколько это было возможно в тех условиях) научную критику норманизма, ненорманизма и традиционного антинорманизма¹.

В монографии **В.П. Шушарина** «Современная буржуазная историография Древней Руси» интересующая нас тема представлена в последней, четвертой, главе «Норманисты нашего времени». В ней на достаточно широком историографическом фоне дан критический анализ работ «буржуазных» историков за послеоктябрьский период. Особое внимание уделено разбору трудов русских и польских историков-эмигрантов М.А. Таубе, О. Халецкого, Х. Пашкевича, Г.В. Вернадского, М.Т. Флоринского и др. Окончательный вывод В.П. Шушарина строго следует в русле традиционной советской историографии: «...современный норманизм – во всех его формах... полностью утратил характер научной гипотезы, превратившись в средство пропаганды идеи о неспособности восточнославянских народов к самостоятельному историческому творчеству»². Таким образом, сочинение В.П. Шушарина выгодно выделялось на фоне современной ему марксистской историографии по объему охвата зарубежного историографического материала, но являлась шагом назад, если сравнивать с трудом Х. Ловмянского, по своим ортодоксальным выводам.

Иной характер имели труды **И.П. Шаскольского**, который первым в советской историографии подошел к анализу норманнской теории как научной, показав, что норманизм – определенное течение в буржуазной науке, в рамках которой он является научной теорией, получившей в ней широкое признание, и опирающийся «на длительную, более чем двухвековую науч-

¹ Łowmiański H. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957. S. 36–62; русский перевод: Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 57–88.

² Шушарин В.П. Современная буржуазная историография древней Руси. С. 288. – Монографии предшествовала обстоятельная статья, посвященная современной историографии норманнской проблемы: Шушарин В.П. О сущности и формах современного норманизма // ВИ. 1960. № 8. С. 65–93.

ную традицию»¹. Но, будучи научной внутри самой буржуазной науки, он, как и всякая буржуазная теория не является научной с точки зрения марксистской науки, а находится в коренном противоречии с современными научными представлениями о сущности государства и о процессе его формирования², не соответствует современным научным представлениям о развитии исторического процесса³. Таким образом, получалось, что норманнская теория является научной с точки зрения буржуазной историографии, и ненаучной – с точки зрения историографии марксистской. Тем не менее, это было новым словом в современной автору марксистской науке. Разошелся с советскими историками И.П. Шаскольский и в трактовке традиционного антинорманизма, признав его такой же идеалистической, антинаучной теорией, как и норманизм⁴. С точки зрения самой марксистской теории это было логично. И.П. Шаскольский, тем самым, устранял важное методологическое противоречие в трудах советских историков⁵.

Эти выводы И.П. Шаскольский развил в очерке «Норманская проблема в советской историографии», написанном для коллективной монографии «Советская историография Киевской Руси» и в статье «Антинорманизм и его судьбы»⁶.

В 1982 г. вышла интересная статья **М.А. Аллатова**, в которой он не только проанализировал дореволюционную историографию вопроса, но и высказал собственный оригинальный взгляд на роль норманнов в отечественной истории⁷.

¹ Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 6–7; *Он же*. Норманская проблема в советской историографии. С. 162.

² *Он же*. Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 14.

³ *Там же*. С. 17.

⁴ *Там же*. С. 18, прим. 27.

⁵ И норманизм, и традиционный антинорманизм, как и другие немарксистские теории, не могли считаться научными, с точки зрения марксистской методологии. Советские же исследователи, фактически, для антинорманизма здесь делали исключение. И это важное противоречие заметил И.П. Шаскольский, чего ему не могут до сих пор простить особо ярые антинорманисты (см., напр.: Авдусин Д.А. Современный норманизм // ВИ. 1988. № 7. С. 31–32; Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003. С. 53–54; Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 158–159 и др.).

⁶ Шаскольский И.П. Норманская проблема в советской историографии. С. 152–165; *Он же*. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7. Л., 1983. С. 35–51.

⁷ Аллатов М.А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // ВИ. 1982. № 5. С. 31–45. – См. также ниже, с. 89.

Норманнская проблема нашла свое отражение также в историографических работах, посвященных более широкой тематике, связанной с историей Древней Руси¹. Начальный этап противостояния по варяжскому вопросу и взгляды на него отдельных исследователей освещались в обобщающих курсах по отечественной историографии².

В 1990-е гг. в историографии происходит очередной всплеск интереса к норманнской проблеме. Это было связано, во многом, с масштабными методологическими новациями в постсоветской историографии, вызванными кардинальными социальными трансформациями в обществе. Изменение научных приоритетов, переоценка устоявшихся представлений затронули и варяжский вопрос, вылившись в массовый отток исследователей из *лагеря антинорманизма* в *лагерь норманизма*. Это привело к изменению соотношения сил в мировой науке. Новый этап исследований по теме, естественно, ознаменовался и интенсификацией историографических изысканий. В первую очередь следует отметить обстоятельную монографию **Арто Латвакангаса**, изданную в 211 т. «Анналов университета Турку»³. На первых страницах работы автор дает характеристику проблемы, пытается показать, как она понимается современными исследователями. Историю становления «норманнского вопроса» А. Латвакангас начинает с анализа средневековой традиции и доводит изложение материала до середины XIX в. Хотя приоритетное внимание автор уделяет шведской историографии, в его монографии содержится характеристика трудов представителей других национальных научных традиций, в т.ч. российской. В частности, детально проанализированы взгляды Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера, М.В. Ломоносова, Ю.А. Венелина, И.Ф.Г. Эверса, Н.М. Карамзина и др.⁴

¹ См., напр.: Мавродин В.В. Советская историография Древнерусского государства (К 50-летию изучения советскими историками Киевской Руси) // ВИ. 1967. № 12. С. 53–72; Мавродин В.В., Фроянов И.Я. К пятидесятилетию советской историографии Киевской Руси // Вестн. Ленингр. ун-та. 1967. №20. С. 39–51; Федорасова В.Г. Указ. соч.; Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии): Сб. науч. тр. / отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1990. С. 99–121 и др.

² См.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941; Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г. СПб., 1993 и др.

³ Latvakangas A. Riksgrundarna: Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995.

⁴ Ibid. S. 198–263.

Тремя годами ранее в Поморском университете была издана объемная брошюра норвежского исследователя **Й.П. Нильсена**, написанная на основе его двух статей 1978 и 1981 гг., «Рюрик и его дом: Опыт идейно-историографического подхода к норманнскому вопросу в русской и советской историографии». Автор, прежде всего, обратил внимание на сложности в определении критериев норманизма, что приводит к неточности в понимании смысла этого научного явления. Признавая, что понятие «норманизм» менялось по мере развития исторической науки, он солидаризовался со А. Стендер-Петерсенем, охарактеризовавшим норманнский вопрос, как «проблему определения роли, которую сыграл скандинавский этнический элемент в истории культурно-политического становления и раннего развития древнерусского государства»¹. По мнению Й.П. Нильсена, «для того, чтобы решить, является ли историк норманистом, недостаточно просто отметить решение им традиционных спорных вопросов варяжской проблемы, принимает ли он точку зрения за или против варяжского завоевания и т.д. Следует уяснить... полную картину его воззрений на образование государства как процесс и проанализировать общее построение им исторического процесса в России». Исходя из такого критерия, автор существенно расширяет принятый в историографии круг антинорманистов XIX в. («которые явно отрицали скандинавское происхождение династии Рюриковичей»), за счет исследователей, «которые, сохраняя “норманнскую лакировку” выстраивали теорию автохтонного фундамента государственной организации»². Анализируя в заданном ключе взгляды «ведущих представителей» русской исторической мысли XVIII–XIX вв., Й.П. Нильсен выстраивает следующие ряды: 1) **антинорманисты** – М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский; 2) **норманисты** – М.Н. Карамзин, М.П. Погодин, К.С. Аксаков³. Историю норманнского вопроса в советской историографии Й.П. Нильсен рассматривает до 1953 г. (года смерти И.В. Сталина), на примере работ М.Н. Покровского, В.А. Брима, А.В. Шестакова, В.А. Пар-

¹ Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953. P. 5; Нильсен Й.П. Рюрик и его дом: Опыт идейно-историографического подхода к норманскому вопросу в русской и советской историографии. Архангельск, 1992. С. 4–7.

² Нильсен Й.П. Указ. соч. С. 9.

³ Там же. С. 11–35. При этом С.М. Соловьев и В.О. Ключевский характеризуются как «разумные антинорманисты», поскольку «не отрицают то научное, что есть в норманнской теории и что отрицать нельзя. Но в то же время они не допускают сомнения в том, что древнерусское государство возникло самостоятельно...» (Там же. С. 35).

хоменко, С.В. Юшкова, В.В. Мавродина и др., уделяя особое внимание творчеству Б.Д. Грекова¹. Переломным этапом «в истории норманнского вопроса в советской историографии» автор считает 1947 г., когда «давление сверху», связанное с ухудшением отношений СССР с бывшими союзниками, привело к воскрешению старой ломоносовской антинорманистской концепции². При этом борьба с антинорманизмом «была неотъемлемой частью массового наступления на космополитизм в советской историографии»³.

Несложно заметить, что основным критерием «норманизма» для Й.П. Нильсена является проблема приоритета внешних или внутренних факторов в политогенезе, фактически же – ответ на вопрос, норманны ли создали древнерусское государство, или оно выросло на «внутренней» почве.

В 1997 г. вышла в свет небольшая по объему, но претендующая на обобщающий характер монография **А.А. Хлевова** «Норманская проблема в отечественной исторической науке»⁴. Автор предпринял попытку проанализировать становление и развитие норманнской проблемы со времен ее «рождения» в начале XVIII в. до конца XX столетия. А.А. Хлезов предложил оригинальную периодизацию историографии вопроса, которая базируется, прежде всего, на материалах археологического его изучения. Такой подход объясняется, видимо, научными предпочтениями автора. В итоге в распоряжении читателя оказалось тезисное изложение проблемы, преимущественно, под археологическим углом зрения.

Более обстоятельна вышедшая 12 лет спустя книга **Л.С. Клейна** «Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон», представляющая собою сборник работ различного жанра, написанных в разное время и сопровождаемых, в ряде случаев, современными комментариями автора⁵. Наибольший интерес с точки зрения анализа историографии норманнской проблемы представляют: написанное в 1960 г. и ходившее в рукописи сочинение «Спор о варягах»; материалы по дискуссии о современном состоянии «норманнского вопроса» 24 декабря 1965 г. на историческом факультете ЛГУ; переизданные статьи, посвященные археологии варяжской проблемы, заметки о тру-

¹ Там же. С. 35–67.

² Там же. С. 56–67. – См. также ниже, с. 86, прим. 3.

³ Там же. С. 67.

⁴ Хлезов А.А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

⁵ Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

дах современных антинорманистов, биографии Г.Ф. Миллера и Г.С. Лебедева, воспоминания о «славяно-варяжском семинаре» на истфаке ЛГУ. В какой-то мере, перед нами автобиография Л.С. Клейна, рассмотренная через призму «варяжского вопроса». Данное обстоятельство необходимо учитывать при анализе книги: с одной стороны мастерский научный анализ зарождения и развития «варяжской проблемы», тонкая характеристика сильных и слабых сторон в построениях норманистов и их оппонентов. С другой – интересное описание перипетий полемики 1960–1970-х гг., живые характеристики, данные участникам научных баталий, эмоциональные оценки историографической и общественно-политической ситуации...; но с точки зрения одного из активных участников описываемых событий.

В конце 1990 – начале 2000-х гг. вышел ряд работ **В.В. Фомина**, посвященных варяжской проблеме¹. Исследователь развивает основную идею своего учителя, **А.Г. Кузьмина**, согласно которой все, кто признает норманнское происхождение варягов (т.е. – подавляющее большинство исследователей) являются «норманистами». Работы В.В. Фомина представляют ценность с точки зрения полноты собрания историографических фактов, некоторые из которых были им открыты впервые или переоткрыты. Содержатся в них и интересные контраргументы по отношению к норманистским построениям, ценные наблюдения по отдельным вопросам. Главным же недостатком работ В.В. Фомина, как и ряда других «соратников» в борьбе с норманнской теорией, является перенос научного спора в область политики, навязчивые представления о норманистах, как недругах русского и, шире, славянских народов². Навешивание ярлыков типа «скандинавоманы», «хазароманы», ерничанье, окарикатуривание точки зрения оппонента и последующее высмеивание собственноручно нарисованной карикатуры, переход на личности, передергивание фактов – не полный перечень приемов из арсенала неоантинорманистов.

Налицо и коренное противоречие в основной, системообразующей послышке современных антинорманистов, на которой, собственно, и держится их воинствующий энтузиазм. Так, с одной стороны, признание «норманнского» происхождения «руси» равносильно, по их мнению, признанию неспособности восточных сла-

¹ В наиболее полном и законченном виде его взгляды изложены в монографии 2005 г. См.: *Фомин В.В.* Указ. соч.

² См.: *Сб. РИО. Т. 8 (156). Антинорманизм / под ред. А.Г. Кузьмина. М., 2003; Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 1. Сб. статей и монографий / сост. и ред. В.В. Фомина. М., 2010 и др.*

вян к государственному строительству, на чем и строятся гневные филиппики и обвинения оппонентов в непатриотизме. С другой – **А.Г. Кузьмин** и его последователи откуда только не выводят «русь»: от кельтов, иранцев, западных славян... Естественно, у вдумчивого читателя возникает неизбежный вопрос: почему признание «норманнского» происхождения «руси» равносильно признанию неспособности восточных славян к государственному строительству, а «иранского» или «кельтского» – нет? Как отметил по этому поводу Л.Б. Клейн, на деле «истинные антинорманисты оказываются на поверку пусть и не норманистами, но кельтистами, илиристами и германистами. Хрен редьки не слаще»¹. Почему, следовательно, «норманисты» – непатриоты, а «иранисты», «кельтисты» и иже с ними патриоты? Откуда эта монополия на патриотизм? Вполне очевидно, что **ни «норманнская», ни «иранская», ни «кельтская» или «западославянская» теории с методологической точки зрения принципиально не различаются**, равно как и, при корректном анализе, не отрицают способности восточных славян к политическому творчеству.

Обстоятельный историографический анализ проблемы Азово-Черноморской Руси, занимающей видное место в построениях антинорманистов, представил **А.В. Гадло**. Исследователь убедительно показал, что обоснованный в конце XVIII в. А.И. Мусиным-Пушкиным «факт существования русского владения на берегу Керченского пролива... был осмыслен современниками как аргумент в пользу традиционного антинорманистского представления о южном происхождении славяно-русов». На такой зыбкой основе «и возникла концепция Приазовской (Азово-Черноморской, Азово-Таврической, Северо-Кавказской) Руси. И хотя сконструирована эта концепция была в начале XIX в. Г. Эверсом, детали для этой конструкции были выкованы еще в середине XVIII в. первым историком-антинорманистом в российской науке М.В. Ломоносовым»².

Непримиримость споров по «варяжскому вопросу» не способствует достижению объективного знания и выходит за рамки академической науки. На данное обстоятельство обратил внимание известный петербургский археолог **Е.Н. Носов**, когда анализировал историю археологического изучения русско-скандинавских контактов в отечественной историографии (в основном – второй

¹ *Клейн Л.С.* Указ. соч. С. 217.

² *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии. (История идеи) // *Сб. РИО. Т. 4 (152). От Тмутароканя до Тамани / под ред. В.А. Захарова. М., 2002. С. 16–17 и сл.*

половины XX столетия)¹. Так, касаясь «пресловутого норманнского вопроса» автор высказал мнение, что «при нормальном (естественном) развитии исторической науки» этот вопрос «был бы закрыт к тридцатым годам, а позиции отечественных и западных исследователей значительно бы сблизились и различия определялись бы различиями научных школ, а не границами политических систем»². Более того, Е.Н. Носов пришел к выводу о нецелесообразности использовать определения «норманизм» и «антинорманизм» «при современной оценке роли скандинавов в истории Руси, поскольку эти термины отягощены “богатым” наследием, строго говоря, к академической науке отношения не имеют»³. Таким образом, в трактовке «варяжского вопроса» автор довел до логического завершения идеи, заложенные в трудах В.О. Ключевского.

Как видим, и отечественные, и зарубежные исследователи XVIII – начала XX в. основное внимание уделяли историографии норманнского вопроса, который является важной составной частью проблемы образования Древнерусского государства, но не единственной и даже не самой главной. Что касается образования Древнерусского государства в целом⁴, то до недавнего времени здесь можно было отметить два небольших раздела в коллективной монографии посвященной советской историографии Киевской Руси, написанные **И.П. Шаскольским**, и статью **В.В. Мавродина**⁵.

Изыскания активизировались в 1990е-гг. В 1992 г. были опубликованы тезисы, а несколько лет спустя на их основе и статья **М.Б. Свердлова**, в которых он представил свои «историографические наблюдения» на проблему образования Древнерус-

¹ Носов Е.Н. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей / отв. ред. Е.Н. Носов. СПб., 1999. С. 151–163. – См. также: Носов Е.Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород / отв. ред. Е.Н. Носов и др. СПб., 2007. С. 23–40.

² Он же. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии. С. 153.

³ Там же. С. 161.

⁴ То, что выше отмечено как первая составляющая проблемы: социокультурные закономерности и особенности генезиса Древнерусского государства (предпосылки, этапы становления, типология и др.).

⁵ Шаскольский И.П. Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси. С. 128–141; Он же. Развитие древнерусской государственности в XI – первой половине XIII в. // Советская историография Киевской Руси. С. 142–152; Мавродин В.В. Советская историография Древнерусского государства (К 50-летию изучения советскими историками Киевской Руси). С. 53–72.

ского государства¹. К сожалению, неискушенный читатель, взявший на себя труд ознакомиться с этими работами, получит очень субъективные, поверхностные и далекие от реальности представления об историографии вопроса. Более полезными труды будут для сведущего читателя, поскольку представляют наглядный образец трансформации взглядов самого М.Б. Свердлова в условиях новых общественно-политических реалий².

В 1997 г. в Екатеринбурге защищена кандидатская диссертация тюменского историка **И.Г. Шпикина** «Проблема образования Древнерусского государства в отечественной историографии (1917–1990-е годы)». Автор обработал и обобщил большой историографический материал, сделал ряд интересных наблюдений и выводов³. Однако материал представлен не ровно, а большинство работ вышедших в 1990-е гг. остались вне поля зрения исследователя.

Достаточно подробный историографический обзор отечественной историографии последней четверти XX столетия, написанный по проблемному принципу, представлен в монографии **Е.А. Шинакова** «Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект»⁴. Автор рассмотрел историю изучения проблем типологии ранней государственности, социальной сущности и механизмов образования Древнерусского государства, политико-антропологических и сравнительно-типологических аспектов

¹ Свердлов М.Б. Образование Древнерусского государства (историографические наблюдения) // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тез. докл. / отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1992. С. 62–66; Он же. Образование Древнерусского государства (историографические наблюдения) // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 6–15.

² Подр. разбор указанных работ М.Б. Свердлова см.: Пузанов В.В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия: К 65-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. В.М. Воробьев, А.Ю. Дворниченко. СПб., 1996. С. 149–153. – Об умении М.Б. Свердлова «переписывать» историографию «в свою пользу» см. также: Долгов В.В. Концепция И.Я. Фроянова в современной исторической науке: к вопросу о способах ведения дискуссий // Русские древности: К 75-летию профессора И.Я. Фроянова / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2011. С. 25–26.

³ Шпикин И.Г. Проблемы образования Древнерусского государства в отечественной историографии (1917–1990-е годы). Автореф. канд. дисс. Екатеринбург, 1997. – См. также: Он же. Теоретико-методологические проблемы и концептуальные подходы к изучению Древнерусского государства в отечественной исторической науке советского периода // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика. Матер. Всерос. науч.-практич. конф. Ижевск, 24–26 апреля 2001 г. / отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск, 2001. С. 17–24; Он же. К вопросу о становлении марксистской концепции образования древнерусского государства в отечественной историографии 1920–1930-х гг. // Государство и общество. 1999. № 3–4. С. 23–40.

⁴ Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства (Сравнительно-исторический аспект). Брянск, 2002.

древнерусского политогенеза. Отдельный параграф посвящен истории постановки вопроса о «дружинном государстве»¹. Во втором издании монографии Е.А. Шинаков ответил на замечания оппонентов и расширил хронологические рамки историографического обзора, за счет анализа новейших исследований по проблеме².

Наиболее полно историография генезиса Древнерусского государства представлена в работах **В.В. Пузанова**, в которых дается краткий обзор дореволюционной истории вопроса, а основное внимание уделяется советскому и постсоветскому периодам³. Отдельно рассматривается историография вопроса о соотношении внешних и внутренних факторов политогенеза⁴.

Таким образом, несмотря на огромный объем имеющийся литературы по проблеме образования Древнерусского государства, гносеологическую и общественно-политическую значимость темы, в историографии отсутствуют не только учебные, но и обобщающие научные издания по рассматриваемой теме. В настоящем пособии, с учетом имеющегося историографического наследия, объема издания и учебных стандартов, ориентирующих студентов, в первую очередь на усвоение научных инноваций, основное внимание уделено современной историографии вопроса. В то же время, современное состояние проблемы невозможно понять вне исторического контекста. Поэтому автор постарался выделить основные тенденции и этапы ее развития, начиная с XVIII в. – времени становления и исторической науки, и самой проблемы образования Древнерусского государства.

¹ Там же. С. 10–33.

² Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

³ Пузанов В.В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии. С. 148–167; *Он же*. Некоторые методологические аспекты изучения проблемы генезиса восточнославянской государственности в постсоветской историографии // Историки в поиске новых смыслов: Сб. научных статей и сообщений участников Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. А.С. Шофмана и 60-летию со дня рожд. проф. В.Д. Жигунина. Казань, 7–9 окт. 2003 г. / отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань, 2003. С. 193–200; *Он же*. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 3–51; *Он же*. К вопросу о политической природе древнерусской государственности в постсоветской историографии // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2006. Вып. 3, август. Серия 2 история. С. 3–17.

⁴ *Он же*. Образование Древнерусского государства: межэтнический симбиоз и иерархия территорий // Долгов В.В., Котляров Д.А., Кривошеев Ю.В., Пузанов В.В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр–периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург, 2003. С. 101–112; *Он же*. Древнерусская государственность... С. 184–193.

Глава 1. ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII – КОНЦА XX ВЕКА

Научное изучение проблемы образования древнерусской государственности уходит корнями в XVIII столетие. Русская историография того времени являлась, за небольшим исключением, **монархической** как по своей идейной направленности, так и по основному предмету исследований. Историки писали историю государства, на которую смотрели сквозь призму деятельности государей. И структура работ, и периодизация исторического процесса строились обычно по временам правления представителей правящей династии. Сам ход истории как бы «окняживался». Было принято отождествлять начало русской истории с началом монархии, истоки которой большинство авторов возводили к приходу Рюрика с братьями¹, а некоторые даже к более раннему времени. И хотя в определении реального характера власти великих и удельных князей оценки исследователей расходились, они были согласны в том, что в Древней Руси существовало правление монархическое, самодержавное, и исключение делалось, да и то не всегда и не всеми, лишь для Новгорода. Как правило, история России в историографии XVIII – начала XIX в. сводилась, к истории монархии: ее образованию (со смертью братьев Рюрика), потом раздроблению (со смертью Ярослава Мудрого или Мстислава Великого) и новому соединению под властью уже великих князей московских эпохи образования Русского единого государства². Эти представления оказались на-

¹ Историографию «норманнской проблемы» см.: Глава 3.

² См.: Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII в. в отечественной историографии XVIII – начала XX в. Ижевск, 1995. С. 8–9, 58–59; *Он же*. К вопросу о княжеской власти и государственном устройстве в Древней Руси в отечественной историографии // Древняя Русь: новые исследования. Вып. 2 / под ред. И.В. Дубова, И.Я. Фроянова. СПб., 1995. С. 204–205; *Дербин Е.Н.* Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск, 2007. С. 13–40.

столько живучими¹, что **Ф.И. Леонтович** с полным основанием мог заявить, что вплоть до 40-х гг. XIX в. в русской историографии был «один политический культ – монархии Киевской и республики Новгородской»².

С внедрением в исторические исследования социологических схем, совершенствованием методики научных изысканий, расширением объектов исследования истории начинают смотреть на государство, как результат длительного развития общества, обусловленного внутренней связью явлений. Важную роль в становлении новых подходов к изучению исторического процесса, как естественного хода развития рода человеческого, сыграли работы **И.Ф.Г. Эверса**. В его трактовке государство и другие общественные институты представляли продуктом длительной эволюции общества, а не результатом деятельности отдельных личностей, которые сами, как показал автор, действуют под влиянием господствующих в обществе отношений и представлений³. На базе направления, заложенного И.Ф.Г. Эверсом и его последователями (**А.М.Ф. Рейц**, **Ф.Л. Морошкин**⁴), выросла знаменитая «государственная школа», у истоков которой стояли **С.М. Соловьев**, **К.Д. Кавелин** и **Б.Н. Чичерин**⁵. Они довели до совершенства схему длительного процесса становления **государственных отношений** через родовые, семейные (или вотчинные), однако так и не смогли выйти за рамки «культа монархии Киевской и республики Новгородской». Такой отход был осуществлен в работах **Н.И. Костомарова**, **Ф.И. Леонто-**

¹ Леонтович Ф.И. Задружно-общинный характер политического быта древней России // ЖМНП. 1874. Ч. 174. С. 206.

² Леонтович Ф.И. Задружно-общинный характер политического быта древней России // ЖМНП. 1874. Ч. 174. С. 206.

³ Ewers I. Ph. G. Geschichte der Russen. Dorpat, 1816; *Idem*. Studien zur grundlichen Kenntnis der Vorzeit Russlands. Dorpat, 1830; *Он же*. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии: Пер. с нем. И. Платонова. СПб., 1835. – См.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 223–233; Шевцов В.И. Густав Эверс и русская историография // ВИ. 1975. № 3. С. 55–70; Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство... С. 15.

⁴ Рейц А.М.Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов: Пер. с нем. Ф.Л. Морошкина. М., 1836; Морошкин Ф.Л. О владении, по началам российского законодательства. М., 1837; *Он же*. Гражданское право по началам Российского законодательства // Юридический вестник. 1861–1862. Вып. 15–17, 19–24.

⁵ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Современник. 1847. Т. 1. Отд. 2. С. 1–52; Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847; *Он же*. История России с древнейших времен: В 29 т. // *Он же*. Соч.: В 18 кн. М., 1988–1995. Кн. 1–15; Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858 и др.

вичи, В.И. Сергеевича, М.Ф. Владимирского-Буданова, С.А. Корфа и ряда других исследователей. Древняя Русь стала рассматриваться как совокупность «волостей-земель», во главе со старшими городами. В историографию того времени прочно вошли понятия «вечевое государство», «вечевой период»¹. Однако это направление не получило развития после Октябрьской революции².

В 1930-е гг. окончательно складывается марксистская концепция русской истории³. В изучении проблем Древнерусского государства в то время особый упор делался на работу **К. Маркса** «Секретная дипломатия», в которой проводилась мысль «о невысоком уровне социально-экономического и политического развития восточных славян IX – первой половины XI в.». Киевская Русь X–XI вв. рассматривалась одними исследователями (**Б.Д. Греков**) как единое государство с сильной княжеской властью, а другими (**С.В. Бахрушин**, **Н.Л. Рубинштейн**, **В.А. Пархоменко**) – как «непрочное», «эфемерное», «лоскутное» объединение, с примитивными отношениями «вассалитета без ленов». При этом **С.В. Бахрушин**, **Н.Л. Рубинштейн** и, в известной степени, **С.В. Юшков** вели речь о **дофеодальной природе** восточнославянского государства на начальном этапе его развития⁴.

В 1940–50-е гг. в советской историографии изменяются приоритеты в использовании методологического наследия классиков марксизма-ленинизма. «Секретная дипломатия» К. Маркса предается забвению, а методологической основой для осмысления

¹ Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале древней Руси // *Он же*. Исторический монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 1. С. 1–49; Леонтович Ф.И. Указ. соч.; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права: 4-е изд., доп. Киев, 1905; Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: Исторические очерки. М., 1867; Корф С.А. История русской государственности. СПб., 1908. Т. 1 и др. – См.: Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 8–12; Пузанов В.В. К вопросу о княжеской власти и государственном устройстве в Древней Руси... С. 208.

² Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Указ. соч. С. 13.

³ См.: Алексеев Ю.Г., Пузанов В.В. Проблемы истории средневековой Руси в трудах И.Я. Фроянова // Исследования по Русской истории и культуре: сб. статей к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. М., 2006. С. 3–4.

⁴ См.: Шишкин И.Г. Проблемы образования Древнерусского государства в отечественной историографии (1917–1990-е годы). Автореф. канд. дисс. Екатеринбург, 1997. С. 13–14; *Он же*. К вопросу о становлении марксистской концепции образования древнерусского государства в отечественной историографии 1920–1930-х гг. // Государство и общество. 1999. № 3–4. С. 23–40.

процессов генезиса восточнославянской государственности и классового общества становятся работы **Ф. Энгельса** («Происхождении семьи, частной собственности и государства») и **В.И. Ленина** («О государстве» и др.)¹. Постепенно в историографии намечается курс на удревнение государственности и классового строя у восточных славян.

Наиболее заметным исключением из общих тенденций и ярким явлением в научной жизни рассматриваемого времени стала **первая обобщающая монография**, посвященная проблеме образования Древнерусского государства, увидевшая свет в 1945 г. Ее автор, **В.В. Мавродин**, в какой-то мере, отдавал дань наметившимся в науке тенденциям и углублялся в поисках начального этапа истории русского народа и русской государственности в эпоху антов². «Далекими предшественниками Киевского государства – писал он, – были первые примитивные политические образования антских времен. Это были огромные межплеменные объединения, объединения не родовые, а политические». Союзы десятков племен, возглавляемые Бозом, Идаризием, Ардагастом, Мусокием, по мнению В.В. Мавродина, «смело можно назвать предтечами “варварских государств”, а в отдельных случаях, по-видимому, даже больше того, самими “варварскими государствами”». В стоящем «особняком» мощном политическом объединении «прикарпатских дулебов VI–VII вв.» («Валинана» ал-Масуди) В.В. Мавродин увидел «восточнославянскую предшественницу державы Само»³. «Первым крупным государственным образованием древней Руси» исследователь считал «Русский каганат Бертинских анналов», который он локализовал в Среднем Поднепровье⁴. Образование же собственно «древнерусского Киевского государства» исследователь связывал с полным слиянием «двух центров древней Руси – Новгорода и Киева, двух областей – “Славии” и “Куявы”» при Олеге⁵. В то же время, автор отмечал, что покорение Олегом племен «было в значительной степени условным» и выражалось «в несистематическом сборе дани и в участии их воинов в войнах и походах киевского князя. Зачастую это были скорее... союзники...»⁶. Завершение «успешного окончания создания древнерусского госу-

дарства» и расцвет «Киевской державы» В.В. Мавродин относил к периоду правления Владимира Святославича¹.

Показательно, что В.В. Мавродин не стремился к удревнению классового строя у восточных славян, полагая, что в IX–X вв. «древнейшие центры Руси» были окружены морем общин, а класс феодалов «во всем своем разнообразии» сложился в XI столетии².

Работа В.В. Мавродина подверглась критике как со стороны партийных структур, так и со стороны коллег³. В отечественной историографии взяла верх тенденция на удревнение процессов становления классового общества и государственности у восточных славян⁴.

В 1940–50-е гг. сложился, в основных чертах, тот взгляд на генезис и природу Древнерусского государства, согласно которому оно, являясь продуктом классового общества, сформировалось в форме **раннефеодальной монархии**, а в XII в. распалось на независимые или полунезависимые княжества⁵. **В.И. Довженок**, **В.Т. Пашуто**, **Л.В. Черепнин**, **И.Б. Греков** и **П.П. Толочко** внесли коррективы в эту схему. **В.И. Довженок** первым выступил против противопоставления единой Руси IX–XI вв., русским княжествам периода феодальной раздробленности. Последние, по его мнению, возникли вместе с Киевским государством, являлись структурными его составляющими и не могли заменить собой единого государства. Киев сохранял роль общерусского центра и в период феодальной раздроб-

¹ Там же. С. 289.

² Там же. С. 173.

³ См.: *Дворниченко А.Ю.* Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб., 2001; *Юсова Н.М.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). 2-е вид. Київ, 2006. С. 314–316.

⁴ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 263–279 и др.; *Шишкин И.Г.* Проблемы образования Древнерусского государства... С. 15–19.

⁵ *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 368, 450–514; *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 67, 139–144, 391–403; *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. С. 395–396; *Он же.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 144 и др.; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 403–589; *Рогов В.А.* Государственный строй Древней Руси: Учебное пособие. М., 1984. С. 5–6, 44, 62–70, 79. – Советские историки, на ином методологическом уровне, вернулись к старой «татищевско-карамзинской» схеме «монархии Киевской и республики Новгородской» (см.: *Пузанов В.В.* К вопросу о княжеской власти и государственном устройстве в Древней Руси... С. 208–211).

¹ См.: *Он же.* Проблемы образования Древнерусского государства... С. 18.

² *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 33–43.

³ Там же. С. 175–177.

⁴ Там же. С. 202.

⁵ Там же. С. 221–226.

⁶ Там же. С. 227.

ленности¹. Однако, наибольший резонанс получила точка зрения **В.Т. Пашуто**. По его мнению, «и после триумvirата Яро-славичей, и после Мономаха на Руси сохранялась общерусская форма правления, при которой киевский стол стал объектом **коллективного сюзеренитета** наиболее сильных князей».² Эти взгляды, в основных чертах, принял **Л.В. Черепнин**. Исследователь полагал, что о раннефеодальной монархии можно вести речь лишь применительно к княжениям «Владимира, Ярослава, Святополка, Мономаха, Мстислава». С распадом этой формы «Русь представляет собой средневековую федерацию – союз князей, оформленный договорными отношениями на началах сюзеренитета-вассалитета»³.

Своеобразный синтез воззрений В.И. Довженка, с одной стороны, В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнина – с другой, представляют взгляды **П.П. Толочко**. По его словам, «на Руси XII–XIII вв., как и во всей средневековой Европе, раздробленная структура политической власти была естественным порождением дальнейшего укрепления феодального способа производства. Не следует только отождествлять ее с политическим распадом государственности». П.П. Толочко ведет речь об общерусском строе «политической власти», основанном «на **принципах федерализма**. В условиях общности происхождения всех представителей правящего княжеского дома, такая форма государственности была единственно возможной»⁴.

В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнин, как и их последователи, в соответствии с устоявшейся в советской историографии традицией, ведя речь о межкняжеских отношениях X–XI вв., наполняли их феодальным содержанием. С таким подходом не согласился **А.В. Назаренко**. Модифицируя теорию «**семейно-родового владения**» Русью Рюриковичами, он пришел к выводу, что на Руси, как и в других феодализирующихся государствах, власть

¹ Довженко В.Й. Київ – центр Русі в період феодальної роздробленості // УІЖ. 1959. № 6. С. 89–98.

² Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 76 и др.

³ Черепнин Л.В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII в. // ИЗ. М., 1972. Вып. 89. С. 353–408; Он же. Пути и формы политического развития русских земель XII – начала XIII в. // Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII – XIV вв. М., 1974. С. 23–50.

⁴ Толочко П.П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 208–223.

князя/короля являлась «прерогативой не одной личности, а всего правящего рода». Это вытекало из традиционных представлений о сакральной природе княжеской власти и праве «всякого сонаследника на часть наследства». Поэтому уделы эпохи родового сюзеренитета (до конца XI в.), и уделы эпохи феодальной раздробленности, «явления совершенно различные как по происхождению, так и по государственно-политической сути»¹.

Построения А.В. Назаренко, в значительной степени, являлись реакцией на официальную концепцию истории Древней Руси, с ее тенденцией на тотальную феодализацию всех сторон жизни древнерусского общества. Это был отход, пусть и не последовательный, от господствующих историографических схем, в рамках доминирующей методологической парадигмы.

Таким образом, все отмеченные тенденции, в большей или в меньшей степени, следовали в русле, проложенном предшествующей историографией, рассматривавшей генезис государственности сквозь призму становления и развития классового общества. Между тем, уже со второй половины 1960-х гг. в советской науке наметились новые методологические подходы. Это было время, когда, с одной стороны, доминировало убеждение в незыблемости официальных научных концептов, превратившихся в совокупность догматов, а с другой – все больше исследователей начинали тяготиться избыточной детерминированностью и жесткостью пятичленной формационной схемы. Следствием этого явились попытки ее корректировки, выражавшиеся в выделении межформационных периодов, поиске новых формаций и т.п. В рамках таких поисков возобновляется прерванная на рубеже 1920–1930-х гг. дискуссия об азиатском способе производства, а **А.И. Неусыхин**, на новом уровне осмысления, вновь поднимает вопрос о существовании особого «**дофеодального периода**, предшествующего классовому обществу. Не остались без внимания и «надстроечные явления», в частности проблема генезиса государственности. А.И. Неусыхин высказал мысль о том, что т.н. «варварские королевства» в Европе представляли своеобразную форму доклассовой государственности («**варварское государство**»). Тогда же **М.А. Виткин** пришел к выводу о возникновении государственности на Древнем Востоке еще до оформления классового общества. Важную роль в понимании процессов становления раннегосударственных образований сыг-

¹ Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // ДГ: 1985 год. М., 1986. С. 149–157.

рали наблюдения советских этнографов, выделивших т.н. «потестарные институты», предшествовавшие государственным (**Ю.В. Бромлей, Л.Е. Куббель** и др.).¹

В изучении Древней Руси революционное значение имели труды И.Я. Фроянова, которые не укладывались в рамки догматического марксизма и содержали элементы цивилизационного подхода. **Концепция И.Я. Фроянова** оформилась в 1970–1980-е гг.² Исследователь выступил против устоявшихся, воспринимавшихся как аксиома, представлений о классовой природе древнерусского общества и государства. В Киевской Руси X в. он увидел «грандиозный суперсоюз племен» с центром в Киеве. Государственность на Руси XI – начала XIII в., по его мнению, имела доклассовый характер и была представлена **городами-государствами**, оформившимися на обломках племенных союзов³. Развивая эти взгляды, И.Я. Фроянов выступил против господствовавшего в историографии тезиса о феодальной природе политической раздробленности на Руси XII–XIII вв., так как, по его мнению, эпоха феодализма еще не наступила. Главной причиной «раздробленности Руси XII в.» стало образование городов-государств⁴.

Работа, написанная совместно с А.Ю. Дворниченко окончательно оформляет концепцию городов-государств. В ней, придавая логическую завершенность научной конструкции, делается еще один принципиальный вывод: «социально-политическое развитие Руси XI – начала XIII вв. протекало в едином русле», что, конечно, не исключало местных особенностей⁵.

В наиболее методологически законченном и несколько отрецензированном виде концепция восточнославянского политогенеза представлена И.Я. Фрояновым в статье 1991 г. В ней генезис государственности представляется как длительный, «с VI по XI или XII вв.», последовательный процесс становления основных его элементов (признаков). Еще в племенную эпоху, на стадии суперсоюзов племен, появляются два элемента государственности – публичная власть и налогообложение в виде да-

¹ См: Пузанов В.В. Феномен И.Я. Фроянова и отечественная историческая наука // Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 6–11; Алексеев Ю.Г., Пузанов В.В. Указ. соч. С. 3–23.

² В основных чертах фрояновская концепция политогенеза оформилась после выхода в свет монографии 1980 г.

³ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

⁴ Там же. С. 236 и др.

⁵ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Указ. соч. С. 252, 265–267 и др.

ней¹. «С крушением родоплеменного строя публичная власть сбрасывает с себя племенную оболочку, покрываясь общинной... К двум элементам государственности добавляется третий и последний – размещение населения на территориальной основе. Это означало, что складывание государства на Руси в главнейших его чертах», и в форме города-государства, «завершилось»². Применительно к «XI–XII вв. мы можем говорить о наличии трех признаков государства...»³.

Таким образом, согласно логике построений И.Я. Фроянова, **города-государства вызревают на базе племенных союзов, по мере трансформации кровнородственных структур в территориально-общинные**. «Древнерусское государство сложилось в условиях доклассовых общественных связей», а классовым содержанием «наполнялось... по мере созревания классов», которые оформились не ранее XIV–XV вв.⁴

И.Я. Фроянов **первым из советских историков**⁵ начал широко применять на древнерусском материале результаты **палеопсихологических исследований**, рассматривая, например, многие социальные катаклизмы в Древней Руси как проявление **первобытной психологии**, а не как акты **«классовой борьбы»**. Учитывал он особенности первобытной психологии и при комплексном анализе системы социальных связей, содержания политических процессов в домонгольской Руси (княжеские пиры и раздачи, сущность княжеской власти и представления о ней, место и роль знати в обществе, представления о собственности и т.п.).

В 1980-е гг. начинается научная деятельность ряда **учеников И.Я. Фроянова**, развивавших положения новой концепции, главным образом, на материале отдельных регионов Древней Руси⁶. К числу новационных по интересующей нас проблеме

¹ Фроянов И.Я. К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 61–93.

² Там же. С. 83–84, 92–93.

³ Там же. С. 92.

⁴ Там же. С. 93 и др.

⁵ На данное обстоятельство уже обращалось внимание в литературе (Писаренко Ю. К поиску смысла посмертного ограбления правителей // УИЗ. Вып. 10. 2007. Київ, 2007. С. 9–13).

⁶ Дворниченко А.Ю. Городская община и князь в древнем Смоленске // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 140–146; Он же. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1988. № 1. С. 58–73; Кривошеев Ю.В. Социальная борьба в Северо-Восточной Руси и проблемы генезиса феодализма // Там же. 1988. № 8. С. 49–63; Пашин С.С. Галицкое боярство XII–XIII вв. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1985. Сер. 2. Вып. 4. С. 15–21; Петров А.В. Соци-

следует отнести статью **А.Ю. Дворниченко**, представлявшую собой удачную попытку реконструкции образа города в традиционной картине мира восточных славян¹. На основе новейших методологических подходов, сравнительно-исторического анализа, использования широкого круга самых разнообразных источников автор показал сложность и многообразие представлений древнерусского человека о городе. В общественном сознании того времени город, как в целом, так и отдельные элементы его структуры, не только нес мощную сакральную нагрузку, но и представлялся сценой, на которой протекала драма жизни, сопереживаемая горожанином, местом, с которым «связан и такой важнейший элемент общественного сознания, как представления о богатстве». Но город, «в представлении древнерусского человека, – это еще и “граждане”, городская община», не только самоуправляющаяся, но и правящая, это неразрывное единство главного города, пригородов и волости². Автор пришел к выводу, «что понятия, символы и т.д., связанные с городом, были системообразующими в традиционной восточнославянской модели мира», и это неудивительно, поскольку «основой социально-политической структуры Древней Руси были города-государства»³.

Несомненный интерес представляли и попытки представителей «ленинградской университетской школы» выйти за рамки домонгольского периода, проследить эволюцию социальных и политических институтов в сложных условиях ордынского ига, формирования «русско-литовской» и московской государственности⁴.

ально-политическая борьба в Новгороде в середине и второй половине XII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 11. Проблемы истории города / отв. ред. И.Я. Фроянов. Л., 1988. С. 25–41 и др.

¹ Дворниченко А.Ю. Город в общественном сознании Древней Руси IX – XII вв. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры: К 80-летию проф. В.В. Мавродина. Л., 1987. С. 20–30.

² Там же.

³ Там же. С. 30. – А.Ю. Дворниченко близок к истине. В некоторых русских источниках начало Русской земли связывается с возникновением городов и, как следствие, волостей (см., напр.: «...Летописание князей и земля Русская, и како избра богъ страну нашу..., и грады почаша бывати по месту, прежде Новгородская волость и потом Киевская, и о поставлении Киева...» (НЛ. С. 103).

⁴ Дворниченко А.Ю. Эволюция городской общины... С. 58–73; Он же. Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб., 1993; Кривошеев Ю.В. О средневековой русской государственности (К постановке вопроса). СПб., 1995; Пащин С.С. Боярство и зависимое население Галицкой (Червонной) Руси XI–XV вв.: Автореф.

Новые научные веяния не обошли стороной и «национальную» историографию. Показательны взгляды белорусского исследователя **Н.И. Ермоловича**. Более историк-любитель, чем профессионал, он был знаком с литературой вопроса избирательно. Данное обстоятельство не могло не сказаться на степени самостоятельности основных положений и выводов автора, не испытывавших тяжкого бремени академической традиции. Касаясь причин образования Древнерусского государства и его природы, он писал: «Многие историки видят главную причину образования Древнерусского государства в развитии феодализма. Однако вряд ли эту причину можно считать серьезной. Трудно говорить о наличии феодализма даже в середине X в., когда киевские князья ходили на зиму в полудье в зависимые земли, где кормились со своими дружинами и собирали дань. Какой же это феодализм? Скорее всего, в это время существовала еще **военная демократия**, приспособленная, прежде всего, для организации набегов на другие, обычно более богатые земли с целью захвата добычи». Вслед за В.О. Ключевским, «определяющую роль в историческом развитии как этого, так и позднейшего времени» Н.И. Ермолович отводил пути «из варяг в греки», который, по его словам, «стал осью государствообразующего процесса». Опираясь на положения К. Маркса, **«империю Рюриковичей»** исследователь считал «искусственным и потому недолговечным военно-административным объединением», не имевшим общей экономической базы, в которое «наспех и вопреки их воли и интересам включались племенные земли». В этой связи он попытался оспорить тезис о существовании единой **древнерусской народности**¹.

Взгляды Н.И. Ермоловича оказали существенное влияние на изучение Древней Руси в последующей **белорусской историографии**².

канд. дисс. Л., 1986; Он же. Каланные и ордынцы в Червонной Руси XV в. (к вопросу о происхождении королевских слуг) // Вестн. Ленингр. ун-та. 1986. Сер. 2. С. 90–93; Петров А.В. О борьбе «старейших» с «меньшими» и выступлениях «крамольников» в Новгороде во второй половине XIII в. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1991. Сер. 2. Вып. 1. С. 20–27 и др.

¹ Ермолович М.І. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды. 2-е выд. Мн., 2001. С. 55–56.

² Это проявляется в отрицании существования древнерусской народности; в тенденции рассматривать формирование белорусской государственности сквозь призму Полоцкого и Туровского княжеств, которые характеризуются как первые белорусские государства; в изображении Киевской Руси конгломератом разных племен и народов, искусственным и кратковременным военно-политическим

Украинский историк **Ю.В. Павленко** в 1980-е гг. использовал элементы цивилизационного подхода к изучению древних обществ и вел речь о раннеклассовых **городах-государствах**, как **всемирно-историческом** явлении, в том числе в отношении Восточной Европы¹. Вместе с тем, он жестко увязывал процессы формирования городов-государств и «перехода от первобытности к цивилизации» с процессом становления классовых обществ, пути формирования городов-государств «с той или иной формой становления классового общества»².

В начале 1990-х гг. отход от признания **классовой обусловленности** образования древнерусского государства становится массовым. Изменяются подходы к пониманию характера ранней государственности, трактовке сущности и этапов политогенеза. Русь X в. все больше видится историкам разновидностью «варварского» государства, предгосударственным, доклассовым образованием, более близким к суперсоюзам племен, чем к государству и т.п.. Например, **А.П. Новосельцев**, охарактеризовал Русь X века, как «типичное варварское государство», представлявшее по форме «**федерацию княжеств**, возглавляемую Великим князем Киевским»³.

Наметившийся отход от ортодоксальных марксистских теоретических положений привел к определенному методологическому кризису в области изучения проблем генезиса древнерусской государственности. В этой связи в более выигрышном положении оказались те исследователи, которые еще в доперестроечные годы вышли за рамки догматического понимания марксизма и выработали цельную концепцию социо- и по-

образованием и т.п. – См., напр.: *Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 1. Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст.* Мінск, 2000. С. 215–222, 323–330; *Тарасаў С.В.* Полацкая зямля X–XI стст. Перадумовы утварэння Полацкай зямлі // *Труды VI Междунар. Конгресса славянской археологии. Т. 1. Проблемы славянской археологии* / отв. ред. В.В. Седов. М., 1997. С. 92–98; *Краўцэвіч А.* Асноўныя храналагічныя рубяжы этнічнай гісторыі Беларусі // *Гістарычны Альманах*. 2002. Т. 7 и др. – Впрочем, среди белорусских ученых имеют место и другие мнения (См., напр.: *Загарульскі Э.М.* Заходняя Русь. IX–XIII стст. Мінск, 1998; *Лысенко П.Ф.* Туровская земля IX–XIII вв.: 2-е изд. Минск, 2001. *Марзалюк І.* Гістарычная самаідэнтычнасць насельніцтва Беларусі ў 11–17 стст. // *Гістарычны Альманах*. 2001. Т. 5 и др.).

¹ *Павленко Ю.В.* Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств // *Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ*. Киев, 1984. С. 169–217.

² Там же. С. 183–184 и др.

³ *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990 и др.

литогенеза у восточных славян эпохи средневековья. Данное направление, представленное работами **И.Я. Фроянова** и его последователей, органически выросло на основе тех новационных процессов, которые будоражили советскую историографию 1960-х гг., и которые сумели выстоять в условиях жесткого научного и административного прессинга 1970-80-х гг.¹.

Ряд исследователей в поиске новых методологических ориентиров обратился к идеям представителей западной политантропологии. Речь идет, прежде всего, о **теории вожества** (**Э. Сервис**, **М. Фрид** и др.²), получившей широкое признание на Западе. С конца 1970-х гг. эти идеи стали распространяться в советской историографии, но особое развитие получили в постсоветской науке³. Однако проникновение термина **вождество** (*chiefdom*) в понятийный аппарат исследователей восточнославянского политогенеза затянулось на два десятилетия. При этом на начальном этапе инфильтрация новых идей осуществлялась посредством работ представителей «потестарно-политической» этнографии (**Л.Е. Куббель** и др.). Показательный пример – труды киевского археолога **А.П. Моца**, который одним из первых попытался использовать теорию вожества в изучении восточнославянского политогенеза. Так, касаясь проблемы союзов племен и племенных княжений, А.П. Моця соотнес их с «двумя историческими периодами: военной демократии и вожества» – промежуточным этапом «от первобытного общества к классовому». Методологической основой для этих построений послужили труды **Л.Е. Куббеля** и **В.П. Алексеева**. Особо важным для исследователя представлялось положение, согласно которому на этапе вожества «общество переходит к жесткой внутренней структуре и стремится к расширению своей территории, границы которой становятся более-менее округлыми»⁴. В более поздних работах он, не изменяя сути своих выводов, ссылается уже на

¹ См.: *Пузанов В.В.* Феномен И.Я. Фроянова и отечественная историческая наука. С. 5–30; *Алексеев Ю.Г., Пузанов В.В.* Указ. соч. С. 3–23.

² *Service E.R.* Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. N.Y., 1962; *Idem.* Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. N.Y., 1975; *Fried M.H.* The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967.

³ См.: *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / отв. ред. В.А. Попов. М., 1995. С. 11–61; *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006. С. 35–36.

⁴ *Моця А.П.* Давньоруська народність // *УІЖ*. 1990. № 7. С. 5.

труды *Л.С. Васильева* и *Э. Сервиса*¹. Эти идеи украинский исследователь синтезировал с традиционными наработками советской исторической науки об этапах становления и раннефеодальной природе Древнерусского государства. Однако широкое использование **теории вожеств** для осмысления процессов восточнославянского политогенеза относится уже к постсоветской историографии.

¹ Там само. С. 5; *Його ж.* Населення південно-руських земель IX–XIII ст. Київ, 1993. С. 54; *Його ж.* Східнослов'янське суспільство напередодні утворення Київської Русі // Давня історія України. Т. 3. Слов'яно-Руська доба. Київ, 2000. С. 477.

Глава 2. ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Важным рубежом в изучении восточнославянского политогенеза стали «Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто» (апрель 1992 г.), посвященные спорным проблемам образования Древнерусского государства. По итогам «чтений» были изданы тезисы и развернутые статьи, имевшие цель, по словам организаторов, «не столько представить результаты конкретных исследований, но в первую очередь привлечь внимание к более общим методологическим и теоретическим вопросам, касающимся как предпосылок и путей возникновения государственности, так и социально-политического характера раннегосударственных образований в различных регионах восточнославянского мира»¹. «Чтения» дали толчок не только прямому переносу **теории вожества** на восточнославянскую почву непосредственно из трудов представителей западной **политантропологии**, но и массовому отказу исследователей от **классового подхода** к проблеме зарождения древнерусской государственности².

Особую роль, как в плане методологических новаций, так и в плане влияния на последующее изучение вопроса сыграли доклад и статья *Е.А. Мельниковой*, посвященные типологии раннегосударственных образований в Северной и Восточной Европе³. Е.А. Мельникова выступила против доминировавшей в со-

¹ ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 4.

² Подр. см.: *Пузанов В.В.* О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия: К 65-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. В.М. Воробьев, А.Ю. Дворниченко. СПб., 1996. С. 148–167.

³ *Мельникова Е.А.* К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тез. докл. / отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1992. С. 38–41; *Она же.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // ДГ. 1992–1993 гг. С. 16–33.

ветской историографии тенденции проводить прямую и тесную связь между такими явлениями, как формация, классовое общество, государство. По ее мнению, «переход от родового к классовому (феодалному) обществу в Восточной и Северной Европе... осуществлялся через несколько последующих типов социально-политических систем: вождийство, являющееся еще догосударственным образованием, дружинное государство, в котором постарные структуры представлены военной организацией, и раннефеодалное государство». **Дружинное государство** в построениях Е.А. Мельниковой заняло место так называемого **военного государства**, выделяемого в работах ряда англо-американских социологов. Основной особенностью политической системы этого «зарождающегося государства – по Е.А. Мельниковой – является то, что его функции выполняются главным образом военной организацией – дружиной», или аналогичной ей организацией. При этом и *вождеству*, и выделенному ему *дружинному государству* Е.А. Мельникова придает универсальный характер¹.

Идею Е.А. Мельниковой о **дружинном государстве** принял украинский историк **Н.Ф. Котляр**, соединив ее с традиционным выделением этапов, предшествовавших образованию Древнерусского государства: союз племен, племенные княжения. Первым же восточнославянским государством, по его мнению, было княжество Аскольда и Дира².

Основные положения Е.А. Мельниковой и Н.Ф. Котляра принял **Е.В. Пчелов**³. Присутствует и ряд различий. Например, Е.А. Мельникова отдает предпочтение мягким и осторожным формулировкам, корректно определяет место марксистской традиции в изучении политогенеза. Н.Ф. Котляр признает, что «формационное изучение исторического процесса принадлежит

¹ См. также: Мельникова Е.А. К типологии контактных зон и зон контактов: скандинавы в Западной и Восточной Европе // Восточная Европа в древности и средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны: XI Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 14–16 апреля 1999 г. Материалы конф. / отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2003. С. 20.

² Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX–первой половины X в. // ДГ. 1992–1993. С. 33–49; Он же. Между язычеством и христианством (эволюция древнерусской государственности в X веке) // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 20–22 февраля 1995 г. Материалы конф. / отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1995. С. 25–28.

³ Пчелов Е.В. К вопросу о времени возникновения Древнерусского государства // Альтернативные пути к ранней государственности. Междунар. симпозиум / отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лынина. Владивосток, 1995. С. 117–127.

к основным теоретическим основам мировой науки нашего времени»⁴. Напротив, Е.В. Пчелов, ведя речь о неприменимости «марксистско-ленинских положений к раннесредневековой русской истории» оперирует жесткими положениями типа: «совершенно очевидно», «абсолютно неправомочно», «безусловно» и т.п. Н.Ф. Котляр предлагает считать первым восточнославянским (но еще не Древнерусским) государством «Киевское княжество» Аскольда, которое, «было тем этносоциальным и политическим ядром, вокруг которого начало складываться Древнерусское государство»⁵. По мнению же Е.В. Пчелова, княжество Аскольда и Дира «явилось переходным этапом от племенного княжения полян к “дружинному” государству славян и Руси во главе с Олегом»⁶. Не согласился Е.В. Пчелов с Н.Ф. Котляром и в вопросе о роли «юга» и «севера» в генезисе древнерусской государственности. По его мнению, Н.Ф. Котляр, однозначно становясь на «позицию юга», не подтвердил «свою точку зрения весомыми аргументами»⁴ и т.п.

Положения о **вождестве** и **дружинном государстве** применительно к восточнославянскому политогенезу постепенно завоевывают все более прочные позиции у исследователей. Например, **С.Л. Никольский**, задавшись «вопросом о специфическом характере правовой системы, функционировавшей в Древней Руси времени сложения государственности, т.е. в X – начале XI в.»⁵, поставил вопрос о существовании **дружинного права** и отметил, что этот тезис «перекликается с недавно возникшей теорией о существовании на Руси в X в. дружинной формы государства, чьи отголоски напоминали о себе и в первой половине следующего столетия»⁶.

В.М. Рычка, развивая идеи Н.И. Костомарова, полагает, что княжеская дружина в X в., «хотя и была еще “разбойничьей шайкой”, все же несла в себе... зародыши государственности. Поэтому небезосновательным является распространенное в новейшей литературе определение Киевской Руси конца IX–X вв. как

¹ Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 16.

² Он же. О социальной сущности Древнерусского государства... С. 42–43.

³ Пчелов Е.В. Указ. соч. С. 125.

⁴ Там же. С. 120, 121–122.

⁵ Никольский С.Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. Вып. 4 / отв. ред. А.А. Горский. М., 2004. С. 5.

⁶ Там же. С. 41.

дружинного государства»¹. В то же время, называя «упрощенным» подход, согласно которому в 882 г. «Олег объединил Русь в одно государственное тело с центром в Киеве»², пишет: «Думаю, что начало существованию Киевской Руси как государства следует относить ко времени правления в Киеве княгини Ольги (945–969 гг.)». Ее переговоры в Константинополе имели «определяющее значение для легитимации Киевского государства в тогдашнем христианском мире. Став крестницей императрицы Елены, киевская княгиня продемонстрировала тем самым свое духовное родство с византийским императорским домом. Соответственно с тогдашними представлениями восточных и южных славян их государственность будто бы происходила из Византии». Принятие христианства при Владимире «окончательно закрепило эту легитимность или угосударстило государственность [удержавило державність]»³.

Другой украинский историк, **Л.В. Войтович**, считает, что Е.А. Мельникова «достаточно аргументировано выделяет... времена вожества, дружинного государства и раннефеодального государства...»⁴. Принял положения Е.А. Мельниковой и **А.П. Моця**⁵.

В современной историографии, нередко, встречается упрощенное и не вполне корректное понимание концептов **вожества** и **дружинного государства**. Например, по мнению **К.А. Соловьева**, в произведении Ибн-Русте, в описании «"главы" славянского протогосударства, его обязанностей и прав [...] отчетливо выступают яркие черты *вожества* (suifdom) – общественных отношений, в рамках которых осуществлялся переход к ранним государствам». Вожество, в том виде, каком оно представлено в работах Н.Н. Крадина («в наиболее распространенной его трактовке», по словам К.А. Соловьева), «вело общество к формированию жестко иерархизированной модели государства, построенного по бюрократической "вертикальной" соподчиненности. В славянских же землях государство возникло не как бю-

¹ Ричка В.М. Київська Русь: проблеми, пошуки, інтерпретації // УІЖ. 2001. № 2. С. 26; Його ж. «Вся королівська рать» (Влада Київської Русі). Київ, 2009. С. 29–30.

² Його ж. Київська Русь... С. 26–27.

³ Там само. С. 26–28.

⁴ Войтович Л.В. Середні віки в Україні: хронологія, проблеми періодизації // УІЖ. 2003. № 4. С. 138.

⁵ Моця А.П. Поляни-руси та інші літописні племена півдня Східної Європи // А се его сребро: Збірник праць на пошану чл.-кор. НАН України Миколи Федорівича Котляра з нагоди його 70-річчя / відп. ред. В. Смолій. Київ, 2002. С. 17–18.

рократическое, а как «дружинное» – со значительным участием в управлении свободных граждан и практическим отсутствием бюрократических структур»¹. Свое последнее положение автор пытается обосновать ссылками на работу Е.А. Мельниковой, в которой, по мнению автора, представлено «другое мнение – об «универсальности» вожества... вследствие чего государства возникающие на его основе могут быть выстроены как вертикально (бюрократически), так и горизонтально (дружинное государство)»².

Очевидно, что точка зрения Е.А. Мельниковой передана К.А. Соловьевым в сильно искаженном виде. Е.А. Мельникова в цитируемой работе указывает не только на универсальность вожества³, но и на «универсализм» древнейшей, дружинной «формы государства, которую в разное время переживали все народы, образовавшие позднее как рабовладельческие, так и феодальные государства»⁴. Естественно, у нее нет речи и о государствах выстроенных «вертикально (бюрократически)... и горизонтально (дружинное государство)»...

Налицо и существенные методологические противоречия в работе А.К. Соловьева. Так, принимая «критическое замечание И.Я. Фроянова о том, что характеристика Древней Руси как раннефеодального государства не может считаться общепринятой», исследователь, тем не менее, использует данную характеристику для периода, начиная с «появления раннефеодального государства на рубеже IX–X вв.» до Батыева нашествия. Выделяя, таким образом, по его словам, единый «как в социальной... так и политической» сферах период⁵. Казалось бы, право автора придерживаться той или иной концепции, в данном случае – вести речь о раннефеодальном государстве. Но вся суть то в том, что эти «раннефеодальные» институты и отношения автор характеризует как «**потестарные**»!⁶

¹ Соловьев К.А. Властители и судьи: Легитимация государственной власти в Древней и Средневековой Руси: IX – первая половина XV в. М., 1991. С. 29–30.

² Там же. С. 30, прим. 9.

³ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований... С. 21.

⁴ Там же. С. 22–23.

⁵ Соловьев К.А. Потестарные отношения в Древней и Средневековой Руси IX – первой половины XV веков: Историографические очерки. М., 1998. С. 14–15.

⁶ См., напр.: Там же. С. 100–101 и др. – Это существенный методологический просчет, поскольку понятие «потестарный» вводилось его создателями для обозначения властных структур в доклассовых обществах (См.: Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988).

На разработку концепции **дружинного государства** известное влияние оказали работы **А.А. Горского**. В 1980-е гг., в рамках концепции «государственного феодализма», он выдвинул положение, согласно которому *дружина* – это корпорация, объединявшая всю светскую часть господствующего класса, во главе с князем. Дружина играла ведущую роль в обществе, являлась **корпоративным верховным собственником земли**, осуществлявшим корпоративную эксплуатацию населения посредством полудья¹. Особо важное положение для формирования новой концепции имели выводы автора, согласно которым «в раннее средневековье военнослужилая знать» (дружина) «и государственный аппарат совпадали»². Сам А.А. Горский, анализируя выводы исследователей о *дружинном государстве*, считает, во-первых, что «подобное определение... правомерно лишь в качестве одного из условных обозначений государства – по типу организации в нем элитного слоя... Во-вторых, если исходить из данного признака, о “дружинной государственности” на Руси можно говорить не до начала XI в., а примерно до второй половины XII в.», поскольку «даже во второй половине XII столетия» встречаются «указания на “дружину” как на совокупность представителей знати того или иного княжества». И «лишь в конце XII–XIII в. дружину в этой роли заменяет двор»³. Кроме того, А.А. Горский не оперирует категорией *вождейство*, предпочитая *племенные княжения*, *союзы племенных княжений* или – *славини*⁴.

Имеются и другие различия. Например, если А.А. Горский ведет речь о формировании **верховой государственной** (дружинно-корпоративной по сути) **собственности** и дани-феодальной ренты⁵ уже с начала X в., то Е.А. Мельникова обоснованно полагает, что «присоединение к ядру Древнерусского государства новых территорий и распространение на них верховной власти киевского великого князя, отнюдь не означает одно-

¹ Горский А.А. Дружина и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. № 9; Он же. Древнерусская дружина. М., 1989.

² Он же. Древнерусская дружина. С. 33, 59–74 и др.

³ Он же. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 109–114.

⁴ Он же. О «племенной знати» и «племенах» у славян // Florilegium: К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000. С. 65–66 и др.

⁵ По мнению А.А. Горского, *дань-налог* – главный признак феодальной, корпоративной собственности «военно-дружинной знати», игравшей на Руси «ведущую роль в формировании... господствующего класса феодального общества» (Горский А.А. Древнерусская дружина. С. 32–33, 82–86 и др.).

временного и автоматического перехода к князю верховной собственности на землю... Не несет в себе элементов ни феодализма, ни рабовладения и отчуждение прибавочного продукта как таковое» в форме полудья. «Лишь по мере становления частной собственности на землю социальная стратификация перерастает в классовую», феодальную. «...На Руси это происходит после середины XI в...»¹.

Историографические предпосылки взглядам А.А. Горского и Е.А. Мельниковой можно найти в дореволюционной науке, например, в работах **Ф.Л. Морошкина**² и, особенно, **Н.П. Ламбина**³.

Концепция **дружинного государства** встретила возражения со стороны ряда исследователей. В статье 1996 г. автор этих строк отмечал, что «определение данного раннего государства как дружинного неудачно ни с методологической, ни с конкретно-исторической точек зрения». Несмотря на большую «роль военной организации в подобных обществах», «ни военная организация, ни тем более властные структуры не исчерпывались дружиной». Кроме того, роль дружины у разных народов была неодинакова. Предложенная Е.А. Мельниковой «модель “дружинного государства” могла иметь место у некоторых народов», но неправомерно вести речь об ее универсальности, как ранней формы государственности. Вряд ли можно назвать «дружинными» архаичные государства Древней Греции или Италии. Более удачным было бы, вслед за рядом западных исследователей, называть данный тип государств «военным»⁴.

¹ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований... С. 17–18.

² Ф.Л. Морошкин выделял следующие государственные элементы («стихии»): дружины, кровнородственные объединения (семейства, роды, племена), городские общины. Государство – следствие союза первых двух элементов: «Семейства и роды составляли материальный элемент государства; дружина – формальный элемент» (Морошкин Ф.Л. Гражданское право по началам Российского законодательства // Юридический вестник. 1862. № 1. С. 2–4). Городские общины были представлены волными городами – Новгородом и Псковом (Там же. С. 5–6).

³ Н.П. Ламбин первым в отечественной историографии выступил с концепцией о существовании в Древней Руси верховной дружинно-корпоративной собственности, основанной на феодальных началах (Ламбин Н.П. Объяснение сказаний Нестора о начале Руси. На статью профессора Н.И. Костомарова «Начало Руси», помещенную в «Современнике» №1, 1860 г. Возражения учителя Н. Ламбина. СПб., 1860; Он же. Источники летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. 1874. Ч. 173, отд. 2. С. 225–263; Ч. 174, отд. 2. С. 53–119). – Подр. см.: Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII в. в отечественной историографии XVIII– начала XX в. Ижевск, 1995. С. 39–40.

⁴ См.: Пузанов В.В. О спорных вопросах... С. 160–162.

Сходные возражения высказали **А.Н. Тимонин** и **М.Б. Свердлов**. «Особенно наглядно порочность этого подхода – по словам **А.Н. Тимонина**, – проявляется в свете системного видения проблемы. Даже в случае ограничения анализа одним только институциональным аспектом, государство теоретически мыслится в виде совокупности определенных институтов. С этой точки зрения любая из подсистем государства, например, военная, выглядит шире, чем у Е.А. Мельниковой»¹. По мнению **М.Б. Свердлова**, «такое определение... удачно отмечает структурообразующее значение дружины, но определение государства по одному из социальных институтов отстраняет на второй план другие структурные элементы системы, что уменьшает возможности системного подхода»².

Несколько иначе недостатки концепции «дружинного государства» видятся **А.В. Майорову**, который не согласился с вышеприведенными аргументами критиков. По его словам, «определение, предложенное Е.А. Мельниковой, не претендует и не может претендовать на исчерпывающую характеристику явления. Оно принадлежит к числу таких широкоупотребительных определений, в которых фиксируется только одна, наиболее существенная сторона предмета... В данной связи определение Е.А. Мельниковой не лучше и не хуже многих ему подобных, которые можно найти в современной литературе, например, “рабовладельческое”, “феодалное” или “общинное государство”». Сам А.В. Майоров «главным методологическим недостатком» построений Е.А. Мельниковой, «как и некоторых других новейших авторов», назвал «отсутствие должной определенности в понимании самого исследуемого предмета – государства как такового, – какими должны быть его наиболее универсальные признаки, в чем они проявляются, в какое время и при каких обстоятельствах происходит их формирование, наконец, в чем состоит процесс образования государства»³.

Справедливости ради, следует отметить, что разница между понятиями *дружинное государство*, с одной стороны, *рабовла-*

¹ Тимонин А.Н. Проблемы генезиса Древнерусского государства. Уфа, 1997. С. 59–60.

² Свердлов М.Б. Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XIV вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории / отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2006. С. 40, прим. 58.

³ Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период: Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 30.

дельческое, феодальное, общинное – с другой, все же, имеется. И рабовладельческие, и феодальные отношения определяют сущность социальных и политических связей снизу доверху. То же самое можно сказать о системе общинных отношений, выступающих не только связующими узлами социальных связей, но и формой существования многоуровневой системы административно-политической организации социума. Община являлась основным структурообразующим элементом древних обществ, тогда как дружина – формой организации части правящей элиты в отдельных обществах.

Имеется пример и «вторичной», независимой постановки проблемы «дружинного государства». Так, **Л.Е. Гринин**, со ссылкой на **А.Я. Гуревича**, писавшего о взаимосвязи между могуществом правителя и размером его дружины, отмечал: «Русь, Норвегия и другие страны являли пример дружинного государства, в котором могущество правителя “измерялось в первую очередь размерами его дружины”»¹.

Достаточно прочно в постсоветской историографии Древней Руси утвердились и представления о **вождестве**, как **универсальной форме** социальной организации, непосредственно предшествующей государству. Помимо уже рассматривавшихся исследований, следует отметить работы украинского археолога **Я.В. Барана**, а также представителей «школы И.Я. Фроянова» – **Д.М. Котышева** и **А.Ю. Дворниченко**². **Я.В. Баран** признает универсальный характер «такой формы социальной организации», как вождество. Касаясь соотношения племени и вождества, он, вслед за **Л.С. Васильевым**, полагает, что «племя как социальное образование совпадает с понятием “чифдом”»³. Со временем у славян появляются сложные чифдомы, свидетельства о которых он находит уже в известии Иордана об антском вожде Боже⁴. В «Русской земле», выделенной в трудах

¹ Гринин Л.Е. Раннее государство и демократия // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 340.

² Баран Я.В. Суспільний лад та соціальні відносини // Давня історія України. С. 145–163; Дворниченко А.Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // ROSSICA ANTIQUA: Исследования и материалы. 2006 / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб., 2006. С. 184–195; Котышев Д.М. Княжеские элиты и городские общины в Южной Руси XI–XII вв. // Еліти і цивілізаційні процеси формування націй / головн. ред. О.О. Рафальський. Київ, 2006. Т. 1. С. 235–240.

³ Баран Я.В. Суспільний лад та соціальні відносини. С. 156.

⁴ Там само. С. 157. – Как сложные вождества Я.В. Баран рассматривает также «летописные племена» (Його ж. До проблеми соціальної інтерпретації

А.Н. Насонова и Б.А. Рыбакова, Я.В. Баран видит «классический пример возникновения и все большего усложнения чифдома, который эволюционировал в сложное вождество, а впоследствии стал государством» Этот вывод, по мнению исследователя, подтверждается и сообщением летописи о «княжениях» у славян¹. «В феномене чифдома с характерной для него системой власти-собственности – по словам Я.В. Барана – было заложено по меньшей мере два пути дальнейшего развития. Там, где власть-собственность оставалась недифференцированной, после появления легализованного аппарата принуждения создавались государства типа восточных деспотий... Если же происходила дифференциация власти и собственности, то возникали государства европейского типа, каковым и являлось первое государство восточных славян – Киевская Русь»².

Д.М. Котышев попытался совместить наработки представителей западной политантропологии с концептуальными построениями **И.Я. Фроянова** и **А.В. Назаренко**³. На представлении И.Я. Фроянова о Киевской Руси X в. как грандиозном суперсоюзе племен, возглавляемом полянской общиной, Д.М. Котышев наложил построения **Н.Н. Крадина** о суперсложном вождестве⁴. Путем такого совмещения суперсоюз (Киевская Русь) превратился в **суперсложное вождество** – переходный этап «от родовой эпохи к раннегосударственной»⁵. По мнению исследователя, термин *суперсложное вождество* (*территориальное раннее государство или мультиполития*) «близок определению “суперсоюза племен”, но представляется... более корректным и точным»⁶.

слов'янських градів // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі / відп. ред. О.П. Моця. Суми, 1993. С. 14).

¹ Його ж. Суспільний лад та соціальні відносини. С. 160.

² Там само. С. 145–163.

³ Котышев Д.М. Указ. соч. С. 235–240.

⁴ Необходимо иметь в виду, что о *суперсложном вождестве* Н.Н. Крадин ведет речь применительно к кочевым империям. Например, в одной из последних работ Н.Н. Крадина, написанной совместно с Т.Д. Скрынниковой подчеркивается, что «те общества, которые ранее интерпретировались как зачаточные ранние государства [речь идет о типологии ранних государств Х.Дж.М. Классена и П. Скальника. – В.П.], правильнее было бы определять как сложные или (если речь идет о кочевых империях) суперсложные вождества» (Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006. С. 504).

⁵ Котышев Д.М. Указ. соч. С. 235.

⁶ Он же. Киев–Белгород–Вышгород: из истории взаимоотношения города и пригородов Киевской земли // Слов'янські обрії. Київ, 2006. Вип. 1. С. 119.

А.Ю. Дворниченко, напротив, солидаризируется с теми исследователями, кто ставит под сомнение правомочность использования понятия «племя». По его мнению, на смену военной демократии (VI–VIII вв.) у славян приходит вождество, развивающееся «от более ранней, примитивной, формы к более развитой (IX–X вв.). Если использовать терминологию **Р. Карнейро**, это было движение от простого вождества через компадное к консолидированному». Последнее «предшествовало формированию гражданской общины, которое приходится на XI – первую половину XII в.». Сформировавшиеся **города-государства** (гражданские общины) являлись **лишь по форме государствами**¹.

Нетрудно заметить, что если раньше для автора, говоря его же словами, «светом в окошке»² являлась концепция И.Я. Фроянова, то теперь теория вождества и сомнительные идеи **М. Берента**, оспаривающего государственный характер древнегреческого классического полиса³. Правда, в отношении Древней Руси А.Ю. Дворниченко пока еще оперирует понятием «город-государство». Но, видимо, до появления очередного нового «окошка», или «света» в нем.

Выведенная на этнографических материалах Океании, **теория вождества** логично объясняет процессы политогенеза в большинстве регионов Азии, Африки и Америки. Однако этнографические материалы в отношении европейского континента отсутствуют⁴. Попытки выделения археологических критериев вождеств вряд ли можно считать убедительными. Создается впечатление, что ученые ухватились за очередную «универсальную теорию», вносящую методологическую стройность и упорядоченность в исторические сочинения, но имеющую те же недос-

¹ Дворниченко А.Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. С. 184–195.

² «Свет в окошке» – одно из любимых выражений автора. См., напр.: Там же. С. 287.

³ См.: Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М., 2000. С. 235–258. – На шаткость положений израильского историка указывали как зарубежные, так и отечественные исследователи. См.: Hansen M.H. Was the Polis a State or as Statlesse Society? // Even More Studies in the Ancient Greek Polis Centre 6 // Historia: Einzelschriften. N. 162. Stuttgart, 2002. S. 17–47; Медведев А.П. Был ли греческий полис государством? // Античный мир и археология: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Парфенов. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 17–32.

⁴ Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / отв. ред. В.А. Попов. М., 1995. С. 13–15.

татки в плане применения к конкретному историческому материалу, что и другие «универсальные» теории. Понимая уязвимость такого «универсализма», отдельные исследователи отказываются от использования *теории вожеств*, а другие **усматривают в вожествах лишь один из возможных путей политогенеза**. Многие представители отечественной науки, наряду с понятием «вожество» оперируют и более привычными: «**военная демократия**», «**племя**», «**союз племен**» и т.п.

На древнерусском материале особый интерес в связи с вышесказанным представляют работы **Е.А. Шинакова** – автора одной из трех¹ имеющихся на данный момент в отечественной историографии специальных монографий по проблеме образования Древнерусского государства. Исследователь принял положение Е.А. Мельниковой о **дружинном государстве**, но лишь как **одном из возможных путей политогенеза**². По его мнению, «наличие дружины (в строгом смысле слова) еще не говорит о “дружинном государстве”», о котором можно вести речь «лишь тогда, когда дружина становится если не единственной, то главной внешневоенной силой, устраняя все другие виды формирований, монополизируя... как институт, все управленческие функции»³. Поэтому «“дружинное государство”, в строгом смысле, – достаточно узко-локальное явление, в наиболее полном виде представлено в Чехии и Польше, возможно, Дании, отчасти, за короткий период и только как инструмент политогенеза – в Венгрии»⁴. *Вожества*, по мнению Е.А. Шинакова, также не являлись единственным и универсальным потестарно-политическим организмом, предшествовавшим государственности. Он выделяет в Восточной Европе IX–X в. 5–6 **зон потестарности**, соответствующих если не форме, то этапу *вожеств*. Для Севера, например, характерны предгорода-республики, Юго-Запада – «территориальные “вожества”», для радимичей – религиозно-общинная потестарная организация и т.д. «Империю Рюриковичей» второй половины IX–X в. Е.А. Шинаков представляет как **двухуровневое государство**, «верхний (“федеральный”, “имперский”) уровень которого образует правящая военно-торговая корпорация “Русь”, нижний – князья, вожди, старейшины отдельных подчиненных

¹ Монографии В.В. Мавродина, Е.А. Шинакова и В.В. Пузанова.

² Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 12, 30–33 и др.

³ Там же. С. 31–32.

⁴ Там же. С. 272.

ей субгосударств – территориальных вожеств-княжеств и городов-государств»¹. Переход к ранней государственности «на Руси произошел почти полностью... в правление Владимира, хотя начало его становлению положили реформы Ольги»². «Для Руси конца X – середины XI в. основной являлась корпоративно-дружинная форма ранней государственности с элементами (в регионально-, или структурно-политическом плане) линий развития к городам государствам (не только Новгород, Псков и Полоцк, но и такой институт как “вече”, во многих городах, а также боярско-аристократические тенденции в Ростове, Галиче и др.). Эта основа дополнялась некоторыми элементами “политарной”... и феодально-иерархической... форм государственности»³. При этом «“дружинное государство” на Руси не имеет не только четко выраженного характера, но и хронологических рамок... Оно зарождалось как бы “рывками” при Олеге и Святославе, пережило расцвет при Владимире, а затем медленно трансформировалось в другие структуры при Ярославе и его наследниках»⁴.

Таким образом, перед нами попытка **многолинейного и сравнительно-исторического подхода** к решению проблемы генезиса Древнерусского государства, основанная на **синтезе** концептуальных положений и элементов основных современных теорий («вожеств», «потестарно-политической этнографии», «дружинного государства», «городов-государств», «государственного феодализма» и т.д.)⁵, нашедшая сторонников в историографии⁶.

Стремление исследователя к использованию наиболее конструктивных положений современных теорий политогенеза является нормальным творческим процессом: залог по-

¹ Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. СПб, 2000. С. 309–314, 333–334; Он же. Образование древнерусского государства... С. 106–229 и др.

² Он же. Образование древнерусского государства... С. 287.

³ Там же. С. 297.

⁴ Там же. С. 284.

⁵ См.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 18–19.

⁶ Так, по словам А.С. Щавелева, «бурный и кровавый процесс складывания “лоскутной империи Рюриковичей” (К. Маркс) завершается во второй половине X в. рождением “двухуровневого дружинного государства” (Е.А. Мельникова, Е.А. Шинаков). ...Своего рода золотым веком этой политической системы» стала эпоха Владимира Святого (Щавелев А.С. Родовой сюзеринитет династии Рюриковичей в системе политического устройства Древней Руси // Проблемы славяноведения. Вып. 2 / отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2000. С. 13).

ступательного развития науки заключается в преемственности накопленных знаний, в противном случае пришлось бы каждый раз начинать сначала. Однако сам Е.А. Шинаков не согласился с нашей оценкой, заявив, что его «теория не является синтезом концептуальных положений и элементов *основных* современных теорий», поскольку: она «выведена индуктивно из анализа источников, к части которых применялся контент-анализ и корреляционный анализ»; «положения... теорий» *городов-государств и государственного феодализма* Е.А. Шинаков «не разделяет» и вообще в своей книге не ведет речи о «феодализме»; «что касается “вожеств” и “дружинного государства” — то это просто два этапа государствогенеза» и т.п.¹ Но здесь автор подменяет понятия. Во-первых, использовать отдельные элементы той или иной теории, еще не значит ее полностью поддерживать; во-вторых, исследователь ведет речь и о «вожествах», и о «дружинном государстве», и о линиях развития к «городам-государствам» (в Новгороде, Пскове и Полоцке). Другое дело, что Е.А. Шинаков не считает эти этапы и формы *государствогенеза* универсальными и законченными (отсюда такие характеристики как: «“Дружинное государство”, в строгом смысле, — достаточно узколокальное явление...»; «“Дружинное государство” на Руси не имеет не только четко выраженного характера, но и хронологических рамок...»; «...В среднем они [потестарно-политические образования. — В.П.] соответствуют если не форме, то этапу “вожеств”...» и др.) и пытается их развести географически (5–6 зон потестарности в Восточной Европе и т.п.). Что касается элементов теории *государственного феодализма*, то Е.А. Шинаков их использует когда пишет о корпоративной эксплуатации² или о «коллективной эксплуатации всеми росами... Славиний и, отчасти, “внешней России”»³; о верховном праве князя на землю и ренте-налоге с древлян⁴, о попытках распространения «порядков, введенных в древлянской земле, на все вновь присоединенные территории»⁵ и т.п.). В-третьих, если автор для построения своей

¹ Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 20–21.

² Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства... 2002. С. 155.

³ Там же. С. 177.

⁴ Там же. С. 194–195.

⁵ Там же. С. 213. — О содержании концепции «государственного феодализма» см.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 213–318; Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство... С. 48–57; Алексеев Ю.Г., Пузанов В.В. Проблемы истории средневековой Руси в трудах И.Я. Фроянова // Исследования по Русской истории и культуре: Сб. статей к 70-

концепции применяет дефиниции, заимствованные из тех или иных научных теорий, то он уже, в той или иной степени, использует элементы данных теорий. Но речь идет, как легко заметить, об использовании не только дефиниций.

Синтез положений и выводов различных концептуальных построений, однако, должен быть методологически корректным и не пытаться совместить несовместимое, пусть даже в различных географических или временных отсеках. Методологическая всеядность порождает методологическую неопределенность и неестественность концептуальных построений, чего не удалось избежать Е.А. Шинакову¹. Констатация невозможности «универсальной характеристики» потестарной организации рассматриваемого времени не меняет сути дела и не освобождает исследователя от необходимости соблюдать базовые методологические принципы исследования. А они нарушаются автором даже в ходе ведения полемики, когда, казалось бы, следует быть особенно осторожным. Например, Е.А. Шинаков утверждает, что словосочетание «“потестарное общество”... звучит парадоксом... В политической антропологии (и этнологии) есть понятия “акефальное”, “эгалитарное”, “иерархическое”, “ранжированное”, “стратифицированное общество”, но никак не потестарное. Последний термин означает отношение власти и властвования, системе управления, т.е. является эквивалентом термину “политический”, только для других (догосударственных) этапов государствогенеза»². Далее, по ряду рассуждений, следует заключительный «укол милосердия» поверженному оппоненту: «В социокультурной антропологии тип высокоорганизованного общества (“иерархия”) даже противопоставляется власти, т.е. государству вообще (ср., например, сборники и конференции “Hierarchy and Power in the History of Civilization”...)»³.

Как видим, автор для доказательства неправомерности использования дефиниции в рамках *потестарно-политической антропологии* использует положения и выводы другой научной

летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. М., 2006. С. 3–23.

¹ См.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность... С. 18–19.

² Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства... 2009. С. 22.

³ Там же. — Что касается фразы «противопоставляется власти, т.е. государству»... Конечно, государство и власть — неразделимы, но не всякая власть является государственной. Тем более, нельзя вести речи о том, что *власть* = «государство вообще».

теории, что методологически не корректно¹. Гораздо корректнее и методологически грамотнее было бы обратиться к трудам основоположников *потестарно-политической этнографии (антропологии)* Л.Е. Куббеля и Ю.В. Бромлея, которые и ввели в научный оборот само понятие «**потестарный**». Например, Л.Е. Куббель помимо отмеченных Е.А. Шинаковым вариантов, писал об обществах политарных (С. 42, 54²), античных (С. 25, 92), восточных (С. 25), сегментных (С. 18, 40, 92, 119, 120 и др.), безгосударственных (акефальных) (С. 55, 176), догосударственных, раннегосударственных, государственных (С. 28, 148, 185), раннеполитических, политических (С. 42, 92, 112), *потестарных и раннепотестарных* (С. 112, 176), классовых, феодальных и т.д. Этот перечень можно было бы продолжать от себя (общества дописменные и письменные, традиционные, индустриальные, постиндустриальные, информационные и т.п.), но стоит ли? Критериев типологизации обществ множество и они не сводятся только к принципам организации основных элементов социальной структуры, как, судя по всему, считает Е.А. Шинаков. Правда, и в его логическом ряду имеется исключение – *акефальное* (или – безгосударственное) общество. Но, если бывают общества *безгосударственные*, то, соответственно, могут быть и *государственные* общества? А, следовательно, и *политические*, и *потестарные*. *Государственные общества* – общества, достигшие государственного уровня развития; *потестарные* – общества, в которых имеются потестарные структуры (потестарные отношения) и т.п.³

Методологический механицизм проявляется и в переносе принципов анализа археологического материала на исторические реконструкции. Поэтому для Е.А. Шинакова существенными критериями определения синхростадиальности развития потестарных образований являются не система социальных связей и политическая организация, а «внешние атрибуты обоснования власти» и «территориальное устройство... столицы... и всего государства»⁴.

Не выглядит убедительно и разработанная Е.А. Шинаковым методика «использования археологических источников с целью

¹ Это равносильно силлогизму: католические священники давали обет безбрачия; протопоп Аввакум являлся священником, следовательно, он не был женат. Но ведь протопоп Аввакум не католик...

² Здесь и далее даются ссылки по тексту на издание: Куббель Л.Е. Указ. соч.

³ Ср.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 34–35, 62.

⁴ Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства... 2002. С. 113.

выявления признаков... тех или иных элементов, этапов, линий процесса государствообразования и форм потестарно-политических структур»¹, что вынужден был недавно признать и сам автор². В то же время он не согласился с сомнениями, высказанными по поводу познавательных возможностей археологических источников³, поскольку: 1) «для огромного пласта дописменной истории, в том числе вопросов “неолитической революции”, ранних земледельческих цивилизаций, не только “социокультурная”, но и потестарная история реконструируется в основном археологическими (плюс сравнительно-этнографическими) методами, и от этого не уйти никуда»; 2) «и для древнерусской истории новые данные дают только археология, нумизматика, эпиграфика (объекты которых также добываются археологическими методами)»⁴.

В этой связи в очередной раз возникает вопрос об **эффективности** использования **археологических методов** при изучении сложнейших процессов **социо- и политогенеза**⁵. Даже при наличии параллельной базы письменных источников, археологический материал, в силу своего характера, малоинформативен при рассмотрении указанной проблемы. Для анализа *потестарных отношений* не отраженных в письменных источниках – он оказывается просто бессильным. «Дорогая вещь» могла принадлежать не только вождю или представителю племенного нобилитета, но и удачливому воину, являться родовой реликвией и т.п. Предмет, похожий на скипетр, мог быть символом власти наследственного вождя, либо избираемого атамана⁶, магическим артефактом, либо предметом, о назначении которого современный человек вообще не имеет представления. Обнаруженная на городище площадь могла выступать и местом сбора

¹ См.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность... С. 19.

² Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства... 2009. С. 23.

³ Пузанов В.В. Древнерусская государственность... С. 19.

⁴ Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства... 2009. С. 23.

⁵ Поскольку Е.А. Шинаков согласился с тем, что выделенные им археологические критерии форм политогенеза требуют доработки, нет смысла их подробно рассматривать. Однако исследователь настаивает на том, что реконструкция потестарных отношений по археологическим источникам возможна, в чем он не одинок. Ниже мы попытаемся показать, что археологи преувеличивают познавательные возможности археологического материала по рассматриваемой проблеме, что на настоящее время надежные методики извлечения информации подобного рода отсутствуют. Поэтому реконструкции потестарно-политической и событийной истории, предлагаемые археологами, эфемерны и малопродуктивны.

⁶ Как здесь не вспомнить вручение атаманской булавы у запорожских казаков.

народного собрания, и местом обнародования указов деспота (проведения санкционированных им казней и т.п.), и местом торгового дела... О том, насколько упрощенными могут являться наши представления о реалиях глубокой древности, свидетельствует история изучения монументальных объектов. Едва ли не аксиомой считалось положение, согласно которому возводить подобные сооружения могли лишь сложные, иерархически устроенные цивилизации. Однако, раскопки (под руководством **К. Шмидта**) монументального комплекса **Гебекли-Тепе** на территории Турции (древнейшие сооружения датируются приблизительно **серединой X тысячелетия до н.э.**), переворачивают устоявшиеся представления: эти монументальные сооружения возведены охотниками, не знавшими земледелия и ведшими полукочевой образ жизни¹.

К сожалению, научные стереотипы (сформированные не только под воздействием исследовательской традиции, но и исторического опыта человечества, не сохранившего в подсознании коллективной памяти следов эпохи непосредственной демократии, стертых информацией и стереотипами времен монархий /деспотий/ и представительной демократии) довлеют над исследователем. Современному человеку проще представить монументальное сооружение следствием воли вождя, чем воплощением коллективной воли и разума общины. Ему сложно вообразить столь изнурительные и «нерациональные трудозатраты», выполняемые не по принуждению правителя, а согласно коллективному волеизлиянию. Как бы там ни было, археология может констатировать наличие монументальных сооружений, восстановить (не во всех случаях) технологию их возведения, трудозатраты, стоимость, определить (опять же, не всегда) функцию-

¹ См.: *Schmidt K.* Frühneolithische Tempel. Ein Forschungsbericht zum präkeramischen Neolithikum Obermesopotamiens // *Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft*. Berlin, 1998. Bd. 130. S. 17–49; *Idem.* Göbekli Tepe, Southeastern Turkey. A Preliminary Report on the 1995–1999 Excavations // *Paleorient*. Vol. 26. № 1. P. 45–54; *Linsmeier K.-D., Schmidt K.* Ein anatolisches Stonehenge // *Moderne Archäologie*. Heidelberg, 2003. S. 10–15; *Vor 12000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit*. Stuttgart, 2007; *Корниенко Т.В.* У истоков культового строительства Древней Месопотамии // *Археологические памятники Восточной Европы*. Воронеж, 2002. С. 209–220; *Она же.* Первые храмы Месопотамии: Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб., 2006; *Она же.* Гебекли Тепе — неординарный археологический памятник Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита: к вопросу об интерпретации // *Древность: историческое знание и специфика источника: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского*. Москва, 14–16 декабря 2009 г. М., 2009. С. 59–61 и др.

нальное назначение и т.п. Но побудительные мотивы такого строительства скрыты от археолога «за семью замками»: вождь ли стремился заручиться поддержкой высших сил, продемонстрировать собственное могущество и увековечить память о себе? Или тот же вождь обеспечивал сакральную защиту вверенных ему богами земли и народа? Или то и другое? А может монументальное сооружение являлось средоточием сакральной силы общины, обеспечивавшим воспроизводство, защиту и процветание коллектива, его доминирование над другими общинами...? Очевидно, что тот или иной ответ зависит не столько от самого археологического материала, сколько от его интерпретации. Образно состояние этой проблемы сформулировал **Томас О'Рэй-ли**: «Археологические факты часто скучны, но зато они обладают непреходящей ценностью; заключения археологов, напротив, нередко интересны, но сомнительны и эфемерны»¹.

Существуют серьезные проблемы корреляции археологического материала и с письменными известиями. Археологи, порой, злоупотребляют желанием «привязать» ту или иную находку, тот или иной археологический слой к конкретному историческому событию. Например, пожар в Ладоге, зафиксированный в слоях середины IX в. связывают с летописными событиями 859–862 г.², а византийские монеты Феофила II, найденные в Бирке (серебрянная), на Рюриковом городище (медная) и в Гнездово (золотая) — с известиями Бертинских анналов 839 г. (более того — пытаются проследить по ним обратный путь посольства росов из Ингильгейма на Русь)³. Но даже такое масштабное явление, как пожар в Ладоге, не обязательно должен быть связан с событиями, отраженными в ПВЛ под 859–862 гг.⁴ И уж совсем опро-

¹ Цит. по: *Сойер П.* Эпоха викингов: Пер. с англ. А.П. Санина. СПб., 2002. С. 74.

² *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени) // *Славяне и скандинавы / общ. ред. Е.А. Мельниковой*. М., 1986. С. 193; *Кирпичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога // *Средневековая Ладога*. Л., 1985. С. 23; *Рябинин Е.А., Черных Н.Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя старолadoжского Земляного городища в свете новых исследований // *Советская археология*. 1988. № 1. С. 91.

³ *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 429–430.

⁴ Тем более, что ранняя хронология летописи относительна, а нападения врагов и пожары были нередким явлением. Так, два тотальных пожара в Ладоге происходят с интервалом в четверть века: около 840 и около 865 г. (см.: *Кузьмин С.Л.* Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни? // *Ладога первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской*. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г. Сб. статей / науч. ред. Д.А. Мачинский. СПб., 2003. С. 52–53). Но связаны ли эти пожары (оба или

метчиво связывать отдельно найденные три монеты с конкретным посольством, а восстанавливать по ним маршрут его передвижения – тем более. Такое возможно лишь в том случае, если бы мы доподлинно знали, что все монеты найденного типа оставались в пределах империи и в правление, и после смерти Феофила II, за исключением определенной суммы, вывезенной указанным посольством росов. Но и в таком случае не ясно, каким образом три найденные монеты попали в Бирку, на Рюриково городище и в Гнездово: посольство могло погибнуть, а захваченные, скажем, викингами в числе добычи монеты могли быть туда доставлены непосредственно участниками разбойничьей акции; посольство могло благополучно вернуться домой и спустить денежки купцам и т.п. Да мало ли было способов избавиться от монет? При этом еще нужно благодарить Господа за то, что он *позволил* археологам эти монеты найти: почти что иголка в Океане...

Как видим, даже при такой идеальной для археолога «вводной», возникают серьезные вопросы к подобной методике анализа материала. Однако мы не знаем, какое количество монет Феофила II ходило за пределами Византии и каким путем они там оказались, сколько из них осталось в земле, а сколько ушла на переплавку и т.п. Поэтому вероятность того, что хотя бы одна из трех названных монет каким то «боком» связана с посольством 839 г. ничтожно мала. Вероятность же того, что все три монеты оставлены представителями посольства – безнадежно приближается к абсолютному нулю. Комментируя подобные приемы некоторых археологов, *Питер Сойер* отметил, что в основе их «лежит убежденность в том, что мы располагаем исчерпывающей исторической и археологической информацией, а это явно не так»¹.

Сказанное П. Сойером в полной мере относится и к трудам Е.А. Шинакова, для которого характерны утверждения и положения типа: «Летописец упоминает у дреговичей “свое княжение”... Однако “своего” княжеского стола у них не зафиксировано. (...) Никакого сопротивления руси дреговичи также не оказали, что косвенно свидетельствует в пользу отсутствия у них какого либо потестарного образования и даже осознания своего этнического единства»; «При упоминании присоединения ради-

один), и в какой степени с изгнанием варягов и призванием Рюрика (или ни один не связан) – можно только догадываться.

¹ Сойер П. Указ. соч. С. 98.

мичей и позднее – ликвидации их “мятежа” не говорится ни о каких князьях (как при Древянском восстании, например)» и т.п.¹. Что это, как не система доказательств, опирающаяся на **«убежденность в том, что мы располагаем исчерпывающей исторической и археологической информацией»**. Поэтому если нет известия – значит, не было явления или события. Но ведь историк должен отталкиваться не от того, о чем «не говорится» в источнике, а от того – о чем «говорится». При методике, применяемой автором, из источника (вернее – из его умолчания) можно извлекать любую желаемую информацию. Пример же с древянами не показателен, поскольку такое внимание уделено им летописцем по одной причине – они убили великого князя киевского Игоря. Поэтому **потестарную организацию древян, скорее, правомочно рассматривать не как уникальную, а как типичную** и для других племен. Тем более, что это известие коррелируется с сообщением летописца о «княжениях» у дреговичей, словен и др.²

Несмотря на имеющиеся недостатки, работа Е.А. Шинакова является существенным шагом на пути изучения проблемы. С автором можно и нужно спорить и по поводу методологических принципов исследования, и по ряду концептуальных построений, и по многим конкретным положениям и выводам. Однако он прав в основной теоретической посылке, когда характеризует Восточную Европу IX в. как **«конгломерат разноуровневых и разнотипологических протогосударственных образований»**, а Русь X в. как не только «разноуровневое», но **«разнотипологическое», «сложносоставное» образование**. И хотя вопрос о типологии этих образований и об «уровнях» потестарной интеграции остается открытым, монография Е.А. Шинакова может стать благодатным полем для исследовательских дискуссий.

Новые веяния не обошли стороной и **историков права**, которые, со времен **С.В. Юшкова** (сформировавшегося, как исследователь еще в дореволюционный период), не создали сколько-нибудь впечатляющих трудов по древнерусскому периоду³. В 1997 г. увидела свет монография **А.Н. Тимонина**, посвященная проблемам образования Древнерусского государства. Автор оказался в весьма затруднительной ситуации, поскольку новейшие

¹ Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства... 2002. С. 109–110 и др.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10–11.

³ О не вполне удачных попытках изучения процессов восточнославянского политогенеза К.А. Соловьевым речь велась выше.

достижения и мировой, и отечественной историографии долгое время оставались не востребованными его коллегами-юристами. Видимо, этим обстоятельством, не в последнюю очередь, определяется известный эклектизм и внутренняя противоречивость, свойственные его работе. Не могло не сказаться и упрощенное понимание ситуации, сложившейся в разработке методологических принципов исторического исследования: она представляется автору однолинейной, как процесс смены формационного подхода цивилизационным¹. Полемизируя с Е.А. Мельниковой, А.Н. Тимонин, со ссылкой на «Свод этнографических понятий и терминов», заявляет, что «ни военная демократия, ни «вождество» не могут считаться универсальными понятиями². Но поскольку понятие «военная демократия» «ныне трактуется настолько противоречиво, что оперировать им стало затруднительно», исследователь предлагает вместо него использовать «другое понятие – «эпоха государствообразования». По аналогичным соображениям вместо «племенное княжение» следует употреблять понятие «вождества»³. Известия мусульманских авторов о трех «центрах руссов», позволяют А.Н. Тимонину сделать вывод, что «лишь некоторые из славянских вождеств в начале IX в. смогли переступить порог, отделяющий первобытность от государственного общества»⁴.

Следует обратить внимание и на другую терминологию, которой оперирует автор: «многонародное государство»⁵, «военно-монархический режим» (установленный Рюриком в Новгороде, с «неограниченной властью» правителя и «поголовным рабством» новгородцев) и т.п.⁶ Впрочем, последнее заявление отнюдь не помешало ему утверждать, вслед за **И.Д. Беляевым**, что Олег, тяготясь зависимостью от новгородского веча⁷,

¹ См., напр.: Тимонин А.Н. Указ. соч. С. 77.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 102.

⁴ Там же. С. 103. – Далее встречаем: «...Объединением Новгорода и Киева было положено только начало образованию Древнерусского государства» (Там же. С. 142–143).

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Там же. С. 111–114.

⁷ Видимо, «военно-монархический» и «тиранический режим» к тому времени пал, или, возможно, по мнению А.Н. Тимонина, установилась особая военно-монархически-вечевая тирания, основанная на бесправии («поголовном рабстве подданных»), с одной стороны, и на зависимости «тирана» от поголовно находящихся в рабстве подданных, собиравшихся на вече, с другой?

захватил Киев и остался в нем навсегда, став, тем самым, независимым от веча князем¹.

Более основательны и взвешены положения другого историка права – **В.В. Момотова**. Однако и для него методологические аспекты проблемы восточнославянского политогенеза представляют, порой, неразрешимые трудности. Проявляется это уже в восприятии историографии вопроса и использовании терминологии. Так, В.В. Момотов уверен, что «ранние государственные образования иногда кроме «вождества» называют «протогосударствами», «племенными княжениями», «ранними империями» или порой прибегают к термину «военная демократия»². В данном случае он не вполне сориентировался в статье Н.Н. Крадина, на которую и ссылается. Не лучшим образом В.В. Момотов смог разобраться и в работах Е.А. Мельниковой: «Одной из первых в отечественной историографии термин «вождество» использовала Е.А. Мельникова, **проводя тождество между «вождеством» и «дружинным государством», «феодальным государством»** [выделено нами. – В.П.]»³. Даже задавшись специальной целью, трудно сильнее исказить точку зрения Е.А. Мельниковой, чем это сделал В.В. Момотов. Дальнейшее чтение текста монографии, кажется, проясняет ситуацию: автор действительно путается в дефинициях. Для него, например, являются идентичными понятия «военная демократия», «заключительный этап... первобытнообщинного строя», «стадия перехода от родового строя к государству», «начальная фаза государственности», «архаичное общество», «государственность» и т.п.⁴ Внес В.В. Момотов и собственный вклад в методологическое обоснование начальных этапов восточнославянского политогенеза, попытавшись «примирить» «военную демократию» и «вождество». «Хотя современная наука – по его словам – и отвергает универсальность института «военной демократии»... все-таки, как представляется, его⁵ можно использовать

¹ Там же. С. 134–141.

² Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М., 2003. С. 44.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 45–46.

⁵ Автор выразился неудачно, поскольку получается, что сам институт «военной демократии» как таковой «можно использовать при характеристике возникновения публичной власти в средневековой Руси» (каким, спрашивается, образом?). Однако, буквально через несколько предложений, автор пытается исправить (правда неуклюже): ««Военную демократию» в качестве термина можно использовать для характеристики начальной фазы государственности...». Поче-

при характеристике возникновения публичной власти в средневековой Руси». А именно – «для характеристики начальной фазы государственности как одного из возможных путей образования государства через военно-иерархические структуры. Такой путь формирования государственности», по мнению В.В. Момотова, «характерен для южной Руси. Напротив, “вождества” могли быть не только “военно-иерархическими”, но и “аристократическими” формами организации власти, что характерно... для северо-западных земель во главе с Новгородом»¹.

Таким образом, *говорить о сколько-нибудь выверенной современной историко-правовой концепции становления древнерусской государственности преждевременно.*

«Восточнославянские вождества» стали результатом не столько изучения конкретного материала, сколько следствием **механического переноса** готовых **теоретических схем** на отечественную почву. Как следствие – методологическая неопределенность, наложение новой дефиниции на традиционные: «племенное княжение» = простое вождество и «союз племен или племенных княжений» = сложное вождество (**Е.А. Мельникова**); «племенное княжение» = вождество (**Н.Ф. Котляр**, **Е.В. Пчелов**, **А.Н. Тимонин**²), суперсоюз племен = суперсложное вождество (**Д.М. Котышев**) и т.д. **Е.В. Пчелов**, фактически, отождествляет понятия, «военная демократия» и «вождество»³, «княжеская власть» и «вождество»⁴. Украинский археолог **Я.В. Баран**, вслед за **Л.С. Васильевым**, полагает, что «племя как социальное образование совпадает с понятием» *вождество*⁵ и т.п. Поэтому Е.А. Шинаков имел все основания вести речь о внешнем, «терминологическом» характере новаций в работах Е.А. Мельниковой и Н.Ф. Котляра⁶.

Более логичной, на первый взгляд, выглядит позиция **А.Ю. Дворниченко**, последовательно проводящего взгляд на вождество, как универсальное явление, и не менее последовательно отказывающегося от традиционных для отечественной

му было не написать проще и точнее: «Термин “военная демократия” можно использовать...»?

¹ Там же. С. 45–46.

² Тимонин А.Н. Указ. соч. С. 102.

³ Пчелов Е.В. Указ. соч. С. 119, 121. – На принципиальное различие этих понятий указывал Н.Н. Крадин (*Крадин Н.Н.* Указ. соч. С. 19).

⁴ Пчелов Е.В. Указ. соч. С. 121.

⁵ Баран Я.В. Суспільний лад та соціальні відносини. С. 156, 157, 160.

⁶ Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства... 2002. С. 303, 334.

историографии дефиниций¹. Вместе с тем, А.Ю. Дворниченко, как и другие сторонники универсализма вождества, не может внятно объяснить, почему однолинейная эволюция на этапе от эгалитарных обществ к вождеству, в итоге, не дает однолинейного же развития на последующих стадиях развития. Не логичнее ли исходить из положения о том, что общества изначально подвержены *многолинейной эволюции*? Как показывают исследования, «нет ни одной пары значимых эволюционных показателей, между которыми наблюдалась бы 100%-ная корреляция. По крайней мере за более чем 100 лет поисков подобных корреляций ни одной реальной функциональной зависимости между какими-либо социозволюционными показателями обнаружено не было»².

Конечно, не все исследователи находят место *вождеству* в качестве одного из звеньев в цепи политогенеза. Например, **И.Н. Данилевский**, на основании летописного сказания о призвании варягов, приходит к выводу о том, что первоначально народное вече «было источником власти князя».³ Принимая точку зрения **И.Я. Фроянова** о нераздельности «военной силы и общественной власти» у восточных славян в период зарождения древнерусской государственности, И.Н. Данилевский предполагает существование «более или менее» устойчивого равновесия сил «между властью князя», опиравшегося на дружину, и «властью веча, за которым стояла военная организация горожан»⁴. И.Н. Данилевский корректно характеризует марксистскую концепцию образования государства и отмечает, что уже четверть столетия назад ряд отечественных исследователей пришел к выводу о том, что государству предшествовали «потестарные органы, выполнявшие те же функции, но, в отличие от государства, не имевшие политического характера». Он же указывает на корреляцию этих выводов с результатами новейших исследований западных ученых-политантропологов⁵. Исследователь соглашается со все больше распространяющимся в историографии мнением о «общенародном» характере раннего госу-

¹ Данное обстоятельство, впрочем, объясняется не столько детальной проработкой автором сути вопроса, сколько стремлением к оригинальности.

² См.: Бондаренко Д.М., Коротаев А.В. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции (К кросскультурному тестированию некоторых полиантропологических гипотез): URL: <http://ons.gfns.net/1999/5/12.htm>

³ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1999. С. 78.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Там же. С. 161–163.

дарства, главной функцией которого являлась защита интересов граждан (подданных)¹. Отмечая внутреннюю противоречивость концепции И.Я. Фроянова о доклассовом, потестарном государстве², И.Н. Данилевский, в целом, принимает многие выводы петербургского исследователя, в том числе: 1) в Киевской Руси не удастся найти классовых структур; 2) правом на принуждение в Киевской Руси обладали князь, дружина и городское вече.³ Отвергая господствовавшие в отечественной историографии «жесткие» характеристики государства, И.Н. Данилевский, опираясь на положения **Р. Вольфа**, **Ю.В. Бромля** и **Ю.И. Семенова**, выделяет «две общие характерные черты» государства: 1) использование силы, «с целью добиться подчинения своим командам»; 2) претензия «на право командовать и право подчинять, т.е. на то, чтобы быть легитимным. Вторая черта представляется особенно важной, ибо позволяет установить четкое различие между бандой грабителей и государственным аппаратом»⁴.

Но и такое «мягкое определение»⁵ государства, на наш взгляд, имеет существенные недостатки, поскольку, фактически, нивелирует грань между кровнородственными объединениями, различного типа общинами, союзами и т.п., с одной стороны, и государством – с другой. Думается, можно найти немало и претупных сообщений, не только использующих силу, но и претендующих на «право» подчинять. Это «право» определялось «правом сильного» и провести грань между «легитимностью», условно говоря, «государственной» и «легитимностью догосударственной» на ранних этапах политогенеза вряд ли возможно. Несомненно лишь то, что «легитимным» было право победителя.

И.Б. Губанов предпринял попытку решить проблему типологии Киевской Руси X в. опираясь, на признаки государства, разработанные **Х.Дж.М. Классеном**⁶, с использованием срав-

¹ Там же. С. 164.

² Там же. С. 168. – К недостаткам концепции И.Я. Фроянова И.Н. Данилевский относит то, что «она не отвечает на простой и в то же время очень важный вопрос: как представляли это государство его подданные (а заодно и правители)» (Там же). Вряд ли можно безоговорочно согласиться с последним заявлением авторитетного исследователя. «Вопрос» этот, во-первых, не «простой». Во-вторых, ответ на него, в известной мере, содержался в статье А.Ю. Дворниченко, который одним из первых, если вообще не первый, обратился к данной проблеме на древнерусском материале.

³ Там же. С. 164–165 и др.

⁴ Там же. С. 163.

⁵ По словам самого И.Н. Данилевского.

⁶ У И.Б. Губанова – *Клэссен*.

нительно-исторического материала. Проведенный анализ убедил автора в том, что «Древняя Русь первой половины X в. имела... примитивную и архаичную структуру, которой всякая придворная иерархия и чиновная система была органически чужда, это было рыхлое образование из множества славянских и древнефинских племен, с которых скандинавская дружина князя-конунга собирала дань посредством полюдья». Позднее, «некоторые элементы древнескандинавской системы управления вошли... и в структуру раннефеодального христианского государства – Киевской Руси»¹. Немного погодя, это «зародышевое государство» И.Б. Губанов характеризует как **протогосударственное многоплеменное образование**, и датирует трансформацию последнего в «**раннесредневековое государство**» серединой X в.² Таким образом, понятия «раннефеодальное» и «раннесредневековое» государство используются автором как синонимы.

Кардинальные изменения претерпели взгляды **М.Б. Свердлова**. В начале 1990-х гг. он ввел в свою схему восточнославянского политогенеза понятие «варварское государство»³, против которого активно выступал в 1980-е гг.⁴ В последнее время вместо понятия «варварское государство» в его работах фигурирует «**потестарное государство**»⁵. «Потестарными» он считает государство Само⁶ и Русь до середины X в.⁷ (которые еще недавно считал «варварскими»)». В русском «потестарном государстве, объединившем завоеванные племенные княжения и меж-

¹ Губанов И.Б. X век на пути к раннему государству (Возникновение Древней Руси – о гипотетическом и очевидном в современном норманизме) // Скандинавские чтения 2000 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 88.

² «...В середине X столетия происходит коренная трансформация протогосударственной многоплеменной структуры с преобладанием даннических отношений, описываемой Константином Багрянородным, в Древнерусское раннесредневековое государство» (Там же. С. 89).

³ См.: Пузанов В.В. О спорных вопросах... С. 151–153.

⁴ Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 88–89. – См.: Пузанов В.В. О спорных вопросах... С. 149–153.

⁵ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 84, 657 и др.

⁶ Там же. С. 84.

⁷ Там же. С. 657 и др.

⁸ См., напр.: Свердлов М.Б. Образование Древнерусского государства (историографические наблюдения) // Образование древнерусского государства. С. 65; Он же. Образование Древнерусского государства (историографические наблюдения) // ДГ. 1992–1993. С. 12–13; Он же. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 50–51, 123 и др.

племенные союзы силой оружия, князя... до середины X в. активно использовали в новых общественно-политических условиях как древние по происхождению структуры подчиненных племенных княжений во главе со своими князьями, так и новые государственные институты». Реформы Ольги «по замене племенного деления территориальным по погостам и городам с волостями, по регламентации сбора податей и распространению княжеской судебной власти имели следствием создание средневекового государства с его основными политическими институтами». Как следствие «появление и существование в нем во второй половине X – первой половине XI в. раннефеодальной монархической княжеской власти...»¹. Эти положения повторены М.Б. Свердловым и в коллективной монографии, посвященной правящим элитам Восточной Европы².

Следует отметить некорректность использования термина «потестарное государство»³ как с методологической точки зрения⁴, так и с терминологической⁵. «Не слишком удачным» показалось это «понятие», введенное М.Б. Свердловым, также **П.В. Лукину** и **П.С. Стефановичу** – авторам объемной рецензии на монографию 2003 г.⁶

¹ Он же. Домонгольская Русь. С. 657–658.

² Свердлов М.Б. Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XIV вв. С. 30–31, 40, прим. 58.

³ Пузанов В.В. К вопросу о политической природе древнерусской государственности в постсоветской историографии // Вестн. С.-Петербургского ун-та. 2006. Вып. 3. Сер. 2 история. С. 9.

⁴ Т.е., «догосударственное государство»?

⁵ Буквально – «властное государство». Есть еще и «невластные государства»?

⁶ Лукин П.В., Стефанович П.С. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с. // Средневековая Русь. Вып. 6 / отв. ред. А.А. Горский. М., 2006. С. 380. – Следует отдать должное авторам рецензии, взявшим на себя труд прочесть и проанализировать объемное и трудно читаемое (как в плане стиля, так и противоречивости отдельных положений автора) сочинение. Сама рецензия, в свою очередь, не вполне последовательна. За внешними «реверансами приличия» в сторону автора, скрывается, в целом, критическая оценка рецензируемой работы. Создается впечатление, что основная (если, практически, не вся) заслуга М.Б. Свердлова, с точки зрения рецензентов, заключается в том, что он «совершенно справедливо», «очень дельно», «по существу», «критикует фантастические», «противоречащие источнику и здравому смыслу» «построения И.Я. Фроянова» (Там же. С. 371, 382, 386, 390, 392, 400). Следует отметить и вклад авторов в создание новых историографических мифов, таких, например, как противопоставление теории «государственного феодализма» и «марксистской» концепции феодализма (Там же. С. 373–374). Очевидно, что и концепция «вотчинного феодализма», и концепция «государственного феодализма» развивались в рамках марксистской научной парадигмы (см.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки оте-

Белорусский исследователь **Г. Саганович**, вслед за рядом авторов, ведет речь о том, «что определенный тип государственности у восточных славян сложился уже в доваряжский период. Первоначальная Русь представляла собой, видимо, неустойчивую конфедерацию государствообразующих центров», вокруг которых «объединялись другие восточнославянские племена» и их данники: весь, земгала и т.п. «В середине IX в. восточнославянское государственное объединение распалось на “Русскую землю”» (Среднее Поднепровье) и «Верхнюю Русь» – полиэтническую конфедерацию на северо-западе Восточной Европы. В 882 г. Олег окончательно объединил эти две Руси. В определенной зависимости от Киева оказался и Полоцк. Только Владимир Святославич «реформировал восточнославянскую конфедерацию, превратив ее в одно государство. Он ликвидировал местные княжения и посадил в политических центрах Руси своих сыновей». Вместе с тем, автор подчеркивает, что «более-менее единой Русь была только в государственно-политическом плане, однако государство не могло ликвидировать племенные границы».

Особое внимание Г. Саганович, как и другие белорусские исследователи, уделяет Полоцку. Приход на княжение Рогволода, по мнению автора, свидетельствует «если не о независимости Полоцка от Киева, «так о возрастании самостоятельности этого двинского города-государства». Поход Владимира закончился для Полоцка трагично: «Полоцк утратил самостоятельность и был включен в состав Киевского государства». Но уже в 988 г. Владимир вернул Рогнеде и ее сыну Изяславу Полоцк. Таким образом «возобновилась полоцкая княжеская династия и полоцкая государственность»¹.

Другой белорусский историк, **Г. Семенчук**, считает, что на этапе существования «племенных княжений» создаются предпосылки для зарождения раннефеодальных отношений и формирования межплеменных государственных образований». «Княжество Рогволода», «государство Рюрика» и «государство Аскольда и Дира» он рассматривает как самостоятельные политико-административные образования, подобные «варварским королевствам» в Западной Европе. Образовавшееся в 80-е гг. IX в. «государство с центром в Киеве» исследователь, используя терминологию А.П. Новосельцева и Л.В. Черепнина, считает или

чественной историографии; Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство...; Алексеев Ю.Г., Пузанов В.В. Указ. соч.).

¹ Сагановіч Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. Мінск, 2001.

федерацией княжеств (А.П. Новосельцев), или **ассоциацией «светлых и великих князей»** (Л.В. Черепнин) во главе с великим князем киевским¹.

Менее заметны новации в изучении последующих этапов развития государственности. Например, согласно **Е.А. Мельниковой** и **Н.Ф. Котляру**, на смену «**дружинному государству**» в конце X в. приходит «**раннефеодальная монархия**». К кругу раннефеодальных монархий относит Русь («**семейное владение Рюриковичей**») и **А.В. Назаренко**². Напротив, **В.Я. Петрухин** считает Киевскую Русь «**генеалогической федерацией**», которая, после Любечского съезда 1097 г., превращается в «**политическую**»³. Как «**политическую конфедерацию**» рассматривает Русь X–XI вв. украинский исследователь **А.Б. Головка**⁴. Под этой конфедерацией он понимает «всю совокупность (систему) славянских этнополитических образований Восточной Европы, которые находились между собой в весьма противоречивом процессе этнического, экономического, политического, культурного и духовного взаимодействия. Далеко не все составные этой конфедерации пребывали в составе государственно-политического организма... с центром в Киеве». Более того, «полное объединение всех славян в составе Руси наблюдается» лишь в правление Владимира Святославича⁵. С началом эпохи удельной раздробленности, с формированием «из княжеств-наместничеств земельных княжеств», что стало явью уже в середине XII в., «можно говорить о существовании в составе бывшей Руси большого количества государственных организмов, которые имели много признаков суверенности». Однако «древнерусская политическая конфедерация не исчезла, а лишь

¹ Семячук Г. Полацкая зямля ў сістэме палітычных адносін Усходняй Еўропы IX–XI стст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыяна., міжрэлігійн. і міжкультур. ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. Мінск, 1997. Ч. 2. С. 11–12; Ён жа. Усяслаў і Яраславічы. Спецыфіка палітычных адносін у Полацка і Кіева у другой палове XI ст. // Украіна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Вип. 2. Київ, 2002. С. 42–43.

² Назаренко А.В. Указ. соч. С. 149–157; Он же. Порядок престолонаследия на Руси X–XI вв.: Наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 500–520.

³ Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. С. 195–198.

⁴ Головка О.Б. Формування державних утворень у Східній Європі в IX – першій половині XIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2004. Вип. 4. С. 78–79.

⁵ Там само. С. 78–79.

видоизменилась, превратившись в **конфедерацию земель-княжеств** [выделено нами. – В.П.]»¹.

С точки зрения **И.Н. Данилевского**, Киевская Русь – **зыбкое и довольно аморфное объединение**, «которое громко именуется Киевской Русью или Древнерусским государством». «...В качестве рубежа» его существования «принято считать рубеж первой-второй четвертей XII в.». Однако эта «эфемерная конструкция» начала «рассыпаться на “составляющие”... гораздо раньше», когда «еще в самом начале XI в.» из ее состава выпало Полоцкое княжество².

В трактовке политической природы древнерусской государственности XII – первой трети XIII в., в значительной степени, сохраняются подходы, выработанные еще в советской науке. Особо жизненными оказались идеи **В.И. Довженка**, **В.Т. Пашуто** и **Л.В. Черепнина** (П.П. Толочко, Н.Ф. Котляр и др.), **И.Я. Фроянова** (А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеев, А.В. Майоров, А.В. Петров, В.В. Пузанов и др.), присутствующие в современных исследованиях как в прямом, так и в трансформированном виде. С одной стороны, следовательно, речь ведется о «феодальной раздробленности», которая, однако, не привела к разрушению Древнерусского государства, а лишь изменила его форму, превратив из единой монархии в федеративную³, а с другой – о «дофеодальном периоде» и городах-государствах, как форме древнерусской, доклассовой по природе, государственности. Однако у большинства представителей «санкт-петербургской университетской школы» в последнее время наблюдается значительный спад интереса к рассматриваемой проблеме, преобладает стремление выйти за рамки домонгольского периода, проследить эволюцию социальных и политических институтов в сложных условиях ордынского ига, формирования

¹ Там само. С. 79–80. – См. также: Головка О.Б. Корона Данила Галицкого: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006. С. 125–126 та ін.

² Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. С. 21–22.

³ Разновидностью «федеративной теории» являются представления о «конфедерации земель-княжеств» (Головка О.Б. Формування державних утворень у Східній Європі... С. 79–80; Коваленко В.П. Політичне становище південно-руських земель в XII–XIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі... Вип. 2. С. 77. – Ср.: Коваленко В.П. Поліцентризм давньоруської історії XII–XIII ст. // Ruś Kijowska i Polska w Średniowieczu (X–XIII w.). Киевская Русь и Польша в Средние века (X–XIII вв.): Materiały konferencji Instytutu Historii PAN. Warszawa, 6–7. X. 1998 / pod. red. S. Byliny. Warszawa, 2003. S. 94) и др.

«русско-литовской» и «московской» государственности¹. Собственно древнерусской тематикой в последние годы наиболее активно занимаются А.В. Майоров, В.В. Пузанов, В.В. Долгов, Д.М. Котышев.

Некоторые историки придерживаются традиционной схемы. Например, **М.Б. Свердлов** ведет речь о трех основных типах социально-политических систем второй трети XII – первой трети XIII в.: «1) княжеской монархической власти в княжествах Северо-Восточной, Юго-Восточной и Западной Руси (с различиями в мере полновластия); 2) Новгородской боярской республики с избираемыми магистратами и... договорными отношениями с князьями; 3) княжеств Юго-Западной и Южной Руси, где в равной мере оказались воздействующими на политический процесс княжеская власть, городское население и местная знать – бояре»².

К традиционным выводам о типологии государственных образований в домонгольской Руси, несмотря на «герменевтические приемы», пришел и **И.Н. Данилевский**. По его мнению, «условно все эти государства можно разделить на три типа: раннефеодальная монархия, феодальная республика, деспотическая монархия.[...] Примером первого типа государства могут служить Киевское и Галицко-Волынское княжества». «Свой тип государственной власти», в форме «боярской», «аристократической» республики «сложился на Северо-Западе страны». Ну и, естественно, «совершенно иной тип государства сложился на Северо-Востоке страны», где Андреем Боголюбским «были заложены основы неограниченной деспотической власти... владимирского князя»³.

Рядом исследователей были предприняты попытки анализа проблем государственного устройства домонгольской Руси в терминологии рассматриваемого времени (**А.А. Горский**), и в соответствии с представлениями той эпохи (**И.Н. Данилевский, А.П. Толочко, В.М. Рычка, В.В. Долгов**). Например, по мнению **А.А. Горского**, «землей» в XI – в первой трети XII вв. «называлось государство в целом (“Русская земля”», “во-

¹ Данная тенденция наметилась уже в 80-е гг. в работах А.Ю. Дворниченко и С.С. Пашина (см. выше). В настоящее время – это исследования самого И.Я. Фроянова, А.Ю. Дворниченко, С.С. Пашина, Ю.В. Кривошеева, А.В. Петрова, И.Б. Михайловой.

² **Свердлов М.Б.** Домонгольская Русь... С. 659–660.

³ **Данилевский И.Н.** Рюриковичи в удельный период // ДГ. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность / отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2008. С. 288–293.

лостями” – его составные части со стольными городами, управлявшиеся князьями-Рюриковичами, зависимыми от киевского князя». В XII в. на основе волостей формируются «земли», что свидетельствовало о «приобретении ими статуса независимых государств»⁴.

И.Н. Данилевский, с одной стороны, писал об эфемерности Киевской Руси, а с другой, касаясь вопроса восприятия современниками того состояния, «которое нынешние историки характеризуют как “период феодальной раздробленности”, “удельный период”...» отмечал: «Парадокс ведь заключается в том, что ни у кого – ни из наших предков, ни из наших современников – судя по всему, не возникает никаких сомнений, что Русь как единое целое даже в таком “лоскутном” состоянии как-то умудряется сохраняться. Мало того, именно в период “раздробленности” процессы этнической и культурной консолидации явно нарастают...»⁵. Анализ материала привел исследователя к выводу, что «новая “модель” существования единой “Русьской земли”, представляющей теперь систему множества суверенных “государств”, была найдена и легитимирована», на основе «завещания Ярослава», созданного по образцу библейского сказания, о разделе земли между сыновьями Ноя. «Прежняя “государственная” идея была сохранена: все князья отныне держали “отчину свою”, но при этом над “Русьской землей” “была рука Божия, даровавшая им единое сердце, чтоб исполнить повеление царей и князей, по слову Господню”. Связующим звеном при этом, несомненно, выступала церковная организация, глава которой носил титул митрополита Киевского и “всех Руси”»⁶. В качестве особой отличительной черты русских государств, «от Руси Киевской и... до Российской империи», И.Н. Данилевский отмечает их миллениаристский характер⁷. О теологическом по преимуществу характере древнерусского «государства» И.Н. Данилевский писал и в последующих работах⁸.

⁴ **Горский А.А.** Русь... С. 130–146, 334–335 и др.; *Он же.* О древнерусских “землях” // ОИ. 2001. № 5. С. 144–150; *Он же.* Земли и волости // **Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.** Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 9–33.

⁵ **Данилевский И.Н.** Древняя Русь глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). С. 26–27.

⁶ *Там же.* С. 39.

⁷ *Там же.* С. 180–181.

⁸ См., напр.: **Данилевский И.Н.** Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности корректного описания // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 147–168.

По мнению **А.П. Толочко**, «констатация отсутствия государственного единства и даже отрицание существования государства как такового малопродуктивны, так как очевидно противоречат общему настрою, тону и, собственно, букве наших источников. Чтение летописи не оставляет сомнений в том, что для современников такое государство существовало». Касаясь формы такого государства, исследователь отвергает представления о нем в «территориальном, бюрократическом, централизованном виде». Идеи федеративного устройства, или конфедерации, примиряющие противоположности, и позволяющие «найти такое определение государственной формы, которое допускало бы одновременно существование обеих тенденций: распада, объединения», к сожалению, неприменимы для раннего средневековья. Тем не менее, по его мнению, «образ государства» в науке был найден давно, «благодаря разным вариациям так называемой родовой теории». Однако представители этой теории полагали, что государство возникает после распада родовых отношений. «Между тем, государство уже существовало. **Семья – это и была “форма” государства** [выделено нами. – В.П.]. Рюриковичи... были сакральным княжеским родом, для которого власть является имманентной сущностью, а государство – единым возможным способом существования. Государство... является самым этим родом, оно непосредственно индентифицируется с ним»¹. Другими словами – «государство Русь является формой сожительства одной семьи, которая является и историческим собственником этого государства, и эмпирическим ее отождествлением, и, что самое главное, идеальной формой существования этого государства»².

Эти положения принял **В.М. Рычка**: «Культурно-антропологический анализ представлений о власти и социокультурных механизмах ее функционирования, проведенный А.П. Толочко, убедительно свидетельствует, что в условиях древнерусских исторических реалий формой существования государства была семья»³. О Киевской Руси, как государстве, по мнению исследователя, можно вести речь со времен княгини Ольги⁴.

Тенденции, заложенные в трудах И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко развил **В.В. Долгов**. По его мнению, каждая городская

¹ Толочко О.П. Русь: держава і образ держави. Київ, 1994. С. 9–10 и сл.

² Там само. С. 30–31.

³ Рычка В.М. Київська Русь... С. 28.

⁴ Його ж. Витоки державності на Русі очима Русі // Ruthenica. Т. 2. Київ, 2003. С. 93–108; Його ж. Київська Русь... С. 26–28. – См. также выше, с. 37–38.

волость воспринималась древнерусским населением в качестве «своеобразной коллективной личности», в каком качестве они «сменили в общественной психологии древние племена»¹. Касаясь восприятия Руси глазами современников, автор отметил, что «пути осмысления феномена Руси летописцем... отличались от того шаблона, с которым часто подходят к его произведению» современные исследователи. В центре внимания летописца «не народ и не государство», а «земля/страна», в неразрывном единстве территории, общности [этнической? – В.П.], культурного и политического пространства².

Сравнительно недавно были опубликованы статьи Е.А. Мельниковой, Б.Н. Флори и А.А. Турилова, В.Я. Петрухина. **Е.А. Мельникова** рассмотрела проблему возникновения восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев, в контексте «сказания о призвании» Рюрика. По ее мнению, «составитель ПВЛ связал происхождение Древнерусского государства с вопросом, “кто в Киеве нача первое княжити”... Объединение обеих проблем было естественным результатом, с одной стороны, “династического” восприятия государства, свойственного средневековому политическому сознанию, и “киевцентризма” летописца, с другой. В его представлениях Древнерусское государство (Русь, Русская земля) возникает тогда, когда в Киеве утверждается легитимная княжеская династия»³.

В.Я. Петрухин посвятил свою работу проблеме становления государств и власти правителя в германских и славянских традициях. Исследователь рассмотрел в соответствующем ракурсе генеалогические и переселенческие сказания, репрезентации власти и культ усыпальниц, скандинавскую и древнерусскую «социологические системы»⁴. Обзорная статья **Б.Н. Флори** и

¹ Долгов В.В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI–XIII вв. Ижевск, 1999. С. 222 и др.

² Автор не поясняет, о какой общности речь: «Земля/страна – это и территория... и общность, культурное и политическое пространство в неразделенном единстве» (Долгов В.В. Древняя Русь: мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв. Ижевск, 2004. С. 7–17; Он же. Быт и нравы Древней Руси... С. 329–330).

³ Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в. // ДГ. 2005 год. С. 47.

⁴ Петрухин В.Я. Становление государств и власть правителя в германско-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья / отв. ред. Б.Н. Флоры. М., 2009. С. 81–150.

А.А. Турилова, посвященная представлениям «древнерусского общества о государстве и власти», выдержана в классическом для работ по истории общественной мысли стиле¹.

Проблеме реконструкции генезиса княжеской власти в славянской мифопоэтической традиции посвящена монография **А.С. Щавелева**. Особого внимания заслуживает обоснованный вывод автора, согласно которому «основным отличием образа правителя в рассматриваемых легендах от образа князя государственной эпохи является полное отсутствие военных функций и аристократического происхождения»².

Упорно пытаюсь взглянуть на древнерусскую государственность «глазами современников» исследователи, как представляется, не учитывают в должной мере тот факт, что восприятие того, что они понимают под *государством*, не было единым у «современников». Не является оно таковым и сейчас. Сами исследователи между собой не могут придти к сколько-нибудь взаимоприемлемому решению, что не позволяет добиться и приемлемой степени корреляции результатов научного анализа. «Простота» решения, порой, обманчива. Например, **А.П. Толочко**, казалось бы, нашел общую для современных нам представлений точку соприкосновения – территориальный/географический образ государства, сформированный картою³. Но то, что очевидно для любого осведомленного в географии человека, далеко не очевидно для того, кто плохо знает (либо вообще не знает) карту (сейчас это большинство молодого поколения)⁴. Проведи мы исследование о том, как представляют наши современники *государство*, какие образы у них ассоциируются с ним, картина получилась бы весьма пестрая. Тем не менее, определенная закономерность проявляется и в таком калейдоскопе: для кого-то это носители власти; для кого-то – образы «лесов, полей и рек» и т.п. Поэтому корректнее рассматривать такие «образы» по от-

¹ Флоря Б.Н., Турилов А.А. Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья // Там же. С. 60–64.

² Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. С. 206–207 и др.

³ Толочко О.П. Вказ. пр. С. 3.

⁴ На самом деле, видимо, не все так очевидно, как представляется на первый взгляд. Даже со стилизованным географическим контуром «государства», рисуемым на эмблемах, сувенирной продукции и т.п. возникают серьезные проблемы. Достаточно вспомнить 1999 г., когда избирательный блок «Отечество – Вся Россия», по ошибке, поместил на своей эмблеме контуры не России, а СССР. Ошибка была замечена не сразу и масса агитационной продукции с географическими контурами СССР распространилась по стране.

дельным источникам (ведь здесь отражается индивидуальное восприятие автора) и в контексте полисемантической самого восприятия¹.

Наиболее удачным примером подобных исследований, на наш взгляд, остается упоминавшаяся ранее работа **А.Ю. Дворниченко**, в которой он выявил целую палитру связанных с городом ассоциаций, возникавших в представлении древнерусского человека. Это, кстати, первое исследование такого рода не только в отношении города, но и государства (учитывая государствообразующую роль древнерусского города). Однако и в этой работе, фактически, представления нескольких книжников выдаются за «общественное сознание Древней Руси».

Конечно, попытки «подстраиваться» под мироощущения далеких предков, стремление их глазами посмотреть на современную им действительность эффектны с точки зрения постановки исследовательской задачи. Однако, в любом случае, это будет восприятие современным человеком (да простится такой литературный прием) восприятия человека древнего.

В 2007 г. вышла монография **В.В. Пузанова**, ставшая итогом многолетних изысканий автора, в которой предпринята попытка комплексного исследования процессов становления древнерусской государственности в диалектическом единстве социально-политического, этнокультурного и историко-антропологического подходов. Методологический синтез, основанный на использовании различных научных стратегий, позволил всесторонне изучить процессы восточнославянского политогенеза и их отражение в общественном сознании.

Становление государственности, по мнению автора, сложное политическое, социальное, этнокультурное и идеологическое явление, определяемое совокупностью внутренних и внешних факторов. Для регионов с низкой плотностью населения, прежде всего, восточнославянского, недостаток внутренних связей компенсировался внешними импульсами. **Ведущую роль в формировании древнерусской государственности сыграл внешний фактор, прежде всего – война.** Изменения в обществе, происходящие под воздействием внутренних и внешних факторов закреплялись на уровне идеологии, выражавшейся в мифе, который не только закреплял складывавшуюся систему социальных связей, но и, в известной

¹ См. ниже. С. 73 и сл.

степени, являлся ее первоисточником, хотя и был внешне направлен в прошлое, а не будущее¹.

Усложнение и эволюция потестарно-политических институтов шли по линии интеграции родоплеменных образований различного уровня в более сложные системы. Высшей формой организации восточнославянского общества в догосударственную эпоху являлись **«суперсоюзы племен»**, типологически различающиеся по степени интеграции составлявших их «племенных союзов» (далее – ПС). Всего можно выделить **три уровня интеграции**: 1-й – военный союз ПС для противодействия общей внешней опасности; 2-й – объединение ПС под эгидой сильнейшего из них, который представлял по отношению к ним зародыш публичной власти; зависимость выражалась в уплате дани и совместных военных акциях; 3-й – ликвидация местных институтов власти и замена их киевскими наместниками. Достижение 3-го уровня интеграции предполагает далеко зашедший процесс распада родоплеменных отношений, известную степень деструкции родоплеменной обособленности и начальную стадию формирования системы территориальной организации общества и публичной власти. Поэтому в образованиях данного типа уже просматриваются основные контуры **ранней государственности**².

Первые государствообразующие процессы в восточнославянском регионе прослеживаются на севере восточнославянского мира, в **зоне норманнской экспансии**. Власть Рюрика и его преемников на местные ПС распространялась посредством **завоевания**, а не «призвания». Вокняжение Олега в Киеве привело к расширению северного раннегосударственного ядра на юг и переносу княжеской резиденции в Киев, положило начало постепенному огосударствлению зон 1-й и 2-й стадий интеграции³.

Киевская Русь X в. представляла собой **сложный** (включающий элементы, связанные разным уровнем интеграции) **суперсоюз племен**. По мере оформления городов-государств, это образование трансформировалось в **федерацию земель** (городов-государств) с центром в Киеве. В середине XI в. окончательно оформляется **сложная федерация земель**, состоявшая из Киевской, Черниговской и Переяславской федераций, с разным уровнем интеграции входящих в них земель по отношению к

¹ Пузанов В.В. Древнерусская государственность... С. 184–202.

² Там же. С. 202–204.

³ Там же. С. 225–275.

центру. Конец XI – первая половина XII в. – распад этой сложной конструкции на независимые **города-государства**¹.

Поскольку, по мнению автора, современные реконструкции представлений древнерусского населения о государстве и обществе имеют существенные недостатки², была разработана и апробирована методика системного анализа представлений древнерусских книжников о земле/стране, власти, социуме, максимально учитывающая прямую и косвенную информацию, содержащуюся в отдельно взятом нарративе, с последующим синтезом полученных результатов³. Таким образом, была реконструирована следующая картина.

В литературе XI – начала XII вв. использовались понятия *Русская земля* и *Русская страна*, в зависимости от авторских предпочтений. Понятия *земля*, *города*, *люди*, *мы* нередко употреблялись как синонимы. Важнейшим звеном несущей конструкции *Русская земля/страна~области/ волости* являлся *город* – основа древнерусской цивилизации. По представлениям того времени, с города начинается интеграция *родов* в более крупные образования, *власть вождя* становится *властью князя* с того времени, когда появляется город. Вне города княжеская власть немыслима. Н1Л прямо связывает начало Руси со строительством городов. Без города невозможна *власть* (волость), а без *власти* (волости) невозможна *Русская земля*.

Центральное место в политической и социальной картине мира древнерусских книжников занимал *князь*. Важным явлением этого времени стало формирование книжных представлений об идеальном князе

Князь и город являлись основными несущими конструкциями политической системы Древней Руси. В князе персонифицировалась сила и удача *племени*, а потом *земли* (города-государства). Иерархия князей в сакральном княжеском роде определялась родовым старшинством и личными качествами. Иерархия между городами также отража-

¹ Там же. С. 240–260, 348–392.

² См.: Там же. С. 28–31. – См. также с. 70–71 наст. изд.

³ См. также: Пузанов В.В. Становление древнерусской государственности: социально-политические и этнокультурные трансформации общества в контексте восприятия современников (VIII–XII в.): Автореф. докт. дис. Ижевск, 2009; Он же. Социокультурные образы «Чтения о святых мучениках Борисе и Глебе» // Вестник Удм. ун-та. 2009. Сер. История и филология. Вып. 2. С. 3–31; Он же. Социокультурный образ князя в древнерусской литературе XI – начала XII века // Русские древности: К 75-летию профессора И.Я. Фроянова / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2011. С. 128–152 и др.

лась в терминах родства (старший, младший). Поэтому старейшинство того или иного города, как правило, на начальном этапе древнерусской государственности, персонифицировалось в княжении в нем старейшего, а потом – наиболее удачливого представителя сакрального княжеского рода. Равным образом, **союз** (федерация) **земель** персонифицировался в **союзе князей** (правлящем княжеском роде)¹.

На Руси XI – начала XII в., как и в раннесредневековой Европе², общество рассматривало свою структуру в дуалистических формах. Реконструируется и троичная схема: **духовенство – знать – простые люди**. Однако она имеет другую основу, чем знаменитая трехфункциональная схема западноевропейского «высокого средневековья»: *молящиеся – воюющие – паиущие (работающие)*. Русская триада соответствует дофеодальному, варварскому обществу с его делением на *знать* и *простых людей*. Включение в эту бинарную схему третьего социального элемента – *духовенство* – выделенного по функциональному принципу, усложняло представления о структуре социума, но не меняло их существенно. В конструируемых книжником социальных иерархиях не находилось места для *несвободных*, поскольку они, с точки зрения древнерусского общества, являлись объектом, а не субъектом социальных отношений. Несвободные, обычно, упоминались в казуальном плане, оттеняли социальный фон знати, либо упоминались в оппозициях *свободный–несвободный*³.

Одним из резервов получения новой информации стало широкое использование учительной и житийной литературы, ряда иноязычных источников, не применявшихся ранее при рассмотрении заявленной темы. Использование экзегетической литературы для «декодирования» информации, содержащейся в цитатах, записях молитв и «гаданий» на священных текстах, позволило выявить систему жизненных представлений и ценностей их

¹ См.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность... С. 500–573; 616–619; Он же. Становление древнерусской государственности... С. 32–34; Он же. Социокультурный образ князя в древнерусской литературе... и др.

² См.: Історія європейської ментальності / за ред. П. Дінцельбахера. Львів, 2004. С. 63.

³ См.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность... С. 500–573; 616–619; Он же. Становление древнерусской государственности... С. 32–34; Он же. Социокультурный образ князя в древнерусской литературе... и др.

автора, реконструировать отдельные звенья социальных, политических и межличностных отношений рассматриваемой эпохи¹.

В свое время в дореволюционной (как русской, так и украинской) историографии сложились представления об упадке в XII в. Киева и переходе центров древнерусской государственности во Владимир-Залесский и Галич. Более того, Владимир виделся многим историкам (особенно после работ С.М. Соловьева), форпостом новых государственных порядков, приведших к формированию самодержавия. Эти взгляды, в существенной степени, оказали воздействие на советскую историографию вопроса. Работы **И.Я. Фроянова**, **А.Ю. Дворниченко**, **Ю.В. Кривошеева** показали необоснованность такого подхода². **Ю.А. Лимонов**, ведя речь об огромной роли веча в политической жизни Владимиро-Суздальской Руси, также разошелся с устоявшимся представлением об особой прочности княжеской власти в этом регионе и слабости вечевых институтов³. Тем не менее, инерция историографической традиции оказалась весьма мощной. Недавно «владими́ро-центри́стская» и «галицко-центри́стская» концепции подверглись критике, однако с иных позиций, в работах **А.А. Горского**⁴ и **В.П. Коваленко**. Взамен **В.П. Коваленко** предложил, условно назовем, **концепцию полицентризма**⁵. По его мнению, усобицы 1146–1169 гг. стали Рубиконом в истории Киевской Руси. На смену огромной **полиэт-**

¹ См.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность... С. 410–500 и др.; Пузанов В.В. «Гадание» Владимира Мономаха: опыт реконструкции // Исследования по Русской истории и культуре... С. 186–225; Он же. Владимир Мономах и христианство // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 24. М., 2008. С. 365–379 и др.

² Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Кривошеев Ю.В. О средневековой русской государственности...; Он же. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999; Он же. Русская средневековая государственность. СПб., 2008; Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский: эпоха и память: исторические очерки. СПб., 2009 и др.

³ Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1988.

⁴ По словам А.А. Горского, «оснований говорить о политическом превосходстве Владимиро-Суздальского княжества над всеми другими русскими землями в домонгольский период нет» (Горский А.А. Русь... С. 147–153). – См. также работы В.П. Коваленко.

⁵ О полицентризме домонгольского времени, но определяемом «системой независимых и полузависимых городов-государств» вел речь и автор этих строк: Пузанов В.В. О феодализме в России // Государство и общество. 1999. № 3–4. С. 203.

ничной империи Рюриковичей, неуклонно трансформировавшейся в **конфедерацию земель-княжеств**, «пришла эпоха политического полицентризма». В общественном сознании XII–XIII вв.» отсутствовало восприятие этого времени, которое историки называют «эпохой феодальной раздробленности», как эпохи гибели, окончательного распада Руси. «Действительно, как выясняется, большинство русских князей во второй половине XII – первой половине XIII в. боролись не за разрушение единого государства, а... за его интеграцию, однако отстаивали при этом свой собственный вариант возобновления ее прошлого единства и, понятно, под своими стягами и собственным предводительством». Одна из ключевых ролей в этом принадлежала Киеву, который «оставался едва ли не главным символом целостности государства»¹.

Несколько иначе трактует проблему роли Киева **С.В. Семенцов**, разработавший, по его словам, особую методику «выявления именно мнений древнерусского населения» о роли отдельных городов и территорий, базирующуюся «на методах социологических исследований, математической статистики, информатики»². Для анализа автор взял Лаврентьевскую, Ипатьевскую и Новгородскую первую летописи, анализ осуществлялся по периодам: «VIII–X вв. (до 1000 г.), XI в. (1001–1100), XII в. (1101–1200 гг.), 1-я половина XIII в. (1201–1250)»³. Автор пытался учесть региональные особенности летописных сводов, однако не принял во внимание их состав, что, фактически, свело на нет все предпринятые им усилия. Особенно большие погрешности в анализе относятся к первым двум периодам, которые охватываются Повестью временных лет, содержащейся и в Лаврентьевском (ЛЛ), и в Ипатьевском (ИЛ) сводах, являющейся, по сути, киевским летописанием. Если учесть, что при написании Н1Л, также как и ПВЛ, использовался, в той или иной степени, Начальный летописный свод (южнорусский, киевский по своему происхождению), получается, что С.В. Семенцов проводил «социологический опрос» у нескольких киевских летописцев. Немудрено, что для периода до 1000 г. такая методика выявила преимущество Киева и Царьграда. По словам автора, «как показывает анализ, Киев и Царьград уже тогда были равнозначны в

общерусском общественном сознании»⁴. Но, во-первых, не в общественном сознании, а у вышеназванных летописцев. Во-вторых, в условиях малоинформативности ПВЛ и Н1Л в отношении данного периода, наличия в них многих бессобытийных лет, известия о походах на Константинополь и тексты договоров и дали соответствующий «социологический эффект». Не мудрено поэтому, что когда эпоха походов на Константинополь прошла (в XI в. известен только поход 1043 г.), значимость Царьграда «в общественном мнении» моментально упала. Зато южнорусские летописцы не забыли о Киеве. Поэтому автор статьи с воодушевлением уведомляет читателя: «С колоссальным информационным отрывом обозначен Киев... фактически ставший единственной столицей древнерусского государства данного периода»⁵.

XII век – время развития оригинального местного летописания и в Новгородской, и в Ростово-Суздальской землях. Как следствие, ситуация выправляется. В первую группу автор уже зачисляет «18 крупнейших столичных городов», хотя и отмечает, что «бесспорными лидерами в общественном сознании данного периода были Киев и Новгород...»⁶. Наконец, для первой половины XIII в. в «первую группу» попали 5 «столичных центров». «Безоговорочным лидером в общественном сознании Древней Руси стал Новгород. На втором месте оказался Владимир на Клязьме», на третьем – Галич. Последние места в первой группе поделили Киев и Чернигов⁴. На этом основании делается вывод о том, что «столичная значимость Киева постепенно уменьшалась, а роль Новгорода последовательно повышалась». К началу XIII в., «по данным» автора, «Новгород стал в летописном информационном поле главным городом Древней Руси»⁵.

К сожалению, С.В. Семенцов опять не учитывает изменения в составе означенных летописных сводов. Фактически, для данного периода автор имеет дело с новгородским, владимирским и галицким летописанием. Черниговское, как известно, до нас не дошло. Серьезные проблемы для рассматриваемого времени существуют и в отношении киевского летописания. Исследователи сомневаются, сохранилось ли оно после 1200 года⁶. Но даже если

¹ Коваленко В.П. Полицентризм давньоруської історії XII–XIII ст. С. 101–102.

² Семенцов С.В. Значение территорий Приневья и Приладжья в общественном сознании Древней Руси и Скандинавии // Скандинавские чтения 2000 года... С. 98–103.

³ Там же. С. 100–104 и др.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Там же. С. 106.

⁶ Там же. С. 108–109.

⁷ Там же. С. 111–112.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ См., напр.: Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 95.

мы станем на точку зрения тех исследователей, которые ведут речь о существовании после 1200 г. «беспрерывной летописной традиции» в Киеве, о ее существенном влиянии «на местное летописание XIII в. и формирование общерусского летописания XIV–XV вв.»¹, приходится признать, что эта традиция до нас не дошла. А потому, по словам Н.Ф. Котляра, «история Киева и Приднепровской Руси XII столетия известна науке неизмеримо лучше, чем следующего, XIII в.»².

Конечно, определенную закономерность даже при такой несовершенной методике выявить можно. Однако при всем желании невозможно, вслед за автором, считать «неожиданным... то, что в целом по обобщенным данным супер-городами в общественном сознании Древней Руси были Киев и Новгород» (Это, собственно, было ясно и до исследования С.В. Семенцова). Нельзя признать корректным последовавший затем вывод: «Древняя Русь во многом была государством с двумя главными столицами, с двумя центрами государственности. С учетом хронологической динамики выявляется последовательное затухание столичности Киева с одновременным нарастанием столичности Новгорода. Новгород – безусловная вершина древнерусской государственности с XII в.»³. О том, что Новгород с XII в. «вышел на первую позицию», повторяется и в заключительном выводе статьи⁴. Однако такой вывод противоречит результатам, полученным самим автором по XII в.: «1101–1200 годы.... Бесспорными лидерами в общественном сознании данного периода были Киев (69983,27/204) и Новгород (36731,36/166)...»⁵. Как видим, по большинству выделенных автором позиций (указаны им в скобках) Киев в XII в. превосходит Новгород.

Таким образом, специально разработанная замысловатая методика *социологического опроса* древнерусского населения не сработала, да и не могла сработать. Кроме того, С.В. Семенцов, как мы видели, широко применяет понятие «столичность», как базовое, для определения значимости и престижности главных городских центров, но не уточняет в каком именно значении, что не позволяет в полной степени оценить оригинальность его построений.

¹ Стависький В.І. Київ і київське літописання в XIII столітті. Київ, 2005. С. 103 та ін.

² Котляр М.Ф. Передмова // Стависький В.І. Вказ. пр. С. 4.

³ Семенцов С.В. Указ. соч. С. 118.

⁴ Там же. С. 136.

⁵ Семенцов С.В. Указ. соч. С. 108.

Нередко в отношении Руси X–XI, и даже XII–XIII вв. применяется понятие «империя»¹. Однако лишь немногие исследователи пытаются раскрыть его содержание. Так, для **Я.Н. Щапова**, «характерным... признаком» империи является многоэтничность, «т.е. существование в ней наряду с основным, нередко преобладающим численно, политически и экономически этносом также других народов, различными путями вошедших в ее состав»². На сходных позициях находится и **Е.А. Мельникова**³. **В.Б. Перхавко** дополняет данную конструкцию такими признаками империи как насильственный характер («в большинстве случаев») объединения племен и народов «вокруг восточнославянского ядра», «относительный характер государственного единства», наличие центробежных сил, ослаблявших «государственную мощь» и т.п.⁴

Украинский исследователь **С.Д. Федака**, склонен рассматривать империю как надгосударственное образование искусственного типа, способом существования которого является агрессия. Под эту категорию, полагает он, подпадает и Киевская империя, представлявшая собой конгломерат очень разных княжеств. Империя эта окончательно распалась в 30-е гг. XII столетия, после того, как колонии догнали метрополию в своем развитии⁵.

По мнению **А.Б. Головки**, понятие «империя» используется в узком и широком смысле. В узком – «по отношению к Римской империи и государственных образований», сформировавшихся в средневековую эпоху и претендовавшие «на римское имперское наследство». В широком смысле «империя» «часто применяется по отношению к самым разным по времени существования и религиозно-политическому развитию государствам», с большой территорией и многочисленным населением, состоящим из

¹ Сагановіч Г. Нарыс гісторыі Беларусі...; Семянчук Г. Полацкая зямля... С. 10 и др.; Моця О. З «міфів народів світу» // Ruthenica. Т. 1. Київ, 2002. С. 67; Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов Древней Руси // ВИ. 1994. № 10. С. 43–60; Баран В.Д., Залізник Л.Л., Зубар В.М., Німчук В.В., Отрошенко В.В., Сегида С.П. Етнічна та етнокультурна історія України. Т. 1, кн. 2. Київ, 2005. С. 279.

² Щапов Я.Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 122.

³ Мельникова Е.А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе. С. 41.

⁴ Перхавко В.Б. Этнические, политические и конфессиональные особенности «империи Рюриковичей» // Ad fontem / У источника: сб. статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 205–207.

⁵ Федака С.Д. Політична історія України-Русі доби трансформації імперії Рюриковичів (XII століття). Ужгород, 2000. С. 291–292.

множества народов». В этом смысле, «вероятно, можно рассматривать вопрос о возможности использования такого понимания по отношению к Руси». Во избежание путаницы, А.Б. Головкин предлагает использовать в отношении древнерусского и подобных ему государственных организмов характеристику **«государственное образование имперского типа (государство-империя)»** [выделено нами. – В.П.]. По его мнению, «государство-империя Русь просуществовала до середины XII в., то есть до времени, когда киевский политический центр еще мог в достаточной мере мощно влиять на ситуации в восточнославянском мире»¹.

О многообразии форм государственной и политической организации домонгольской Руси ведет речь **Г. Семенчук**. По его словам, «государственно-политическая история народов Восточной Европы IX–XIII вв.» развивалась в «диалектическом разнообразии форм. Так, моментами существовало средневековое **государство-империя** с центром в Киеве, так же существовали лоскутные **конфедерации**, **дуумвираты**, и **триумвираты** [выделено нами. – В.П.]; в другие периоды мы наблюдаем яркие факты конфронтации между политическими субъектами и бесспорную государственную самостоятельность этносов и территорий»². По мнению же **А.Н. Тимонина**, «Древнерусское государство так и не смогло развиваться в настоящую империю – оно представляло собой нечто среднее между конфедерацией и ранней империей»³.

Взгляды на Древнюю Русь как империю подверглись обоснованной критике со стороны **А.А. Горского**. По его мнению, «серьезных оснований видеть в Киевской Руси государство имперского типа нет. Типологически она ближе не Византийской империи и империи Каролингов, а моноэтническим европейским государствам средневековья»⁴.

Важное значение для понимания раннего этапа восточнославянского политогенеза имеют работы археологов, изучающих проблемы скандинавско-славянских отношений и истории раннегородских (протогородских) образований в Восточной Европе (**Д.А. Авдусин**, **И.В. Дубов**, **А.Н. Кирпичников**, **Г.С. Лебедев**, **Е.Н. Носов**, **В.В. Седов**, **В.Л. Янин**, **С.В. Белецкий**,

В.А. Булкин и др.)¹. Их усилиями был накоплен огромный материал, позволяющий реконструировать процесс урбанизации в Восточной Европе, создан мощный археологический задел для объективного решения «варяжской проблемы».

¹ Авдусин Д.А. Актуальные проблемы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) / под ред. Д.А. Авдусина. М., 1991. С. 3–20; Он же. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // СС. Вып. 20. 1975. С. 146–157; Он же. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // ВИ. 1980. № 12. С. 24–42; Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л., 1982; Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги... С. 189–297; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков / под ред. В.В. Мавродина. Л., 1978; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985; Он же. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси; Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999; Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–62; Янин В.Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004; Он же. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008; Белецкий С.В. Начало Пскова. СПб., 1996.

¹ Головкин А.Б. Формування державних утворень у Східній Європі... С. 81–82.

² Семенчук Г. Полацкая зямля... С. 10.

³ Тимонин А.Н. Указ. соч. С. 179.

⁴ Горский А.А. Русь... С. 115–120.

Глава 3. РОЛЬ ВНЕШНЕГО ФАКТОРА В ОБРАЗОВАНИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вопрос о соотношении внешних и внутренних факторов в процессах генезиса восточнославянской государственности является таким же древним, как и сама проблема образования Древнерусского государства. Своими корнями он уходит в летописную традицию, а его научная постановка, в виде так называемого «норманнского вопроса», приходится на вторую четверть XVIII в. «Норманнская проблема»¹, как показывает многовековая ее история, гораздо шире своего, если так можно выразиться, «этноисториографического номинала» (или, согласно традиционному определению, «варяжского вопроса»). В ней, в той или иной степени, отражается весь основной спектр многогранной проблемы образования Древнерусского государства.

Обоснованная в общих чертах **Г.Ф. Байером**, развитая в трудах **Г.Ф. Миллера**, **А.Л. Шлецера**² и их последователей **норманнская теория** прошла длительный, противоречивый путь развития. Становление ее было обусловлено, прежде всего, уровнем развития исторической науки XVIII в. Доступные в то время исследователям источники, в основном, ограничивались кругом древнерусских, византийских и западноевропейских известий. Большинство из них подтверждало сведения «Сказания о призвании варягов», содержащегося в «Повести временных

¹ Обзор историографических работ по норманнской проблеме см. выше, во введении к наст. работе, с. 5–18.

² Норманистские идеи зародились в шведской историографии XVII в. (См.: *Фомин В.В.* Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII века // Сб. РИО. Т. 4 (152). От Тмутараканя до Тамани. М., 2002. С. 306; *Он же.* Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 17–47). Этот факт был известен в академических кругах России еще в XVIII в., о чем, например, свидетельствует одно из писем Шумахера (См.: *Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге: В 2 т.. СПб., 1870. Т. 1. С. 57).

лет»¹, о норманнском происхождении варягов, русов и родоначальников русской княжеской династии. Господствующие в то время историософские воззрения, придававшие исключительную роль в основании государств выдающимся личностям, способствовали тому, что историю того или иного государства вели с момента появления первой правящей династии. Кроме того, свидетельства летописи о «призвании» на княжение Рюрика с братьями хорошо накладывались на популярную тогда теорию «общественного договора». Поэтому естественно, что первые норманисты, признав скандинавское происхождение Рюрика с братьями, логично пришли к выводу о **норманнском происхождении Древнерусского государства**. В этом плане, например, их главный оппонент, основоположник так называемой «славянской школы», **М.В. Ломоносов**, не ушел дальше и также вел начало русской государственности с прихода Рюрика, только видел в нем и приведенной им «руси» не скандинавов, а западных славян.

Достаточно быстро, помимо научной, наметились и другие составляющие проблемы. Показательно, что полемика по норманнскому вопросу началась не после выхода работ Г.З. Байера, а после ознакомления членами Петербургской Академии наук с диссертацией **Г.Ф. Миллера** «Происхождение имени и народа российского». Тогда впервые в научный спор вмешались политические соображения и оскорбленное национальное достоинство русских. Однако «обвинять» в этом нужно ни Г.Ф. Миллера и ни М.В. Ломоносова «со товарищи», а ту общественно-политическую ситуацию, которая сложилась в стране с приходом к власти Елизаветы Петровны, когда русский национальный дух воспрянул после унижений «мрачного бироновского десятилетия», а политика двора строилась на контрасте с политикой Анны Иоановны. Поэтому реакция на труд Г.Ф. Миллера была излишне болезненной, даже если признать некорректными отдельные положения и выводы автора. Сыграли свою весомую роль и не вполне зрелое национальное самосознание русских, и младенческое состояние отечественной исторической науки.

В XIX в. изучение проблемы вошло в более-менее спокойное русло. Время от времени спокойствие нарушалось воинствующими антинорманистами, в построениях которых было больше эмоций, чем научного анализа. Правда, эмоции проявлялись не столько в «академической науке», сколько в околонуточных кру-

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19–20.

гах. Особенно это наглядно прослеживается в период после Отечественной войны 1812 г., приведшей к небывалому подъему патриотизма и национального самосознания. Вместе с тем, наряду с дилетантскими работами **Ф.Л. Морошкина, Ю.И. Венелина, А.С. Великанова, А. Артемьева, Ф.И. Кнауэра** и др., антинорманистская школа XIX – начала XX в. явила научному миру ряд высокопрофессиональных исследований, представленных трудами **Н.И. Костомарова, Д.И. Иловайского, С.А. Геденова, М.С. Грушевского**.

В целом же в среде российских ученых рассматриваемого времени **преобладали норманистские взгляды**. Однако, историографическая ситуация середины XIX – начала XX в., по сравнению с предшествующим периодом, имела и существенные особенности, определяемые, в первую очередь, новыми методологическими подходами к изучению проблемы становления государства и трактовке природы последнего. Все больше исследователей смотрели на **государство как продукт длительного развития общества**, что неизбежно вело к переоценке и роли норманнов в процессе политогенеза на территории Восточной Европы. Характерна в этом плане, например, позиция ученых **государственной школы**, писавших о победе государственных начал над родовыми только в XV–XVI вв. и отказавшихся выделять «норманнский период» в русской истории (**С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин**). Еще более «радикальной» в данной связи была точка зрения **В.О. Ключевского**, который, касаясь содержания споров по варяжской проблеме, не без присущей ему язвительности писал, что «...национальности и государственные порядки завязываются не от этнографического состава крови того или иного князя и не от того, на балтийском или азовском поморье зазвучало впервые известное племенное название»¹. Известный историк права, **М.Ф. Владимирский-Буданов**, прямо заявлял, что у восточных славян пришедшие «князья-варяги застали везде готовый государственный строй»² и т.д.

Такая метаморфоза не должна вызывать удивления. Уровень науки был принципиально иным, чем в XVIII в. Спор же между норманистами и антинорманистами по-прежнему вращался вокруг вопроса об этническом происхождении правящей древне-

¹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 114. – Подр. см. выше, с. 7.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1905. С. 13–14.

русской династии. Признававшие скандинавское происхождение первых наших князей относились к норманистам, а все остальные – к антинорманистам. Среди антинорманистов были сторонники **славянской, финнской, готской, хазарской, жмудской, иверийской** и т.п. теорий. Наиболее представительной являлась **славянская школа**, делившаяся, в свою очередь, на **западнославянскую** (признавалось западославянское происхождение Рюрика и варягов-руси) и **среднеднепровскую** (вела речь об автохтонном, среднеднепровском происхождении росов/русов). Вопрос об этнической природе варягов и русов, фактически, был подчинен решению проблемы этнического происхождения Рюрика с братьями.

Таким образом, уже в дореволюционной историографии выделяются две важнейшие составные «варяжской проблемы»: 1) этническая принадлежность родоначальников княжеской династии и варягов-руси, происхождение названия «Русь»; 2) роль внутренних и внешних факторов в образовании древнерусской государственности. Содержание полемики по первому вопросу, в силу его конкретно-исторического характера¹, является достаточно устойчивым по сути и связано, в основном, с состоянием источниковой базы, тогда как по второму существенно меняется в зависимости от развития методологических основ исторической науки².

Марксистская историография проблему возникновения государственности стала трактовать с позиции **становления классов**, акцентируя внимание прежде всего на глубинных, внутренних процессах развития общества. Вместе с тем, рассматривая исторический процесс под социально-экономическим углом зрения, историки-марксисты не забывали о многофакторности развития социума, в том числе и о внешнем факторе. Тем более, что важное значение последнего в образовании государ-

¹ Первый вопрос распадается на собственно историческую, этнографическую и филологическую составляющие. При этом, если в дореволюционной историографии вопрос о происхождении названия «Русь» был подчинен решению проблемы этнического происхождения Рюрика и варяго-русов, то в советской историографии он не только приобрел полную научную самостоятельность, но и оттеснил, как не актуальный, вопрос о «национальности» первых князей (см. ниже).

² См. так же: Пузанов В.В., Михайлов С.А. Летописное сказание о призвании варягов и норманнский вопрос // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Материалы науч. конф., посвящ. 20-летию юбилею Умурт. гос. ун-та. 23 окт. 1992 г., Ижевск / отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск, 1993. С. 102–110.

ства признавали и классики марксизма¹. Однако со второй половины 1930-х гг. в советской историографии наметилась, а в 40-е – середине 50-х гг. возобладала, тенденция на преуменьшение, а порой и фактическое отрицание, внешнего воздействия в процессе социо- и политогенеза у восточных славян. При этом создавалась, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: советские историки, ожесточенно критикуя как дореволюционных, так и современных им норманистов, снисходительно относились к другим, «неславянским» теориям происхождения «руси» (например, «финнской» и «литовской»). Более того, они не просто признавали существенную роль финно-угорского и балтского компонентов в генезисе древнерусской народности, но и отмечали, например, прочные традиции «культурного, экономического и политического братства народов Прибалтики и русского народа»². Это в то время, когда роль германских элементов (готских и скандинавских), фактически, отрицалась³. После публикации в 1951 г. в «Правде» статьи П.И. Иванова «Об одной ошибочной концепции», началась кампания по борьбе с «идеализацией истории хазар», «преувеличения их роли в создании Древнерусского государства» и т.п. Правда, работ подобного рода появи-

¹ О внешнем факторе в образовании русского государства см.: Архив Маркса и Энгельса. М., 1938. Т. 5. С. 42; *Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century and the Story of Life of Lord Palmerstone*. N.Y. 1969. P. 109–110 (См. также: *Шшикин И.Г.* К вопросу о становлении марксистской концепции образования Древнерусского государства в отечественной историографии 1920–1930-х гг. // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. 1999. № 3–4. С. 23–40).

² См.: *Гадло А.В.* Восточные славяне, Русь и неславянские племена Восточной Европы // Советская историография Киевской Руси / отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1978. С. 45.

³ «Парадоксальность» ситуации заключалась с сугубо научной точки зрения. Однако ситуация была адекватна общественно-политическим реалиям того времени, учитывая жесткий внешне идеологический прессинг на СССР и роль фашистской Германии. Сыграла свою роль и начавшаяся «холодная война». Как показал Й.П. Нильсен, после капитуляции Германии партийное руководство, придавая особое значение «идеологии и необходимости установления контактов с историками в западных странах-союзниках», «выражало недовольство восхвалением прошлого России в годы Великой Отечественной войны». С 1947 г., по мере ухудшения отношений СССР с бывшими союзниками, ситуация изменилась. Началось мощное давление сверху на исследователей и по норманнскому вопросу (*Нильсен Й.П.* Рюрик и его дом: Опыт идейно-историографического подхода к норманнскому вопросу в русской и советской историографии. Архангельск, 1992. С. 57–66). Однако по мере усиления позиций СССР, становления и укрепления ГДР, отдаления во времени от трагических событий Великой Отечественной войны происходила переоценка и германского фактора в средневековой истории Восточной Европы, и оценка деятельности первых норманистов.

лось не много¹, и по-прежнему наиболее злободневным оставался именно «норманнский» (правильнее, даже, «германский») вопрос. Можно, без преувеличения, сказать, что он и для советской историографии, и для национального самосознания явился определенной лакмусовой бумажкой проверки на зрелость.

Показательна в этой связи ситуация, когда достаточно осторожные, по современным понятиям, попытки **В.В. Мавродина** указать на значительный удельный вес варягов в составе древнерусской социальной верхушки, на их роль в объединении Новгорода и Киева в одно государство² встретили жесткую критику со стороны коллег. Господствующую в отечественной историографии того времени позицию четко обозначил **Г.Г. Литаврин**, который, полемизируя с А. Стендер-Петерсеном, писал: «...Марксисты вовсе не отрицают... внешнего влияния на процесс образования государства... Однако, они не считают это влияние не только решающим фактором в возникновении государства, но и одним из необходимых факторов в этом процессе»³.

В результате советская марксистская историческая наука, объявившая норманнский вопрос второстепенным для изучения процессов классообразования и становления государственности, оказалась его заложницей в большей степени, чем дореволюционная. Прежде всего, в XIX – начале XX в. государство не вмешивалось в научный спор о происхождении русов. Поэтому норманизм и антинорманизм являлись частным делом каждого историка. С конца 30 – начала 40-х гг. XX столетия «варяжская» проблема из частной (точка зрения конкретного исследователя) переросла в государственную, став одним из важных направлений в общем наступлении на «антинаучную буржуазную историографию». При этом советские историки пытались показать несостоятельность норманизма, апеллируя не только к марксистской методологии, но и к фактическому материалу, задействовав и развив доказательный потенциал, накопленный отечественными антинорманистами XVIII – начала XX в., прежде всего – сторонниками среднеднепровского происхождения «руси». Как следствие, **центр тяжести в изыскании истоков древнерусской государственности был перенесен на юг, в Среднее Поднепровье, которое стали представлять в качестве**

¹ Подр. см.: *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

² *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

³ *Литаврин Г.Г.* Вопросы образования Древнерусского государства // Средние века. Вып. 8. М., 1956. С. 387. – Речь шла, прежде всего, о варяжском вопросе.

локомотива социально-экономического, политического и культурного развития среди восточнославянских регионов (как говорится, подальше от варягов). Одновременно начались поиски классового общества и раннегосударственных образований у восточных славян в эпоху, предшествующую появлению скандинавов в Восточной Европе. Весьма откровенно о цели подобных поисков высказался **В.Т. Пашуто**, касаясь вопроса о летописных племенах: «Если вся структура тогдашней Руси оказывается не этнографической, племенной, а политической, то, понятно, рушится и пресловутое «русское» племя и славяно-скандинавский симбиоз народов»¹. Наконец, явно противореча своим марксистским убеждениям, советские историки на одно из первых мест поставили проблему происхождения названий *Русь*, *Русская земля*, начав усиленные поиски их на юге Восточной Европы в «доваряжский» период ее истории.

Между тем, антинорманизм в советской историографии отличался от антинорманизма образца XVIII–XIX в., когда спор фокусировался на этническом происхождении первых князей и летописной «руси». Советские антинорманисты, говоря о среднеднепровском, славянском происхождении «русов», признавали факт скандинавского происхождения княжеской династии Рюриковичей². Да и «норманизм» к тому времени уже понимался по-другому³.

¹ Пашуто В.Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 83.

² Лишь некоторые исследователи (см. напр.: Вилинбахов В.В. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // СС. Вып. 7. Таллин, 1963. С. 333–346); Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // ВИ. 1974. № 1. С. 54–83) пытались оспорить это мнение.

³ В советской историографии понимание норманизма изменялось в зависимости от политической и историографической ситуации. Например, в разгар борьбы с норманизмом Б.Д. Греков понимал его как «теорию» «доказывающую» неполноценность русского народа, его неспособность создать свою культуру и государственность, утверждающую за варягами-норманнами роль основателей русского государства и творцов русской культуры» (Греков Б.Д. Антинаучные измышления финского профессора // Он же. Киевская Русь. М.; Л., 1953. С. 561). И.П. Шаскольский, писавший уже в несколько иной ситуации, назвал норманизм «научной теорией», но в рамках «буржуазной» науки (см. выше, с. 11–12). Под норманизмом он понимал теории и концепции, приписывающие скандинавам наиболее важную или решающую роль в формировании классового общества, образования Древнерусского государства и т.п. коренных событиях нашей истории IX–XI вв. (Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965. С. 6–20 и др.).

Во второй половине 1950-х – 1960-е гг. (**Х. Ловмянский**, **А.П. Новосельцев** и др.) и, особенно, в 1970–1980-е гг. (**И.В. Дубов**, **А.Н. Кирпичников**, **Г.С. Лебедев**, **Д.А. Мачинский** и др.) намечается определенный перелом в оценке роли варягов. Все больше ученых приходят к выводу о северном происхождении термина *Русь*, усматривая в *русах* или скандинавов, или надэтничный социальный слой с существенной, и даже преобладающей, долей норманнов¹.

М.А. Алтатов, в отличие от указанных исследователей, вел речь о **норманнском завоевании** восточных славян, о том, что приход варягов в Среднее Поднепровье ускорил процесс образования древнерусской государственности. При этом он отмечал, что «формирование Древнерусского государства, процесс двусторонний, при несомненном преобладании его внутренней стороны»².

Однако возникновение государственности историки рассматривали в контексте становления классового общества, акцентируя внимание на том, что норманны не принесли на Русь нового способа производства и не могли создать классы. Особо популярной оказалась точка зрения **В.Т. Пашуто**, согласно которой **варяги выступали в роли орудия в руках восточнославянской** (прежде всего) и **финно-угорской** (отчасти)³ **знати**, с помощью которых последним было удобнее эксплуатировать соплеменников⁴. Наиболее «радикальную» позицию в варяжском вопросе в рассматриваемое время занимал **Д.А. Мачинский**. Однако она, при ближайшем рассмотрении, оказыва-

¹ Историографию вопроса о происхождении этнонима *Русь* см.: Горский А.А. Проблема происхождения названия *Русь* в современной советской историографии // История СССР. 1989. № 3. С. 131–137; Стрижак О.С. Русь, земля // Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985. С. 117–124; Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990. С. 116–153; Скляренко В.Г. Русь і варяги: історико-етимологічне дослідження. Київ, 2006. С. 3–7; Шип Н.А. Дискусія про термін «Русь» // УІЖ. 2002. № 6. С. 92–107 и др.

² Алтатов М.А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // ВИ. 1982. № 5. С. 34–37.

³ «...Очевидно, что новая династия – всего лишь орудие власти славянской и (в меньшей мере) чудской знати» (Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 22).

⁴ Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории ранне-средневековой Европы // СС. 1970. Вып. 15. С. 53–56. – Эта точка зрения настолько органично вошла в историографию, что нередко повторялась уже без всякой ссылки на В.Т. Пашуто (См., напр.: Моця О.П. Населення південно-руських земель IX–XI ст. (За матеріалами некрополів). Київ, 1993. С. 55).

ется лишь модернизацией точки зрения В.В. Мавродина¹ и В.Т. Пашуто. Несомненной заслугой Д.А. Мачинского является обоснование **ключевой роли Северной Руси в процессе политогенеза у восточных славян**, в противовес безгранично царившем в умах советских историков мифе об исключительной роли восточнославянского юга².

Новые методологические подходы к проблеме генезиса раннегосударственных образований намечаются во второй половине 1960-х гг., когда рядом исследователей было поставлено под сомнение господствующее положение о государстве, как продукте классового общества. В отношении Древнерусского государства важную роль сыграли труды **И.Я. Фроянова**, который обосновал точку зрения о **доклассовом характере древнерусского общества** и создал новую концепцию восточнославянского политогенеза³. Обратил внимание И.Я. Фроянов и на **роль внешнего фактора**. По его мнению, «объединение племен в границах «Русской земли» невозможно понять, абстрагируясь от внешних импульсов». Образование же Киевской Руси стало результатом «завоеваний, осуществленных полянами»⁴.

Особый интерес по глубине осмысления социокультурных процессов в восточнославянском обществе в предгосударственный и раннегосударственный периоды представляют исследования **Л.В. Даниловой**. По ее мнению, у восточных славян «родоплеменные отношения еще не изжили себя к моменту возникновения объединенного восточнославянского государства в IX в. Процесс создания государственности и классов был ускорен», «контактами со старинными цивилизациями»⁵, «задачами борь-

¹ «Они [варяги – В.П.] были тем элементом, который, если и не вызвал на Руси процесса образования государства, то во всяком случае вошел в этот процесс и способствовал его ускорению» (*Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства*. С. 388).

² См.: *Мачинский Д.А.* О месте Северной Руси в процессе сложения древнерусского государства и европейской культурной общности // *Археологическое исследование Новгородской земли*. Л., 1984. С. 5–25.

³ См.: *Алексеев Ю.Г., Пузанов В.В.* Проблемы истории средневековой Руси в трудах И.Я. Фроянова // *Исследования по Русской истории и культуре: Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова* / отв. ред. Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. М., 2006. С. 3–23.

⁴ *Фроянов И.Я.* К истории зарождения Русского государства // *Из истории Византии и византиноведения*. Л., 1991. С. 74–76.

⁵ «Здесь, по словам Л.В. Даниловой, работали, с одной стороны, механизмы заимствования материальной и духовной культуры, демонстративный эффект, а с другой – потребность в создании политической организации, способной противостоять сильным государствам Запада и Востока» (*Данилова Л.В.* Становление

бы с военно-торговой экспансией викингов и агрессией Хазарского каганата», а, со временем, возросшей опасностью «со стороны Болгарского государства», «геополитической ситуацией и непрерывно протекающими колонизационными процессами»¹. Л.В. Данилова интересно и убедительно раскрывает факторы, обусловившие формирование особой политической системы, характеризующейся иерархией соподчиненных общин, возглавляемой старейшими городами: «Одновременность процесса формирования государственности и классового общества у восточных славян и их расселения по Восточноевропейской равнине породили своеобразный механизм становления политической системы. На начальных этапах сложения государственности господствующий класс формировался не только и, может быть, даже не столько за счет инкорпорирования общинной верхушки разных этнополитических объединений, сколько в ходе подчинения одних общностей (славянских и иноэтничных) другими. Общности-победители *in corpore* приобретали власть над побежденными, становились их господами. Это нашло непосредственное отражение в господстве главных городов восточнославянских земель и княжеств над пригородами»².

В последнее время роль внешнего фактора в интеграции восточнославянских племен и генезисе древнерусской государственности становится все более зримой для исследователей. Однако, большинство авторов, отмечающих значительную роль внешнего фактора, в своих работах акцентируют внимание не на военных действиях, а на **внешней торговле**, на ее организующей и интегрирующей роли³.

системы государственного феодализма в России: причины, следствия // *Система государственного феодализма в России* / отв. ред. Л.В. Данилова. М., 1993. Т. 1. С. 46).

¹ Там же. С. 46–47.

² Там же. С. 48.

³ *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л., 1989; *Кирпичников А.Н.* «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // *Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты* / отв. ред. А.С. Мыльников. СПб., 1997. С. 7–18; *Он же.* «Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья» // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья* / отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб., 2002. С. 34–58; *Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // *ДГ. 1992–1993 годы*. М., 1995. С. 16–33; *Она же.* Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // *Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (к 210-летию А.Л.Витберга)* / отв. ред. В.В. Низов. Киров, 1997. С. 132–139; *Носов Е.Н.* Происхождение легенды о призвании варягов и Балтийско-Волжский

Такое повышенное внимание внешней торговле имеет давнюю историографическую традицию. Еще историки XVIII – начала XIX столетия, за незначительным исключением (например, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин) склонны были преувеличивать уровень развития коммерции у восточных славян и в доваряжскую, и в древнерусскую эпохи¹. Особенно далеко пошел в своих выводах **Г. Шторх**, называвший торговлю «колыбелью культуры», и придававший ей характер созидательной силы развития русской цивилизации². В историографии второй половины XIX – начала XX в. идея о выдающейся роли торговли в истории Древней Руси наиболее полное выражение получила у **В.О. Ключевского**, создавшего **теорию торгового происхождения русского государства**. Авторитет ученого, наличие мощной когорты учеников, способствовали широкому распространению этих идей в отечественной и зарубежной историографии³. Однако **теория Шторха-Ключевского** не получила поддержки в советской историографии, уделявшей основное внимание развитию сельского хозяйства, прежде всего – земледелия, как основной отрасли народного хозяйства и экономической базе феодализма. Ведь феодальные отношения (не важно, в форме «государственного» или «вотчинного» феодализма), формировались, с точки зрения исследователей, посредством монополизации в руках господствующего класса прав на землю, как основное средство производства⁴. Советские историки не отрицали определенную роль торговли в процессе складывания имущественного и социального неравенства у восточных славян, но не могли признать ее решающей силой. В последние десятилетия роль

путь // Древности славян и финно-угров / под ред. А.Н. Кирпичникова и Е.А. Рябиной. СПб., 1992. С. 100–105; Он же. Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990; Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // ВИ. 1991. № 2–3. С. 10–11; Он же. Хазарское государство... С. 202, 204–205; Петрухин В.Я. Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // Евреи и славяне. Т. 16. Хазары / ред. кол. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Иерусалим; Москва, 2005. С. 71–72, 74, 77. – Ср.: Данилова Л.В. Указ. соч. С. 49 и др. – Подр. см.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкции. Ижевск, 2007. С. 190–192.

¹ См.: Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII в. в отечественной историографии XVIII – начала XX в. Ижевск, 1995. С. 105–107.

² Schtorch H. Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts: In 8 Th. Riga; Leipzig. Th. 1. Riga, 1797. S. 47–70; Th. 4. Leipzig, 1800. S. 2–4.

³ См.: Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство... С. 109–113.

⁴ См.: Алексеев Ю.Г., Пузанов В.В. Указ. соч. С. 3–23.

внешней торговли становится все более зримой для отечественных исследователей¹. Но эта роль, все-таки, им видится не столь объемлющей, как В.О. Ключевскому. Впрочем, в зарубежной историографии у Г. Шторха и В.О. Ключевского имеют последователи².

Некоторые исследователи предупреждают о недопустимости преувеличения роли внешнего фактора, причем концентрации исследовательского внимания только на норманнском и хазарском факторах. По словам **Г.Г. Литаврина**, «изучение проблемы Славиний по письменным источникам с привлечением богатейшего археологического материала, обработанного В.В. Седовым и другими археологами, могло бы, кажется, предельно доступно определить соотношение внутреннего и внешнего факторов, значение фундамента и возводимых на нем политических структур в период становления Древнерусского государства»³.

К сожалению, все не так просто, как может показаться на первый взгляд. К тому же именно последние работы В.В. Седова, с идеологически выраженным автохтонистским зарядом, в известной степени, привели к эффекту обратному от ожидаемого, и стали удобной мишенью для оппонентов⁴. Что же касается археологического материала, то он рисует достаточно противоречивую картину.

В настоящее время вряд ли у кого из серьезных исследователей может вызывать сомнения тезис о том, что при анализе процессов перехода общества на государственный уровень развития следует учитывать всю совокупность внутренних и внешних факторов. Широко распространенную точку зрения на данный вопрос можно выразить словами **Е.А. Мельниковой**, которая, вслед за Э. Сервисом, выделила внутренние предпосылки возникновения государства, «создаваемые производящим хозяйством и ведущие в первую очередь к стратификации общества», и «внешние факторы, среди которых важнейшая роль отводится военной деятельности и торговле»⁵. Кроме того, и отечествен-

¹ См. выше, с. 91–92, прим. 3.

² См., напр.: Schramm G. Altrusslands Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg, 2002. S. 21–71.

³ Литаврин Г.Г. Византия. Болгария. Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 17–18 и сл.

⁴ См., напр.: Баран В.Д., Залізник Л.Л., Зубар В.М., Німчук В.В., Отрошенко В.В., Сегеда С.П. Етнічна та етнокультурна історія України. Київ, 2005. Т. 1, кн. 2.

⁵ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований... С. 19.

ные, и зарубежные специалисты в качестве важных предпосылок выделяют определенный уровень плотности и численности населения, необходимый для выхода общества на государственный уровень развития¹.

Вряд ли возможно серьезно оспаривать традиционное мнение о том, что для образования государства необходим известный уровень развития производящего хозяйства, обеспечивающий получение устойчивого прибавочного продукта, и определенная плотность населения. Вместе с тем, для многих регионов планеты, в том числе Европы, уровень плотности населения на протяжении Средневековья оставался незначительным. Поэтому недостаток внутренних связей должен был компенсироваться внешними. Можно предположить в этой связи, что для таких регионов, Восточной Европы в частности, особо значимую роль играли внешние факторы, прежде всего война и, тесно связанная с ней, внешняя торговля². Однако внешняя торговля в тех условиях не имела самостоятельного значения. Она могла существовать лишь благодаря войне и грабежу и не оказала определяющего влияния на стратификацию и имущественное расслоение в восточнославянском обществе. Более важная, самостоятельная и универсальная роль в интеграционных процессах в Восточной Европе, как, наверное, и везде, принадлежала **войне**, которая являлась средством интеграции в более крупные объединения, способом легитимации внешней эксплуатации, и эксплуатации человека человеком, средством достижения высокого социального статуса, причем более престижным, чем торговля. Потребности войны и внешней эксплуатации обуславливали необходимость формирования властных институтов, действие которых, первоначально, было направлено вовне. Важнейшие из них – институты военного вождя, народного ополчения и дружины. В любом случае, трансформация родоплеменного общества в до-

¹ См., напр.: Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М., 2000. С. 133–134; Классен Х.Дж. М. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 76–77; Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги // Там же. С. 108–111.

² См.: Пузанов В.В. Война и внешняя торговля как факторы образования древнерусской государственности // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика. Матер. Всерос. науч.-практич. конф. Ижевск, 24–26 апреля 2001 г. / отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск, 2001. С. 3–16; Он же. Древнерусская государственность... С. 184–200.

феодалное (как и дофеодалное в феодальное) не могла осуществляться сугубо на базе внутреннего развития. Требовался известный внешний импульс (завоевание, экономические, военные и культурные контакты и т.п.)¹.

Первые государствообразующие процессы в восточнославянском регионе прослеживаются на севере, в зоне скандинавской экспансии. Власть Рюрика и его преемников на восточноевропейские племенные объединения распространялась посредством завоевания, а не «призвания». Именно активностью скандинавского элемента и следствием славяно-норманнского синтеза объясняется как особая роль «Русской земли» в «узком смысле», так и сохраняющееся особое положение Новгорода – восприемника политической роли старого центра (Ладоги и «Рюрикова городища»). Следствие этого – сложная иерархия территорий, отражающая иерархию общин и князей².

Варяги на территории Восточной Европы преследовали собственные интересы. Но для наиболее полного и оптимального их удовлетворения они вынуждены были заключать союзы с отдельными местными племенными объединениями, что видно на примере словен и полян. Норманны не создавали для восточных славян государственности, однако на протяжении достаточно длительного времени выступали в качестве организующей военно-политической силы. Тем самым, они содействовали формированию институтов публичной власти и налоговой системы, возвышению ряда местных племенных объединений, что привело, в итоге, к доминированию полянской общины, а потом и Киевской земли над остальными восточнославянскими землями. Варяжский фактор не только «подтолкнул» государствообразующие процессы у восточных славян, но и придал им масштабность, катализируя интеграционные явления на огромных пространствах Восточной Европы. Эта масштабность являлась результатом взаимодействия многих факторов, важнейшим из которых стало наложение двух колонизационных потоков – славянского и скандинавского. Будучи различными по силе и по конечным целям, они, несмотря на временную гегемонию в отдельных регионах скандинавов, привели в итоге к господству восточнославянского элемента³.

¹ Там же.

² См.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность... С. 238–240, 614–616.

³ См.: Он же. К вопросу о генезисе восточнославянской государственности // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Материалы науч. конф. посв. 20-летию юбилею Удмурт. гос. ун-та. Ижевск, 23 октября

Смена исторических эпох сопровождалась и сменой правящих элит. Не было генетической преемственности, за небольшими исключениями, между «племенной знатью» и знатью древнерусской, высший слой которой являлся полиэтническим по происхождению, впитавшим в себя славянские, германские, иранские, тюрские, финоугорские компоненты. Первоначально он формировался на скандинавской основе, а потом пополнялся иноэтничными, прежде всего славянскими элементами¹.

Важную роль в этнополитических и социальных процессах рассматриваемого времени сыграл процесс формирования народного ополчения формирующихся городов-государств как тяжелой пехоты. Это не только обеспечило окончательное превосходство восточнославянского элемента, но и придало особую демократичность древнерусским политическим институтам².

1992 г. / отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск, 1993. С. 21–40; *Он же*. У истоков восточнославянской государственности // История России: Народ и власть. СПб., 1997. С. 19–28; *Он же*. Древнерусская государственность... С. 292–293.

¹ См.: *Он же*. Пути формирования высшей правящей элиты в эпоху образования Древнерусского государства // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2008. Вып. 2. С. 3–10; *Он же*. Формирование политических элит в эпоху становления Древнерусского государства: этнокультурный аспект // Граждано́генез в России. Кн. 2 / под. общ. ред. В.Д. Мехедова и В.Ф. Блохина. Брянск, 2010. С. 15–41.

² *Он же*. Древнерусская государственность... С. 292; *Он же*. Особенности исторического развития России и формирование отечественной политической и гражданской традиции в Средние века и раннее Новое время // Граждано́генез в России. Кн. 1 / под. общ. ред. В.Д. Мехедова, В.Ф. Блохина. Брянск, 2009. С. 14–42.

Глава 4. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Современная зарубежная историография Древней Руси и проблем политогенеза во многом формировалась под влиянием трудов русских историков-эмигрантов, сохранивших, с одной стороны, преемственность с отечественной историографией и впитавших, с другой стороны, традиции и новации той научной среды, в которой оказались после оставления родины. Особо следует остановиться на трудах русских историков-эмигрантов первой волны, трактовка которыми государственного устройства Руси не утратила научного значения и оказала существенное воздействие на зарубежную историческую науку. **В.Г. Вернадский, Е.Ф. Шмурло, М.Т. Флоринский** развивали идеи до-революционной историографии об **удельно-вечевом строе** Древней Руси. **В.Г. Вернадский**, признавая важную роль варягов в объединении славянских племен и создании Киевского государства (после объединения Олегом Севера и Юга Руси), придерживался южной, алано-осетинской теории происхождения названия *русь*¹. Киевская Русь представлялась ему в виде **федерации**, с тремя взаимно уравнивающимися элементами власти: монархическим (князь), аристократическим (боярский совет), демократическим (народное вече)² По его мнению, завещание Ярослава Мудрого устанавливало иерархию политического старшинства городов для соотнесения с генеалогическим старшинством князей³. Даже когда единство Руси рухнуло (со смертью Ярополка в 1139 г.), «оставалось слабое ощущение изначального единства Руси как таковой». Оставалось «нечто вро-

¹ См.: *Вернадский Г.В.* Древняя Русь / под. ред. Б.А. Николаева. Тверь; Москва, 1996.

² Подр. см.: *Пашуто В.Т.* Русские историки эмигранты в Европе. М., 1991. С. 105–107.

³ *Вернадский Г.В.* Киевская Русь / под. ред. Б.А. Николаева. Тверь; Москва, 1996. С. 93.

де... очень непрочной федерации», а за князьями стояли «более могущественные силы» – города и княжества¹.

М.Т. Флоринский, вслед за В.О. Ключевским и рядом других авторов, вел речь о большой роли в ранней истории восточных славян торговых городов, о благотворном влиянии на их развитие хазарского завоевания². Основателями же Русского государства он считал норманнов³. Древняя Русь ему представлялась в виде рыхлой **федерации городов-государств**⁴.

Е.Ф. Шмурло также считал варягов основателями Русского государства. После смерти Ярослава Мудрого исследователь выделял два периода в домонгольской истории Руси – Киевский (1054–1169) и Суздальско-Волынский (1169–1242). Внутренняя история Руси в это время определялась «взаимодействием двух сил: населения и княжеской семьи – это преимущественно время вечевого действия и отчинно-родовых отношений». В 1169–1242 гг. «единство Русской земли еще держится – однако с перенесением великокняжеского стола на северо-восток оно уже дает некую трещину», и «центробежные силы начинают брать перевес...»⁵.

Необходимо указать на ставшие классическими работы **В.А. Мошина**, в которых не только содержатся обстоятельный историографический обзор и библиография варяжского вопроса⁶, но и предпринята попытка решить проблему «норманнской колонизации» в Восточной Европе⁷. Следствием такой колонизации, по его мнению, стало возникновение трех норманнских центров (*три Руси*, согласно автору). «Начало Русского государства» В.А. Мошин относил к правлению Владимира Святославича, что было связано с объединением под его властью всех русских областей и проникновением «пришедших из Византии вместе с христианством, новых понятий о государстве и о княжеской власти...»⁸.

¹ Там же. С. 235–236.

² Florinsky M. T. Russia. A history and interpretation: 2 vols. N.Y., 1953. Vol. 1. P. 7–16.

³ Ibid. P. 8.

⁴ Ibid. P. 21.

⁵ Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: Возникновение и образование Русского государства (862–1462). СПб., 1998. С. 68–76, 104–155.

⁶ Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Slavia. 1931. Т. 10. С. 109–136, 343–379, 501–537. – См. выше, с. 8.

⁷ Он же. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // Byzantinoslavica. Praha, 1931. Р. 3. Sw. 1. С. 33–58; Sw. 2. С. 285–307. – Обе статьи являлись частями одной большой работы, которая так и не была опубликована полностью.

⁸ Там же. Sw. 2. С. 305.

На последовательно антинорманистских позициях стояли **В.А. Рязановский** и его сыновья – **А.В.** и **Н.В. Рязановские**. **В.А. Рязановский** подверг основательной критике взгляды современных ему норманистов, уделив основное внимание трудам В.А. Мошина¹. **А.В. Рязановский** посвятил критике норманнской теории свою диссертацию «Норманнская теория происхождения Русского государства: Критический анализ». К сожалению, она не была опубликована². Из опубликованных работ следует отметить статью, посвященную «русскому посольству» Бертинских анналов, в которой критиковались построения норманистов. Исследователь вел речь о необходимости устанавливать этническую принадлежность не послов, как делали норманисты, а государства, отправившего посольство. По мнению А.В. Рязановского, послы были отправлены из Киева «каганом росов» (киевским князем). Таким образом, послы – этнические шведы, находились на службе славянского государства³.

Если статья А.В. Рязановского, как и его диссертация, известна узкому кругу специалистов, то труды **Н.В. Рязановского** имеют весьма широкую аудиторию. Не являясь специалистом в области средневековой русской истории, он дал последовательную критику основных норманистских построений в своей обобщающей «Истории России»⁴, которая неоднократно впоследствии переиздавалась⁵.

История России не является приоритетной в современной западной науке. Особенно, если речь идет не о XX столетии. Тем не менее, древнерусская тематика имеет давнюю традицию в зарубежной историографии. Как и прежде, наибольший интерес здесь вызывает норманнская проблема⁶ и сопутствующая ей те-

¹ Рязановский В.А. Обзор русской культуры: Исторический очерк: В 2 т. Нью-Йорк, 1947. Т. 1.

² См.: Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965. С. 30, прим. 77.

³ Riasanovsky A.V. The Embassy of 838 Revisited; some Comments in Connection with "Normanist" Source on Early Russian History // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas: Neue Folge. 1962. Bd 10. Hf. 1. S. 1–12.

⁴ Riasanovsky N.V. A History of Russia. N.Y., 1963; Idem. A History of Russia. New York; Oxford, 1993 и др.

⁵ См.: Секирский С.С. Н.В. Рязановский. История России // ВИ. 1994. № 11. С. 174–177.

⁶ Детальный историографический анализ состояния проблемы на первую половину 1960-х гг. см.: Шаскольский И.П. Указ. соч.; Шушарин В.П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964. – Положения и выводы отдельных зарубежных исследователей по норманнскому вопросу см.: Вилинбахов В.Б. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена // СС. Вып. 7. Тал-

матика: история варяжского вопроса (*К. Рабек Шмидт, Й.П. Нильсен, А. Латвакангас* и др.¹), деятельность норманнов в Восточной Европе (*А. Стендер-Петерсен, Х. Арбман, Т.С. Нунан, А. Стальсберг, К. Хеллер, П. Соьер, Э. Роэсдаль, И. Янссон*² и др.), происхождение названия *Русь*

лин, 1963. С. 323–337; *Толочко П.П.* Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // *Славяне и Русь (в зарубежной историографии)* / отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1990. С. 99–121; *Шаскольский И.П.* Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма // *ОИ.* 1992. № 2. С. 155–160; *Коваленко Г.М.* Туре Арне – ученый и общественный деятель // *НИС.* Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 287–292; *Клейн Л.С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009 и др.

¹ *Rahbek Schmidt K.* The Varangian Problem. A Brief History of the Controversy // *Varangian Problems. Report on the first International Symposium on the Theme «The Eastern Connections of the Nordic Peoples in the Viking Period and Early Middle Ages».* Aarhus, 7th–11th October 1968 (*Scando-Slavica.* 1970. Supl. 1). P. 10–17; *Rüb H.* Die Warägerfrage. Neue Tendenzen in der sowjetischen archäologischen Forschung // *Östliche Europa. Spiegel der Geschichte. Festschrift für Manfred Hellman zum 65. Geburtstag* / hrsg. C. Goehrke (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa IX). Weisbaden, 1977. S. 3–16; *Idem.* Die Warägerfrage // *Handbuch der Geschichte Russlands.* Bd. 1. Bis 1613 von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum. L. 4/5 / hrsg. von M. Hellmann. Stuttgart, 1979. S. 267–282; *Нильсен Й.П.* Рюрик и его дом: Опыт идейно-историографического подхода к норманнскому вопросу в русской и советской историографии. Архангельск, 1992; *Latvakangas A.* Riksgrundarna: Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995.

² *Stender-Petersen A.* Das Problem der ältschen byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen // *Relazioni del X Congress Internazionale di Scienze Storiche.* Firenze, 1955. Vol. 3. S. 165–188; *Арбман Х.* Викинги. СПб., 2003; *Heller K.* Die Normannen in Osteuropa. Berlin, 1993; *Нунан Т.С.* Зачем викинги в первый раз прибыли в Россию // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология* / сост. Дж. Маджеска. Самара, 2001. С. 22–64; *Stalsberg A.* The Scandinavian Viking Age finds in Rus'. Overview and analysis // *Oldenburg – Wolin – Staraja Ladoga – Novgorod – Kiev: Handel und Handelsverbindungen im südlichen und östlichen Ostseeraum während des frühen Mittelalters: Bericht der Römisch-Germanischen Kommission.* Bd. 69. Mainz; Frankfurt, 1988. S. 448–471; *Idem.* Skandinavisk handel i Austerveg: to aspekter arkeologisk belyst // *Норна у источника Судьбы: сб. статей в честь Елены Александровны Мельниковой* / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2001. С. 384–389; *Она же.* О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // *Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина* / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1998. С. 277–287; *Бланков Ж.* Ложная проблема: норманская и антинорманская теории о происхождении Киевского государства // *Belgian Contributions to the 9th International Congress of Slavistics.* Kiev, 6–14 September 1983. *Slavica Gandensia* 10 (1983). P. 7–21; *Роэсдаль Э.* Мир викингов. СПб., 2001; *Соьер П.* Эпоха викингов: Пер. с англ. А.П. Санина. СПб., 2002; *Янссон И.* Русь и варяги // *Викинги и славяне: Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях.* СПб., 1998. С. 19–55; *Он же.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // *Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина.* М., 1999. С. 18–38 и др.

(*Р. Экблум, К. Рабек Шмидт, С. Роспонд, М. Фасмер, Я. Отрембский, Г. Шрамм, К.-О. Фальк, С. Экбу, О. Прицак, Х. Станг* и др.)¹.

В общих и научно-популярных работах по истории России вышедших в США, Германии, Англии, Франции, Италии и др. странах² широко распространен тезис о **норманнском завоевании**. Развернутые аргументы в пользу такой постановки вопроса содержатся в трудах историков-эмигрантов российского (*М.А. Таубе* /Франция/) и польского (*Х. Пашкевич* /Англия/) происхождения³. Современные исследователи, однако, все

¹ *Eklblom R.* Rus- et waręg dans les noms de lieux de la région de Novgorod. Stockholm, 1912. S. 9–10; *Idem.* Roslagen-Rußland // *Zeitschrift für slavische Philologie.* (26). 1957. Hf. 1. S. 47–58; *Rahbek Schmidt K.* Op. cit. P. 10–17; *Rospond S.* Pochozenie nazwy Rusь // *Rocznik slawistyczny* 38 (1977). Cz. 1. S. 35–50; *Otrębski J.* Rusь // *Lingua Posnaniensis* 8 (1960). P. 219–227; *Idem.* Miscellanea onomastica Rossica, III: Несколько замечаний о названии «Русь» // *Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы.* М., 1979. С. 43–47; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3. С. 522; *Schramm G.* Die Herkunft des namens Rus'. Kritik des Forschungsstandes // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* Berlin, 1982. Bd. 30. S. 7–49; *Idem.* Altrusslands Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg, 2002; *Falk K.* Einige Bemerkungen zum Namen Rusi // *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance).* Actes du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Upsal 20–22 avril 1979. Uppsala, 1981. P. 147; *Екбо С.* The Etymology of Finnish Ruotsi 'Sweden' // *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance).* Actes du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Upsal 20–22 avril 1979. Uppsala, 1981. P. 143–145; *Idem.* Die Etymologie des finnischen Ruotsi 'Sweden' // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas: Neue Folge.* 1986. Bd. 34. Hf. 3. S. 354–356; *Прицак О.* Происхождение имени Rūs/Rūs' // *Вопр. языкознания.* 1991. № 6. С. 115–131; *Stang H.* The Naming of Russia // *Meddelelser. Universitetet Oslo, Slavisk-baltisk avdeling.* 1996. № 77. Oslo, 1996; *Он же.* Наименование Руси (герульская версия): Тезисы. СПб., 2000 и др. – См. также: *Шаскольский И.П.* Вопрос о происхождении имени «Русь» в современной буржуазной науке // *Критика новейшей буржуазной историографии* / отв. ред. О.Л. Ванштейн. Л., 1967. С. 128–176.

² См.: *Шушарин В.П.* Современная буржуазная историография древней Руси. С. 239–240; *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 76–77.

³ *Taube M.* Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars (IXe–XIIIe siècle). Paris, 1947; *Paszkievicz H.* The Origin of Russia. L., 1954; *Idem.* The making of Russian nation. L., 1963. – Из современных отечественных исследователей положение о норманнском завоевании в Восточной Европе наиболее активно отстаивают В.В. Пузанов и Р.Г. Скрынников (см.: *Пузанов В.В.* К вопросу о генезисе восточнославянской государственности // *Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Материалы науч. конф. повс. 20-летнему юбилею Удмурт. гос. ун-та.* Ижевск, 23 октября 1992 г. / отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск, 1993. С. 21–44; *Он же.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 190–200; 225–260; 275–293 и др.; *Скрынников Р.Г.* Войны Древней Руси // *ВИ.* 1995. № 11–12. С. 24–39; *Он же.*

больше склоняются к выводу, согласно которому «государство это комплексный процесс, который нельзя свести только к деятельности воинов, пришедших извне»¹. Тем не менее, и в новейшей зарубежной историографии отчетливо проступает особая роль варягов в образовании Древнерусского государства². Даже в работах обобщающего характера по древнерусской истории ранний ее период, обычно, рассматривается сквозь призму деятельности норманнов (Х. Пашкевич, С. Франклин, Д. Шепард, Г. Шрамм и др.)³, а роль восточных славян, нередко, нивелируется в рассуждениях о **полиэтничном балтско-финско-славянском конгломерате**, на базе которого сформировалась Киевская Русь⁴. Отдельные авторы считают возможным говорить о земледельческой скандинавской колонизации в Восточной Европе⁵. Впрочем, некоторые исследователи вели речь о

История Российская. IX–XVII вв. М., 1997 и др. – Ср.: Кривошеев Ю.В. К варяжскому вопросу // *Он же*. Собранные. СПб., 2010. С. 134–138).

¹ Янссон И. Русь и варяги. С. 24; Stokl G. Russische Geschichte: Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1973. S. 42.

² Например, Д. МакГиннис ведет речь о важной роли варягов в образовании Древнерусского государства, об их длительном, до конца правления Ярослава Мудрого, влиянии на Русь (McGinnis D. The Vikings in the East: *Yngvars saga víðförla* // Scandinavian-Canadian Studies. Ottawa, 1983. P. 79–80).

³ Paszkiewicz H. The Origin of Russia. P. 107–181; Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200. СПб., 2000; Schramm G. Altrusslands Anfang...

⁴ Такой подход, например, характерен для К. Герке (Goehrke C. Frühzeit des Ostslaventums. Darmstadt, 1992), который учитывает роль и варяжского, и автохтонного (балтского, финского и славянского) элементов (подр. см.: Назаренко А.В. [Рецензия] // Средневековая Русь / отв. ред. А.А. Горский. Вып. 1. 1996. С. 154–185. Рец. на: Goehrke C. Frühzeit des Ostslaventums. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992. 273 s).

⁵ Теорию **норманнской колонизации** на археологическом и лингвистическом материале обосновал Т. Арне (см.: Коваленко Г.М. Указ. соч. С. 287–288). Положения авторитетного исследователя получили развитие в трудах А. Стендер-Петерсена (Дания), Х. Арбмана, И. Янссона, Ф. Андрощука (Швеция) и др. авторов (Stender-Petersen A. Die älteste russische Staat // Historische Zeitschrift. Bd. 71. N. 1. München, 1960. S. 1–17; Арбман Х. Указ. соч. С. 148–174; Jansson I. Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking Period // The Rural Vikings in Russia and Sweden / ed. by P. Hansson. Örebro, 1997. P. 9–64; Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // Ruthenica. Т. 3 / науч. ред. В. Ричка, О. Толочко. Київ, 2004. С. 7–47). Имеет сторонников эта идея и в отечественной историографии (Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 44–46; Пузанов В.В. К вопросу о генезисе восточнославянской государственности. С. 40; Мурашова В.В. Была ли Древняя Русь частью Великой Швеции? // Родина. 1997. № 10. С. 11), в том числе – эмигрантской (см., напр.: Браун Ф.А. Варяги на Руси // Беседа. 1925. № 6–7. Берлин, 1925. С. 300–336; Мошин В.А. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе и др).

«капиллярном проникновении» норманнов в Восточную Европу и солидаризировались по основным пунктам норманнского вопроса с советскими историками¹.

Взросший интерес к хазарской проблеме обусловил повышенное внимание к хазарскому фактору в древнерусском политогенезе². Особый интерес вызывает трактовка известий еврейско-хазарских источников (прежде всего – «Текста Шехтера» / «Кембриджского документа»/), расходящихся существенно с древнерусскими свидетельствами, на основе которых и выстроено большинство современных концепций генезиса древнерусской государственности. Главным «возмутителем спокойствия» здесь в последние десятилетия является **О. Прицак**, придающий огромное, даже гипертрофированное, значение роли хазар в истории восточных славян. В частности он ведет речь о хазарском происхождении полян, основании хазарами Киева, господстве хазар в Киеве вплоть до 30-х гг. X в. и т.п. Большой резонанс в научном мире вызвало появление совместной монографии **О. Прицака** и **Н. Голба**, содержащей публикацию и анализ текста Шехтера и открытого Н. Голбом «Киевского письма»³. Дважды переизданная на русском языке⁴, монография способствовала не только введению в широкий научный оборот нового источника («Киевского письма») но и раскручиванию очередного витка интереса к «хазарской» и «хазаро-славяно-русской» проблемам. Последнее обстоятельство обусловило высокий эмо-

¹ См., напр.; Бланков Ж. Указ. соч. – См. также выше работы В.А., А.В. и Н.В. Рязановских.

² Историографию вопроса см.: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990; Ващенко Э.Д. Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XX вв. СПб., 2006; Голден П. Достижения и перспективы хазарских исследований // Евреи и славяне. Т. 16. Хазары / ред. кол. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Иерусалим; Москва, 2005. С. 27–68; Михеев В.К., Тортика А.А. Евреи и иудаизм в хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории // Там же. С. 175–184.

³ Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; London, 1982. – См.: Golden P.B. A New Discovery: Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century // Harvard Ukrainian Studies. 1984. VIII. № 3–4. P. 474–486.

⁴ Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / науч. ред., послесловие и коммент. В.Я. Петрухина. Москва; Иерусалим, 1997; Они же. Хазарско-еврейские документы X века / науч. ред., послесловие и коммент. В.Я. Петрухина: 2-е изд., испр. и доп. Москва; Иерусалим, 2003.

циональный накал дискуссиям, в которых приняли участие многие зарубежные исследователи¹.

Серьезные баталии развернулись по поводу концепции О. Прицака и в постсоветской историографии: одни исследователи приняли многие его положения и выводы², другие, напротив, выступили с резкой критикой концепции канадского историка³.

Важную роль в изучении торговых путей, их роли в создании Хазарской «даннической империи» и Русского государства сыграли работы **Т.С. Нунана**⁴.

К числу вопросов, традиционно разрабатываемых зарубежными исследователями следует отнести проблемы источникове-

¹ См. также: Голб Н. Значение древнееврейских рукописей для исторических исследований, в особенности для истории хазар // Евреи и славяне. Т. 16. С. 483–502; Эрдаль М. Хазарский язык // Там же. С. 125–139; Golden P.B. A New Discovery: Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century // Harvard Ukrainian Studies. 1984. VIII. № 3–4. P. 474–486; Пукерман К. Про дату навернення хозар до іудаїзму // Ruthenica. Т. 2 / наук. ред. В. Ричка, О. Толочко. Київ, 2003. С. 53–84; Он же. Русь, Візантія і Хазарія в середині Х століття: проблеми хронології // Грецький і слов'янський світ в середні століття і раннє нове час: Сб. ст. к 70-літтю Г.Г. Литаврина / отв. ред. Б.Н. Флоря (Славяне и их соседи. Вып. 6). М., 1996. С. 68–80; Schwarzfuchs S. [Рец. на:] Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; London, 1982 // Revue de l'Histoire de Religions. 1984. Vol. 201. P. 433–434; Голден П. Достижения и перспективы хазарских исследований. С. 27–68, и др.

² См., напр.: Топоров В.Н. Еврейский элемент в Киевской Руси // Славяне и их соседи: еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: Средние века – начало Нового времени. Сб. тез. XII чтений памяти В.Д. Королюка. М., 1993. С. 35–36; Бубенок О.Б., Радивилов Д.А. Народ ал-арсийа в Хазарии (из истории хазаро-хорезмских связей) // Хазарский альманах / гл. ред. В.К. Михеев. М., 2004. Т. 2. С. 4–18. – Ср.: Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1999. С. 69–70, 72. – Подр. см.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность... С. 205–225, 487–500.

³ Новосельцев А.П. Указ. соч.; Толочко П.П. Миф о хазаро-иудейском основании Киева // Российская археология. 2001. № 2. С. 38–42; Он же. К вопросу о хазаро-иудейском происхождении Киева // Хазарский альманах. Т. 2. С. 99–108; Напольских В.В. К чтению так называемой «хазарской» надписи в Киевском письме // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Москва; Иерусалим, 2003. С. 221–225; Пузанов В.В. «Киевское письмо» как источник эпохи становления древнерусской государственности // Российская государственность: История и современность / отв. ред. М.В. Ходяков. СПб., 2003. С. 6–14; Он же. «Киевское письмо» как источник по истории древнерусского права (К вопросу о корреляции с русскими источниками и особенностях средневекового законодательства) // Слов'янські обрії. Київ, 2006. Вип. 1. С. 370–381 и др.

⁴ Noonan T.S. Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. № 4. P. 151–282; Idem. Fluctuations in Islamic Trade Into Eastern Europe During the Viking Age // Harvard Ukrainian Studies. 1992. XVI. № 3–4. P. 237–259.

дения (А. Стендер-Петерсен, Л. Мюллер, Г. Подскальски, С. Франклин, А. Поппе, Р. Пиккио и др.)¹, историю христианизации и церковного строительства на Руси (Л. Мюллер, Д. Оболенский, А. Поппе и др.)², взаимоотношения государства и церкви (А. Поппе, Д. Феннел³), института княжеской власти и межкняжеских отношений (М. Димник, Д. Шенард, С. Франклин, М. Миллард⁴), социальной структуры (К. Рабек Шмидт, Ю. Корпела⁵). В последнее время активизировались исследования по такому важному государственному институту Древней Руси как вече⁶.

¹ Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934; Idem. Geschichte der russischen Literatur. München, 1957. Bd. 1; Poppe A. Chronologia utworów Nestora hagiografa // Slavia orientalis. 1965. Roc. 14. № 3. S. 287–305; Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. 1982. New series. Vol. 15. P. 6–15; Müller L. Die Werke des Metropoliten Ilarion. Eingeleitet, übersetzt und erläutert. München, 1971; Он же. Значение Библии для христианства на Руси: (От крещения до 1240 года) // Славяноведение. 1995. № 2; Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002; Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). 2-е изд., испр. и доп.: Перев. с нем. А.В. Назаренко / под ред. К.К. Аментьева. СПб., 1996 и др.

² Poppe A. Christianisierung und Kirchenorganisation der Ostslawen in der Zeit vom 10 bis zum 13 Jahrhundert // Österreichische Osthefte. Wien, 1988. Jg. 30. S. 457–506; Idem. Rzyżycie chrześcijaństwa na Rusi w opiniach XI wieku // Teologia i kultura duchowa starej Rusi / red. W. Hryniewicz, J.S. Gajek. Lublin, 1993. S. 89–105; Оболенский Д. Хрест Олги, києвської київської. Problem źródła // Ibid. S. 23–40; Müller L. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhandlung der russischen Kirche vor 1039. Köln-Braunsfeld, 1959.

³ Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968; Fennell J. A History of the Russian Church to 1448. L.; N.Y., 1995.

⁴ Millard M. Sons of Vladimir, brothers of Iaroslav // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1971. Vol. XII. P. 286–287; Франклин С., Шенард Д. Указ. соч.; Dimnik M. The Dynasty of Chernigov, 1054–1146. Toronto, 1994; Idem. The Dynasty of Chernigov, 1146–1246. Cambridge, 2003; Idem. The First Grand Prince in Kievan Rus' // Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування Давньоруської держави). IX–X ст.: Матеріали міжнар. польового археологічного семінару (Чернігів–Шестовиця, 20–23 липня 2006 р.) / гол. ред. П.П. Толочко. Чернігів, 2006. С. 57–64.

⁵ Rahbek Schmidt K. Sociale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964; Korpe J. Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomach. Iyväskylä, 1995.

⁶ Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Weisbaden, 1967 (Giesener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Bd. 33); Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: Функции и терминология // ДГ. 2004: Политические институты Древней Руси / отв. ред. Т.В. Гимон, Е.А. Мельникова. М., 2006. С. 3–163. – Подр. см.: Лукин П.В. Терминологический анализ: плюсы и минусы (по поводу монографии Юнаса

Особо следует отметить труды представителей «американского неозволюционизма» (*М. Салинз, Э. Сервис, М.Х. Фрид, Р. Карнейро, Р.Н. Адамс* и др.¹), посвященные проблеме генезиса раннегосударственных образований. Они не касаются непосредственно восточнославянского политогенеза, но имеют важное методологическое значение для его изучения. Данное направление оказало огромное влияние на развитие политантропологических исследований в мире² (*Х.Дж.М. Классен и Э.Ч.Л. ван дер Влит* /Нидерланды/, *Э. Саутхолл* /Франция/, *П. Скальник* /Чехия/³) и в нашей стране (*Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин, В.А. Попов, Л.Е. Гринин* и др.⁴). Особую популярность у современных исследовате-

Гранберга о древнерусском вече) // Средневековая Русь / отв. ред. А.А. Горский. М., 2009. Вып. 8. С. 217–243.

¹ Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999; Service E.R. Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. N.Y., 1962; Idem. Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. N.Y., 1975; Fried M.H. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967; Claessen H.J.M. The Earle State: A Structural Approach // The Earle State. The Hague; Paris; New York, 1978. P. 533–596; Idem. Lawgiving and the Administration of Justice in Some African and Other Early States // African Studies Quarterly. The Online Journal for African Studies: URL: <http://web.africa.ufl.edu/asq/v2/v2i3a4.htm>; Он же. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 71–84; Carneiro R.L. The Muse of History and the Science of Culture. N.Y., 2000; Он же. Было ли вожество сгустком идей? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. С. 211–228; Он же. Теория происхождения государства // Там же. С. 55–70; Он же. Процесс или стадия: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М., 2000. С. 84–94; Adams R. Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin; London, 1975 и др.

² Историю неозволюционизма см.: Классен Х.Дж. М. Эволюционизм в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. С. 37–52; Карнейро Р.Л. Процесс или стадия... С. 84–94; Крадин Н.Н. Вожество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / отв. ред. В.А. Попов. М., 1995. С. 11–61.

³ Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State: Theories and Hypotheses // The Early State. The Hague; Paris; New York, 1978. P. 3–29; Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State: Models and Reality // Ibid. P. 637–650; Влит ван дер Э.Ч.Л. Полис: проблема государственности // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. С. 387–412; Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. С. 130–136; Чэбел П., Фейнман Г.М., Скальник П. По ту сторону государств и империй: вожества и неформальная политика // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. С. 229–243.

⁴ Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. С. 15–36; Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги // Там же. С. 85–163; Он же. От ран-

лей раннегосударственных образований получила **теория раннего государства**, разрабатываемая под руководством **Х.Дж.М. Классена**¹. Первоначально Х.Дж.М. Классен оперировал понятием «**примитивное государство**», но затем остановился на термине «**раннее государство**», предложенном **П. Скальником**. По словам последнего, «это была реакция на неадекватность российского марксистского термина “раннеклассовые государства”»². Х.Дж.М. Классен и П. Скальник выделили **три типа ранних государств** (зачаточные, типичные и переходные), с характерными для каждого из них признаками, которые определялись по следующим параметрам: роль клановых связей в административном аппарате, способ получения правящей элитой дохода, кодификация законов, наличие судейского аппарата и аппарата чиновников³.

В то же время, построения «неозволюционистов» весьма близки к идеям представителей «потестарно-политической этнографии», что неоднократно отмечалось в историографии⁴. В настоящее время это два основных направления в осмыслении проблем политогенеза в традиционных обществах.

него к зрелому государству // Там же. С. 523–556; Он же. Политический срез исторического процесса. Государство и исторический процесс. М., 2007; Коротаев А.В. Становление и развитие государственных структур в Евразии и Северной Африке (VI–I тыс. до н.э.): мир-системный контекст // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. С. 267–279; Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. С. 314–336; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006. – Л.Е. Гринин дополнил эволюционную теорию концепцией «**аналогов раннего государства**».

¹ Claessen H.J.M. The Earle State... P. 533–596; Он же. Было ли неизбежным появление государства? С. 71–84.

² Skalnik P. Chiefdoms and Kingdoms in Africa: why they are neither States nor Empires African Studies Quarterly. The Online Journal for African Studies: URL: <http://web.africa.ufl.edu/asq/v2/v2i3a4.htm>

³ Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State: Theories and Hypotheses. P. 22; Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State: Models and Reality. P. 641. – Ср.: Claessen H.J.M. Specific Features of the African Early State // The Study of the State. The Hague. Paris; New York, 1981. P. 60–61.

⁴ См., напр.: Крадин Н.Н. Вожество: современное состояние и проблемы изучения. С. 12–13 и др.; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Указ. соч. С. 503; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1999. С. 161–162; Пузанов В.В. Древнерусская государственность... С. 22, 36.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Динамичность историографической ситуации на постсоветском пространстве, обусловленная сменой научных парадигм, распространением многолинейного подхода в изучении процессов социогенеза и политогенеза, обострением национальных, социальных и политических противоречий (которые, увы, не могли не сказаться на исторической науке), не располагает к серьезным обобщающим выводам. Можно вести речь лишь о предварительных итогах и тенденциях развития.

Новые направления в изучении восточнославянского политогенеза, наметившиеся в 1960-е гг. и нашедшие логическое завершение к началу 1990-х гг., представляли собой, с одной стороны, отход от ортодоксального марксизма в его советском варианте. С другой стороны – это была попытка, не отрываясь от глубинной сущности системообразующего учения, использовать иные системы познания (например – элементы цивилизационного подхода).

По сходному сценарию, но с хронологическим «запаздыванием»¹, развивалось другое направление в изучении политогенеза, начало которому положило проникновение на отечественную почву *неоэволюционистской* схемы развития социальной организации, с ее *теорией вожества*. Новые идеи, в принципе, не противоречили основополагающим выводам советских ученых, полученным в ходе изучения т.н. *потестарных* и *позднепотестарных* обществ и, на определенном этапе так же следовали в русле творческого развития марксизма (наглядный пример – работы А.П. Моца). Эта тенденция, направленная на синтез, а не на противопоставление отечественных и зарубежных традиций, в известной мере, присутствует и на современном этапе изучения древнерусского политогенеза (Е.А. Мельникова, Н.Ф. Котляр, Е.А. Шинаков и др.), несмотря на то, что в работах отдельных представителей данного направления наметился полный (как

¹ Как следствие – в новых социальных и общественно-политических условиях, со всеми вытекающими отсюда нюансами.

правило, более демонстративный, чем сущностный) разрыв с марксистской традицией (например, Е.В. Пчелов, Д.М. Котышев). Помимо прочего, такому положению вещей способствует то, что теория *вожества*, родившаяся в недрах западной историографии, *не является антимарксистской* по своей направленности и коррелируется с наработками советской *потестарной* этнографии.

Одной из важных особенностей постсоветской историографии является то обстоятельство, что она развивается в новых этнополитических условиях, обусловленных распадом СССР и становлением, на основе бывших союзных республик независимых национальных государств. Процессы национально-государственного строительства требуют формирования соответствующей идентичности общественного сознания, что невозможно без создания собственной «национально-ориентированной» историографии. Естественно, что проблемы Древней Руси актуальны, прежде всего, для исследователей России, Беларуси и Украины. С известной степенью условности, можно выделить три линии развития современной восточнославянской историографии Древней Руси и интересующей нас проблемы в частности. «Столбовая дорога» представлена российской академическо-университетской и украинской академической (прежде всего – киевской) наукой, для которой характерны сходные подходы к оценке советского наследия и к использованию западноевропейской научной традиции. Опыт эмигрантской историографии признается, но его удельный вес в современных научных построениях незначителен. Общие тенденции проявляются и в плане методологических основ концепций политогенеза, и в трактовке проблем типологии раннегосударственных образований, и в отношении к вопросу о древнерусской народности.

В несколько ином русле развивается украинская нестоличная (прежде всего – западноукраинская) историография, которая в гораздо большей степени направлена на обеспечение «национально-государственного» строительства и формирование украинской идентичности. Для представителей данного направления полный разрыв с российской и советской научной традицией является правилом хорошего тона, а основным научным ориентиром является диаспорная и, отчасти, западная историография.

В то же время, для украинской исторической науки в целом (и «столичной» и «периферийной») гораздо более актуальна, чем для российской, задача формирования «национально-ориентированной» концепции отечественной истории, в которой

«киево-русскому¹ периоду» отводится важное значение. Для многих украинских исследователей важно показать, что украинцы имеют право на древнерусское наследие, которого, якобы, их пытаются лишить русские историки². Отсюда обостренная реакция на любые реальные или, чаще, мнимые посягательства на это право, что выражается в неприятии использования понятия *русский* применительно к киевскому периоду³, или использование, в духе М.С. Грушевского, искусственного названия *Украина-Русь*, что должно, видимо, подчеркивать особые prerogatives украинцев на «древнерусский бренд». Правда, это непривычное для российского читателя словосочетание характерно, в основном, для «периферийной» украинской историографии.

Несколько особняком на современном восточнославянском научном пространстве развивается белорусская историография. Перед белорусскими исследователями также стоит задача выработки «национальной концептуальной модели» отечественной истории. Исходные же позиции у них существенно менее выигрышные, чем у украинских исследователей, поскольку традиции «диаспорной историографии», фактически, отсутствуют, а западных специалистов история Беларуси, практически, не интересовала. Мало полезен для решения поставленной задачи и задел, накопленный по отдельным вопросам, историками из сопредельных государств, поскольку они, по мнению ряда белорусских коллег, «вписывают» историю Беларуси в «свои имперские схемы» (так уж сложилось, что территория современной Беларуси входила в состав Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, панской Польши, СССР).

¹ В современной украинской историографии применительно к древнерусскому времени принято написание *руский* (одним *с*). Это важно с точки зрения этнополитических различий между *Русью* и *рускими* древнего периода, с одной стороны, и *Россией* и *русскими* последующего времени и более правильно, с точки зрения древнерусских источников. – См., напр.: *Толочко П.П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005. С. 5 и сл.

² См.: *Пузанов В.В.* [Рецензия] // Н.Н. Юсова. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.): Монографія. – Вінниця: ТОВ «Консоль», 2005. – 545 с. + II. // *Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006* / гл. ред. Б.Н. Флоря. М., 2008. С. 343–351.

³ С точки зрения исторической филологии и исторической справедливости правильнее *руский*, но в современном русском языке принято написание *русский*, независимо от исторической эпохи. Поэтому использование данного варианта российскими историками не является посягательством на исторические права украинского народа.

Таким образом, закладывать фундамент «национально-ориентированной» истории Беларуси приходится, буквально, «с нуля». В этой связи большое значение приобрели работы Н.И. Ермоловича, разошедшиеся по своим основным оценкам и выводам с вышеуказанными «имперскими» историографическими традициями. Влияние это сильно не только в публицистической и научно-популярной, но и в университетско-академической литературе (академическая «Гісторыя Беларусі: У 6 т.», труды Г.В. Штыхова, Г. Семенчука, С.В. Тарасова, Г. Кравцевича, диаспорного историка Е. Мирановича и др.). Как следствие, белорусские авторы основное внимание уделяют Полоцкой земле, которая трактуется как «первое белорусское государство», лишь на короткий период (в результате «кровавой трагедии» конца 970-х гг.), при Владимире Святославиче, включенное в состав «империи Рюриковичей» и при нем же добившееся независимости¹. Некоторые историки в цепочку формирующейся белорусской государственности включают, помимо Полоцкой и Туровской, Смоленскую землю².

Начало формирования белорусской государственности, обычно, ведется с союзов племен дреговичей, кривичей-полочан, радимичей, которые трактуются как предгосударства («Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 1»; П.Ф. Лысенко, Г.В. Штыхов) или территориально-политические объединения (Г. Саганович), создающие предпосылки для зарождения раннефеодальных отношений и формирования межплеменных государственных образований (Г. Семенчук). Имеет место и более откровенное удревнение процессов становления белорусской государственности, жесткое, стадийное подтягивание под аналогичные процессы в Западной Европе. Например, С.В. Тарасов, ведя речь о том, что возникновение Полоцкого государства шло в общем русле европейских государствообразующих процессов», писал: «Проникновение славян в Беларусь мы можем считать началом образования нашего государства, которое сопровождалось возникновением городов. Таким образом, первый пери-

¹ Подр. см.: *Семянчук Г.* Гісторыя Беларусі ў раннім сярэднявеччы: стан і перспектывы нацыянальнай гістарыяграфіі // *Гістарычны альманах*. 2001. Т. 4. С. 26–33. – См. также: *Володихин Д.М.* Основные проблемы современной белорусской исторической литературы по средневековому периоду // *Проблемы политической истории и историографии* / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1994. С. 137–150.

² См., напр.: *Крайцевич А.* Асноўныя храналагічныя рубяжы этнічнай гісторыі Беларусі // *Гістарычны Альманах*. 2002. Т. 7.

од образования предгосударственных объединений в Беларуси, как и в Европе, продолжался с III по VII–VIII вв. Второй период приходится на IX–X вв.»¹.

Но основная линия огня «фундаторов» новой белорусской историографии направлена против концепции древнерусской народности.

Конечно, не все белорусские исследователи отрицают существование единого Древнерусского государства и древнерусской народности. Показательны здесь, прежде всего, труды П.Ф. Лысенко и Э.М. Загорюльского, развивающие традиции советской исторической школы.

Что касается современной украинской историографии, то она придерживается господствовавшей в советское время точки зрения о едином (или – *относительно едином*) государственном пространстве Киевской Руси, тогда как взгляды на *древнерусскую народность* такие же противоречивые² как в белорусской и в (известной степени) российской исторической науке.

Как видим, в постсоветской историографии вне научные факторы оказывают серьезное воздействие на изучение проблем становления древнерусской государственности и этнополитической истории домонгольского времени, особенно когда речь идет о стремлении «избавиться от колониального прошлого» и разработать «национально-ориентированную» концепцию истории. Российская историография, впрочем, не остается в стороне от суровых политических реалий. При этом отечественных исследователей не очень волнует проблема борьбы за древнерусское наследие (для них и так все понятно) и споры вокруг древнерусской народности, такие актуальные для наших украинских и белорусских коллег. Зато для российской историографии по-прежнему актуален «норманнский вопрос», к

¹ Тарасаў С.В. Полацкая зямля X–XI стст. Перадумовы утварэння Полацкай зямлі // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 1. Проблемы славянской археологии / отв. ред. В.В. Седов. М., 1997. С. 97–98.

² Одни исследователи ведут речь о древнерусской народности в традиционном для советской науки понимании (Н.Ф. Котляр, П.П. Толочко), другие – категорически неприемлют и сам концепт «древнерусская народность», и все, связанное с представлениями о древнерусской этнической общности (М.Ю. Брайчевский, Л. Зализняк, В.Д. Баран, Е. Наконечный и др.), третьи – занимают более осторожную позицию, рассуждая об этно-политической общности, общности на уровне элит, «воображенной народности» и т.п. (А.П. Моця, А.П. Толочко и др.).

которому, в свою очередь, достаточно равнодушны историки и Украины, и Беларуси¹.

Таким образом, если российская и украинская историография проблемы генезиса древнерусской государственности продолжают развиваться в едином научном пространстве, активно взаимодействуя и, практически, одновременно реагируя на новации, то белорусская историография, в известной мере, склонна к изоляционизму. Помимо прочих факторов, такому положению дел способствует территориальные рамки исследовательских интересов. Если и украинские, и российские исследователи стремятся рассматривать историю Древней Руси в контексте социально-экономических, политических и культурных процессов, протекавших на территории восточнославянского ареала в целом, в контексте общемировых тенденций, то интерес их белорусских коллег, за небольшим исключением, не выходит за пределы ареала проживания белорусов и прилегающего балтского региона².

Современная историографическая ситуация подвела основные итоги исторической по накалу страстей полемики 1970–1980-х гг. Итоги эти «в пользу» И.Я. Фроянова и его последователей. Разработанные «ленинградскими» учеными положения о доклассовом характере древнерусского общества и древнерусской государственности (равно как и выводы о невозможности подвести социальные конфликты в Древней Руси под категорию классовой борьбы) выдержали испытание временем. Напомним, что полемика тогда велась, прежде всего, по этим вопросам, которые были базовыми, принципиальными для советской историографии. Прямо оппоненты, естественно, «поражения» не признали, однако сам факт отказа от своих прежних точек зрения, от постулатов классовой обусловленности государствогенеза – красноречивее любых признаний. Об этом же свидетельст-

¹ Работы антинорманистского толка, несомненно, имеют место, что отражает нормальное течение научного процесса (см., напр.: Складенко В.Г. Русь і варяги: Історико-етимологічне дослідження. Київ, 2006). Однако трудно представить, что в Беларуси и на Украине, в университетско-академической среде, может родиться нечто подобное «Антинорманизму» (Сб. РИО. Т. 8 (156). Антинорманизм / под ред. А.Г. Кузьмина. М., 2003) или «Изгнанию норманнов из русской истории» (Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 1. Сб. статей и монографий / сост. и ред. В.В. Фомина. М., 2010). Это при том, что в досоветский и советский периоды украинские исследователи занимали ярко выраженные антинорманистские позиции.

² В лучшем случае, историки ведут речь о том, что изучать историю Беларуси невозможно без «истории Смоленщины, Вилинщины, Белосточкины, Двинщины». – См.: Минич А. Проблемы истории Беларуси X–XIX вв. в историографии республики Беларусь 1990-х гг. // Слов'янські обрії. Київ, 2006. Вип. 1. С. 480.

вует и изменение тональности критики. Например, отошли в прошлое упреки в отходе от марксизма, в отрицании феодального классового общества и классовой борьбы в Древней Руси и т.п. Однако, как и прежде, присутствует досадное непонимание (или сознательное искажение?) как самой концепции И.Я. Фроянова, так и отдельных ее составляющих. Например, в трактовке одного из современных исследователей, И.Я. Фроянов и его ученики отрицают, якобы, «наличие на Руси домонгольского периода противостоящих друг другу в социально-экономическом и социально-политическом отношении общественных слоев»¹. Но суть то концепции состоит как раз в том, что в Древней Руси была налицо имущественная и социальная дифференциация, но классы еще не сложились. Социальные противоречия и «противостояния» были, но не имели классового характера².

Выдержали испытание временем и положения о важной роли городов и веча. Другое дело, что вопрос о социальной природе веча по-прежнему следует считать открытым, как и вопрос о типологии древнерусской государственности.

Победа в некогда «стратегическом сражении» не гарантирует от поражений в будущем. Наука не стоит на месте. Появились новые методологические подходы, новая тематика исследований, многие традиционные проблемы и вопросы стали рассматриваться под нетрадиционным углом зрения. Наконец, кардинально изменилась социальная и общественно-политическая ситуация. В новых условиях не только «раскрепостились» исследователи, взращенные в советскую эпоху, но и сформировалось уже новое, молодое поколение ученых, не стесненных рамками жестких официальных догм и не отягощенных грузом прежних ошибок и конформизма. Их, как правило, мало интересуют те

¹ См., напр.: Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 99.

² Нетрудно заметить, что эта неточность стала следствием механической замены «устаревшего» понятия «классы» на громоздкую, но более «современную» конструкцию: *противостоящие друг другу в социально-экономическом и социально-политическом отношении общественные слои*. Но такой подменой резко искажается точка зрения И.Я. Фроянова. Автора понять можно: в советское время было принято критиковать И.Я. Фроянова за то, что он отрицал классовый характер древнерусского общества. И по «привычке» А.А. Горский это же пытался сделать и в цитируемой работе. Но поскольку в настоящее время вести речь о классах в домонгольской Руси явный анахронизм, то он и произвел такую подмену дефиниций. Вообще, «Карфаген должен быть разрушен». В нашем историографическом случае – «Фроянов всегда не прав, даже когда он прав».

вопросы, которые волновали исследователей 1970–1980-х гг.¹ Формируется новое историографическое пространство, и задача каждого современного научного направления найти в нем свою нишу, не оказаться в отсеке «историографических традиций».

Усилиями поколений отечественных и зарубежных исследователей восстановлены и прочитаны многие страницы ранней истории Руси. Однако многие вопросы остаются остродискуссионными: соотношение внутреннего и внешнего факторов в образовании Древнерусского государства, формы социально-политической организации на разных стадиях социальной эволюции восточнославянского общества, факторы и особенности формирования древнерусской правящей элиты, роль личности на переломных этапах развития государства и общества и др. По ряду вопросов традиционные подходы и методы практически исчерпаны, что требует выработки новых исследовательских дискурсов². Дальнейшее изучение проблемы развивается в сторону расширения объектов анализа и ракурсов их рассмотрения.

¹ Если и интересует, то, как правило, в плане неприятия и критики концепций оппонентов своих учителей.

² См.: Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдусин Д.А. Актуальные проблемы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) / под ред. Д.А. Авдусина. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 3–20.
2. Авдусин Д.А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // СС. Вып. 20. Таллин: Ээсти раамат, 1975. С. 146–157.
3. Авдусин Д.А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // ВИ. 1980. № 12. С. 24–42.
4. Авдусин Д.А. Современный норманизм // ВИ. 1988. № 7. С. 23–34.
5. Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. М.: Наука, 1990. 256 с.
6. Алексеев Ю.Г., Пузанов В.В. Проблемы истории средневековой Руси в трудах И.Я. Фроянова // Исследования по Русской истории и культуре: Сб. статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. М.: Издательский дом «Парад», 2006. С. 3–23.
7. Андросчук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // *Ruthenica*. Т. 3 / науч. ред. В. Ричка, О. Толочко. Київ, 2004. С. 7–47.
8. Андросчук Ф.О. Нормани і слов'яни у Подесенні (Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ, 1999. 140 с.
9. Арбман Х. Викинги. СПб.: Издательская группа Евразия, 2003. 320 с.
10. Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. СПб.: Изд-во «Лань», 2001. 688 с.¹
11. Архив Маркса и Энгельса / под ред. В. Адаратского. М.: Госполитиздат, 1938. Т. 5. 424 [VII] с.
12. Базилевич К.В. Из истории образования древнерусского государства // Большевик. 1947. № 5. С. 51–56.
13. Баран В.Д., Залізник Л.Л., Зубар В.М., Німчук В.В., Отроценко В.В., Сегада С.П. Етнічна та етнокультурна історія України. Т.1, кн.2. Київ: Наук. думка, 2005. 512 с.
14. Баран Я.В. До проблеми соціальної інтерпретації слов'янських градів // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі: Матеріали польового історико-археологічного семінару / відп. ред. О.П. Моця. Суми, 1993. С. 13–15.
15. Баран Я.В. Суспільний лад та соціальні відносини // Давня історія України: В 3 т. Т. 3. Слов'яно-Руська доба / відп. ред. П.П. Толочко. Київ: ІА НАНУ, 2000. С. 143–163.
16. Белецкий С.В. Возникновение города Пскова (к проблеме участия варягов в судьбах Руси) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (к 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Междунар. науч. симпозиума / отв. ред. В.В. Низов. Киров, 1997. С. 139–152.
17. Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. Татищев, Шлёцер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1882. [6], 358 с.

¹ Звездочкой отмечены работы, на которых нет ссылок в тексте пособия.

18. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1872. Т. 1. 742 с.
19. Бланков Ж. Ложная проблема: норманская и антинорманнская теории о происхождении Киевского государства // Belgian Contributions to the 9th International Congress of Slavistics. Kiev, 6–14 September 1983. *Slavica Gandensia* 10 (1983). P. 7–21.
20. Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 15–36.
21. Бондаренко Д.М., Коротаев А.В. Политогенез, "гомологические ряды" и нелинейные модели социальной эволюции (К кросскультурному тестированию некоторых полиантропологических гипотез): URL: <http://ons.gfns.net/1999/5/12.htm>
22. Браун Ф.А. Варяги на Руси // Беседа. 1925. № 6–7. Берлин, 1925. С. 300–336.
23. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 413 с.
24. Бубенок О.Б., Радивилов Д.А. Народ ал-арсийа в Хазарии (из истории хазаро-хорезмских связей) // Хазарский альманах / гл. ред. В.К. Михеев. М.: Мосты культуры; Гешприм, 2004. Т. 2. С. 4–18.
25. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков / под ред. В.В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 151 с.
26. Ващенко Э.Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XX вв. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2006. 195 с.
27. Ведюшанин И.В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993 годы / отв. ред. А.П. Новосельцев. М.: Наука, 1995. С. 101–116.*
28. Венелин И.Ю. Скандинавизация и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. М.: Тип. А. Семена, 1842. 114 с.
29. Вернадский Г.В. Древняя Русь / Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана; под ред. Б.А. Николаева. Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1996. 448 с.
30. Вернадский Г.В. Киевская Русь / Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой; под ред. Б.А. Николаева. Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1996. 448 с.
31. Вилинбахов В.Б. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена // СС. Вып. 7. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1963. С. 323–337.
32. Вилинбахов В.Б. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // СС. Вып. 7. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1963. С. 333–346.
33. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 4-е изд., доп. Киев: Изд. Н. Я. Оглобина, 1905. 694 с.
34. Влит ван дер Э.Ч.Л. Полис: проблема государственности // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 387–412.
35. Войтович Л.В. Середні віки в Україні: хронологія, проблеми періодизації // УІЖ. 2003. № 4. С. 134–139.
36. Володихин Д.М. Основные проблемы современной белорусской исторической литературы по средневековому периоду // Проблемы политической истории и историографии / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Аванта+, 1994. С. 137–150.
37. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 1. Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / гал. рэд. М. Касцюк. Мінск: Экаперспектыва, 2000. 351 с.
38. Гадло А.В. Восточные славяне, Русь и неславянские племена Восточной Европы // Советская историография Киевской Руси. Л.: Наука, 1978. С. 43–60.
39. Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2004. 362 с.

40. Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии. (История идеи) // Сб. РИО. Т. 4 (152). От Тмутарокани до Тамани / под ред. В.А. Захарова. М.: Русская панорама, 2002. С. 14–39.
41. Гедеонов С.А. Варяги и Русь: В 2 ч. М.: Тип. Имп. Академии наук, 1876.
42. Глазырина Г.В. «Конунги Руси» в сагах о древних временах // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 26–31*.
43. Голб Н. Значение древнееврейских рукописей для исторических исследований, в особенности для истории хазар // Евреи и славяне. Т. 16. Хазары / ред. кол. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры, 2005. С. 483–502.
44. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / науч. ред., послесловие и коммент. В.Я. Петрухина. Москва; Иерусалим: Гешарим, 1997. 240 с.
45. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / науч. ред., послесловие и коммент. В.Я. Петрухина: 2-е изд., испр. и доп. Москва; Иерусалим: Гешарим, 2003. 240 с.
46. Голден П. Достижения и перспективы хазарских исследований // Евреи и славяне. Т. 16. Хазары / ред. кол. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры, 2005. С. 27–68.
47. Головки О.Б. Корона Данила Галицкого: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ: ВД «Стилос», 2006. 575 с.
48. Головки О.Б. Формування державних утворень у Східній Європі в IX – першій половині XIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2004. № 4. С. 77–94.
49. Горский А.А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М.: «Прометей» МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. 124 с.
50. Горский А.А. Дружина и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. № 9. С. 17–28.
51. Горский А.А. К вопросу о происхождении славянского населения Новгородской земли // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сб., посвящ. чл.-кор. РАН Я.Н. Щапову. М.: Издание Паломнического центра Московского Патриархата, 2006. С. 83–94.*
52. Горский А.А. О «племенной знати» и «племенах» у славян // Florilegium: К 60-летию Б.Н. Флори/ Сост. А.А. Турилов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 61–69.
53. Горский А.А. О древнерусских «землях» // ОИ. 2001. № 5. С. 144–150.
54. Горский А.А. Проблема происхождения названия Русь в современной советской историографии // История СССР. 1989. № 3. С. 131–137.
55. Горский А.А. Русь в конце X – начале XII в.: территориально-политическая структура («земли» и «волости») // ОИ. 1992. № 4. С. 154–161.
56. Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.
57. Горский А.А., Кучкин В.А., Лукаш П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. 480 с.
58. Горський А.А. Ще раз про роль норманнів у формуванні Київської Русі // УДЖ. 1994. № 1. С. 3–9.*
59. Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: Функции и терминология // ДГ. 2004: Политические институты Древней Руси / отв. ред. Т.В. Гимон, Е.А. Мельникова. М.: Вост. лит., 2006. С. 3–163.
60. Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
61. Греков Б.Д. Антинаучные измышления финского профессора // Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. С. 561–566.

62. Гринин Л.Е. От раннего к зрелому государству // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 523–556.
63. Гринин Л.Е. Политический срез исторического процесса. Государство и исторический процесс. М.: URSS, 2007. 240 с.
64. Гринин Л.Е. Раннее государство и демократия // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 337–386.
65. Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 85–163.
66. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 1. 3-е вид., доп. Київ: З друкарні першої спілки, 1913. 648 с.
67. Грушевський М.С. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Київ: Наук. думка, 1994. Т. 1. LXXVI, 650 с.
68. Губанов И.Б. X век на пути к раннему государству (Возникновение Древней Руси о гипотетическом и очевидном в современном норманизме) // Скандинавские чтения 2000 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: Наука, 2002. С. 75–90.
69. Давня історія України: В 3 т. Т. 3. Слов'яно-Руська доба / відп. ред. П.П. Толочко. Київ: ІА НАНУ, 2000. 696 с.
70. Данилевский И.Н. Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности корректного описания // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 147–168.
71. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М.: Аспект пресс, 1999. 399 с.
72. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы историко-летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 372 с.*
73. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М.: Аспект пресс, 2001. 389 с.
74. Данилевский И.Н. Рюриковичи в удельный период // ДГ. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность / отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2008. С. 288–293.
75. Данилова Л.В. Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия // Система государственного феодализма в России / отв. ред. Л.В. Данилова. М.: ИРИ РАН, 1993. Т. 1. С. 40–92.
76. Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов Древней Руси // ВИ. 1994. № 10. С. 43–60.
77. Дворниченко А.Ю. Городская община и князь в древнем Смоленске // Город и государство в древних обществах. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1982. С. 140–146.
78. Дворниченко А.Ю. Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб.: Филолог. фак-т С.-Петерб. ун-та, 2001. 192 с.
79. Дворниченко А.Ю. Город в общественном сознании Древней Руси IX–XII вв. // Генезис и развития феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры: К 80-летию проф. В.В. Мавродина / под ред. И.Я. Фроянова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 20–30.
80. Дворниченко А.Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // ROS-SICA ANTIQUA: Исследования и материалы. 2006 / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 184–195.
81. Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. 240 с.
82. Дворниченко А.Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1988. №1. С. 58–73.

83. *Дербин Е.Н.* Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск, 2007.
84. *Державина Е.В.* Норманнская теория в новейшей англо-американской литературе // Вестн. МГУ. 1984. № 4. Серия 11. С. 49–54.
85. *Джаксон Т.Н.* AUSTRI GÖRÖM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001. 208 с.*
86. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о русско-скандинавских матримонильных связях // СС. Выпр. 27. Таллин: Ээсти раамат, 1982. С. 107–115.*
87. *Джаксон Т.Н.* Рюриковичи и Скандинавия // ДГ. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность / отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2008. С. 203–227.*
88. *Джаксон Т.Н.* Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М.: Языки славянской культуры, 2000. 192 с.*
89. *Довженко В.И.* Экономические предпосылки сложения Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств: Материалы науч. сес. польск. и сов. историков. Киев, 1969 / ред. кол. Б.А. Рыбаков и др. Киев: Наук. думка, 1972. С. 41–54.*
90. *Довженко В.И.* Київ – центр Русі в період феодальної роздробленості // УДЖ. 1959. № 6. С. 89–98.
91. *Долгов В.В.* Быт и нравы Древней Руси: Миры повседневности XI–XIII вв. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 512 с.
92. *Долгов В.В.* Древняя Русь: мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 218 с.
93. *Долгов В.В.* Концепция И.Я. Фроянова в современной исторической науке: к вопросу о способах ведения дискуссий // Русские древности: К 75-летию профессора И.Я. Фроянова / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2011. С. 25–26.
94. *Долгов В.В.* Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI–XIII веков. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. 250 с.
95. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учеб. пособие для студентов вузов / М.Б. Бибииков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и др.; под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. 608 с.*
96. Древняя Русь: Город, замок, село / отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985. 432 с.*
97. *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 256 с.
98. *Дубов И.В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 248 с.
99. *Ермаловіч М.І.* Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды. 2-е выд. Мінск: Маст. літ., 2001. 366 с.
100. *Жарнов Ю.Э.* Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) / под ред. Д.А. Авдусина. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 200–225.*
101. *Зайкин В.* Спір про початки Русі (3 приводу нових праць Володимира Пархоменка) // Записки чина св. Василя Великого. Львів, 1930. Т. 3, вип. 3–4. С. 591–614.
102. *Захарульскі Э.М.* Заходняя Русь. IX–XIII стст. Мінск: Вучэб. дапам., 1998. 260 с.
103. *Зоценко В.М.* Скандинавські артефакти Південно-Західної Русі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ: КОРВІН ПРЕСС, 2004. С. 87–105.*
104. Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 1. Сб. статей и монографий / сост. и ред. В.В. Фомина. М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. 552 с.
105. История первобытного общества: Эпоха классового образования / отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1988. 566 с.*

106. Історія європейської ментальності / за ред. П. Дінцельбахера. Львів: Літопис, 2004. 720 с.
107. *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России // Современник. 1847. Т. 1. Отд. 2. С. 1–52.
108. *Карнейро Р.Л.* Было ли вожество ступком идей? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 211–228.
109. *Карнейро Р.Л.* Процесс или стадия: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 84–94.
110. *Карнейро Р.Л.* Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 55–70.
111. *Кирпичников А.Н.* «Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья» // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 34–58.
112. *Кирпичников А.Н.* «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты / отв. ред. А.С. Мельников. СПб.: МАЭН РАН, 1997. С. 7–18.
113. *Кирпичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 276 с.
114. *Кирпичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога: Итоги археологических исследований // Средневековая Ладога. Л.: Наука, 1985. С. 3–27.
115. *Кирпичников А.Н.* Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // Викинг и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб.: Дм. Буланин, 1998. С. 31–55.*
116. *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / общ. ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. С. 189–297.
117. *Классен Х.Дж.М.* Эволюционизм в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 37–52.
118. *Классен Х.Дж.М.* Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 71–84.
119. *Клейн Л.С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.
120. *Ключевский В.О.* Лекции по русской историографии // Соч.: В 8 т. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 8. С. 396–488.
121. *Ключевский В.О.* Наброски по варяжскому вопросу // Он же. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. С. 113–123.
122. *Ковалевский С.Д.* Образование классового общества и государства в Швеции. М.: Наука, 1977. 279 с.*
123. *Коваленко В.П.* Політичне становище південноруських земель в XII–XIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Вип. 2. Київ: ІНУ НАНУ, 2002. С. 77–101.
124. *Коваленко В.П.* Поліцентризм давньоруської історії XII–XIII ст. // Ruś Ki-yowska i Polska w Średniowieczu (X–XIII w.). Киевская Русь и Польша в Средние века (X–XIII вв.): Materiały konferencji Instytutu Historii PAN. Warszawa, 6–7. X. 1998 / pod. red. S. Byliny. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2003. S. 89–108.

125. Коваленко Г.М. Туре Арне – ученый и общественный деятель // НИС. Вып. 7 (17). СПб.: Дм. Буланин, 1999. С. 287–292.
126. Коновалова И.Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10 / отв. ред. Б.Н. Флора. М.: Наука, 2001. С. 108–135.*
127. Корниенко Т.В. Гёбекли Тепе — неординарный археологический памятник Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита: к вопросу об интерпретации // Древность: историческое знание и специфика источника: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. Москва, 14–16 декабря 2009 г. М.: ИВ РАН, 2009. С. 59–61/
128. Корниенко Т.В. Первые храмы Месопотамии: Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб.: Алетей, 2006. 312 с.
129. Корниенко Т.В. У истоков культового строительства Древней Месопотамии // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2002. С. 209–220.
130. Кортаев А.В. Становление и развитие государственных структур в Евразии и Северной Африке (VI–I тыс. до н.э.): мир-системный контекст // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Кортаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 267–279.
131. Корф С.А. История русской государственности. СПб.: Тип. Тренке и Фюсюно, 1908. Т. 1. 275 с.
132. Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале Древней Руси // Костомаров Н.И. Исторический монографии и исследования. СПб.: Изд-е Д.Е. Кожанчикова, 1872. Т. 1. С. 1–49.
133. Костомаров Н.И. Исторический монографии и исследования. СПб.: Д.Е. Кожанчикова, 1872. Т. 1. 455 с.
134. Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб.: Алетей, 1998. 446 с.
135. Котляр Н.Ф. Между язычеством и христианством (эволюция древнерусской государственности в X веке) // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Папуто. Москва, 20–22 февраля 1995 г. Материалы конф. / отв. ред. А.П. Новосельцев. М.: ИРИ РАН, 1995. С. 25–28.
136. Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX – первой половины X в. // ДГ. 1992–1993 годы / отв. ред. Н.П. Новосельцев. М.: Наука, 1995. С. 33–49.
137. Котляр Н.Ф. Передмова // Стависький В. Київ і київське літописання в XIII столітті. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія, 2005. С. 4–6.
138. Котляшев Д.М. Киев–Белгород–Вышгород: из истории взаимоотношения города и пригородов Киевской земли // Слов'янські обрії. Київ, 2006. Вып. 1. С. 118–150.
139. Котляшев Д.М. Княжеские элиты и городские общины в Южной Руси XI–XII вв. // Еліти і цивілізаційні процеси формування націй / гол. ред. О.О. Рафальский. Київ: ТОВ УВІК «ЕксОб», 2006. Т. 1. С. 235–240.
140. Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884. XVI, 603 с.
141. Крадин Н.Н. Возжество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / отв. ред. В.А. Попов. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 11–61.

142. Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Каратаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 314–336.
143. Крадин Н.Н. Политическая антропология: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Логос, 2004. 272 с.
144. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.
145. Крайчівіч А. Асноўныя храналагічныя рубяжы этнічнай гісторыі Беларусі // Гістарычны Альманах. 2002. Т. 7: URL: <http://kamunikat.fontel.net/www/czasopicy/almanach/07/spis07.htm>
146. Кривошеев Ю.В. К варяжскому вопросу // Он же. Собранные. СПб.: Владимир Даль, 2010. С. 134–138.
147. Кривошеев Ю.В. О средневековой русской государственности (К постановке вопроса). СПб., 1995. 97 с.
148. Кривошеев Ю.В. Русская средневековая государственность. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 131 с.
149. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Изд-во СПб.-го ун-та, 1999. 408 с.
150. Кривошеев Ю.В. Социальная борьба в Северо-Восточной Руси и проблемы генезиса феодализма // ВИ. 1988. № 8. С. 49–63.
151. Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский: эпоха и память: исторические очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 240 с.
152. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 271 с.
153. Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 432 с.
154. Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // ВИ. 1974. № 1. С. 54–83.
155. Кузьмин С.Л. Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни? // Ладога первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г. Сб. статей / науч. ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Изд-во «Нестор-История» СПб. ИИ РАН, 2003. С. 45–57.
156. Ламбин Н.П. Источники летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. 1874. Ч. 173, отд. 2. С. 225–263; Ч. 174, отд. 2. С. 53–119.
157. Ламбин Н.П. Объяснение сказаний Нестора о начале Руси. На статью профессора Н.И. Костомарова «Начало Руси», помещенную в «Современнике» №1, 1860 г. Возражения учителя Н. Ламбина. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1860. 52 с.
158. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
159. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 286 с.
160. Леонтович Ф.И. Задружно-общинный характер политического быта древней России // ЖМНП. 1874. Ч. 173. С. 202–204; Ч. 174. С. 120–151, 194–233.
161. Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории / отв. ред. Б.А. Рыбаков. Л.: Наука, 1987. 215 с.
162. Литаврин Г.Г. Византия. Болгария. Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб.: Алетей, 2000. 398 с.
163. Литаврин Г.Г. Вопросы образования Древнерусского государства // Средние века. Вып. 8. М., 1956. С. 386–395.
164. Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // СС. Вып. 7. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1963. С. 221–250.*

165. *Ловмянский Х.* Русь и норманны / Перев. с польск. М.: Прогресс, 1985. 304 с.
166. *Лукин П.В.* Терминологический анализ: плюсы и минусы (по поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече) // *Средневековая Русь* / отв. ред. А. А. Горский. М.: Индрик, 2009. Вып. 8. С. 217–243.
167. *Лукин П.В., Стефанович П.С.* Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с. // *Средневековая Русь*. Вып. 6 / отв. ред. А.А. Горский. М.: Индрик, 2006. С. 371–402.
168. *Лысенко П.Ф.* Туровская земля IX–XIII вв.: 2-е изд. Минск: Белорусская наука, 2001. 268 с.
169. *Любавский М.К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 3-е изд. М.: Изд. М. и С. Сабанниковых, 1918. 306 с. (4-е изд., доп. СПб.: Лань, 2000. 479 с.).
170. *Мавродин В.В.* Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Ленинграде. Л.: Тип. им. Володарского, 1949. 32 с.
171. *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М.: Высшая школа, 1971. 192 с.
172. *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1945. 432 с.
173. *Мавродин В.В.* Советская историография Древнерусского государства // *ВИ*. 1967. № 12. С. 53–72.
174. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период: Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.
175. *Марзалюк І.* Гістарычная самаідэнтычнасць насельніцтва Беларусі ў 11–17 стст. // *Гістарычны Альманах*. 2001. Т. 5: URL: <http://kamunikat.fonetel.net/www/czasopicy/almanach/05/spis05.htm>
176. *Мачинский Д.А.* О месте Северной Руси в процессе сложения древнерусского государства и европейской культурной общности // *Археологическое исследование Новгородской земли* / под. ред. Г.С. Лебедева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 5–25.
177. *Мачинский Д.А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // *Русский север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики* / отв. ред. Т.А. Бернштам, К.В. Чистов. Л.: Наука, 1986. С. 3–29.*
178. *Медведев А.П.* Был ли греческий полис государством? // *Античный мир и археология: Межвуз. сб. науч. тр.* / отв. ред. В.Н. Парфенов. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 17–32.
179. *Мельникова Е.А.* К типологии контактных зон и зон контактов: скандинавы в Западной и Восточной Европе // *Восточная Европа в древности и средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны: XI Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто*. Москва, 14–16 апреля 1999 г. Материалы конф. / отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 19–27.
180. *Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // *ДГ*. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 16–33.
181. *Мельникова Е.А.* К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // *Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто*. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тез. Докл. / отв. ред. А.П. Новосельцев. М.: ИРИ РАН, 1992. С. 38–41.

182. *Мельникова Е.А.* Культурная ассимиляция скандинавов на Руси по данным языка и письменности // *Труды VI Междунар. Конгресса славянской археологии*. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян / отв. ред. В.В. Седов. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 135–143.*
183. *Мельникова Е.А.* Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтничной знати // *Элиты и этнос средневековья* / отв. ред. А.А. Сванидзе. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 39–44.*
184. *Мельникова Е.А.* Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в. // *ДГ*. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность / отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2008. С. 47–75.
185. *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М.: Вост. лит., 2001. 496 с.*
186. *Мельникова Е.А.* Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // *Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (к 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга)*. Материалы Междунар. науч. симпозиума / отв. ред. В.В. Низов. Киров, 1997. С. 132–139.
187. *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // *ВИ*. 1995. № 2. С. 44–57.*
188. *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // *ВИ*. 1989. № 8. С. 24–38.*
189. *Милоков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2006. 400 с.
190. *Минич А.* Проблемы истории Беларуси X–XIX вв. в историографии республике Беларусь 1990-х гг. // *Слов'янські обрії*. Київ, 2006. Вип. 1. С. 479–489.
191. *Михеев В.К., Тортика А.А.* Евреи и иудаизм в хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории // *Евреи и славяне*. Т. 16. Хазары / ред. кол. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры, 2005. С. 175–184.
192. *Момотов В.В.* Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М.: Изд-во «Зерцало», 2003. 416 с.
193. *Морошкин Ф.Л.* Гражданское право по началам Российского законодательства // *Юридический вестник*. 1861–1862. Вып. 15–17, 19–24.
194. *Морошкин Ф.Л.* О владении, по началам российского законодательства. М.: Тип. Моск. ун-та, 1837. 239 с.
195. *Моця А.П.* Давньоруська народність // *УІЖ*. 1990. № 7. С. 3–13.
196. *Моця А.П.* Поляни-руси та інші літописні племена півдня Східної Європи // *А се его сребро: Зб. праць на пошану чл.-кор. НАН України Миколи Федоровича Котляра з нагоди його 70-річчя* / відп. ред. В. Смолій. Київ: ІІУ НАНУ, 2002. С. 17–24.
197. *Моця А.П.* Східнослов'янське суспільство напередодні утворення Київської Русі // *Давня історія України*. Т. 3. Слов'яно-Руська доба. Київ: ІА НАНУ, 2000. С. 476–479.
198. *Моця О.* З «міфів народів світу»: про час появи східнослов'янських націй // *RUTHENICA*. Т. 1 / наук. ред. В. Ричка, О. Толочко. Київ: ІІУ НАНУ, 2002. С. 64–69.
199. *Моця О.П.* Населення південно-руських земель IX–XIII ст. (За матеріалами некрополів). Київ: Інститут археології АН України, 1993. 160 с.
200. *Моця О.П.* Південна «Руська земля». Київ: КОРВІН ПРЕСС, 2007. 264 с.*
201. *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // *Slavia*. 1931. Т. 10. С. 109–136, 343–379, 501–537.
202. *Мошин В.А.* Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // *Byzantinoslavica*. Praha, 1931. R. 3. Sw. 1. С. 33–58; Sw. 2. С. 285–307.

203. Мюллер Л. Значение Библии для христианства на Руси: (От крещения до 1240 года) // Славяноведение. 1995. № 2. С. 3–11.
204. Назаренко А.В. [Рецензия] // Средневековая Русь / отв. ред. А.А. Горский. Вып. 1. 1996. С. 154–185. Рец. на: Goehrke C. Frühzeit des Ostslaventums. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992. 273 s.
205. Назаренко А.В. Братское совладение, отчина, сеньорат (династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) // ДГ. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность / отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2008. С. 132–179.
206. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.*
207. Назаренко А.В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX–X вв. // Вопросы языкознания. 1980. № 5. С. 46–57.*
208. Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 500–519.
209. Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1985 год / отв. ред. А.П. Новосельцев. М.: Наука, 1986. С. 149–157.
210. Напольских В.В. К чтению так называемой «хазарской» надписи в Киевском письме // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 2003. С. 221–225.
211. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб.: Наука, 2002. С. 6–211.*
212. Никольский С.Л. О дружественном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. Вып. 4 / отв. ред. А.А. Горский. М.: Индик, 2004. С. 5–48.
213. Нильсен Й.П. Рюрик и его дом: Опыт идейно-историографического подхода к норманскому вопросу в русской и советской историографии. Архангельск: Изд-во Поморск. ун-та, 1992. 69 с.
214. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ. 1998 г. Памяти чл.-кор. А.П. Новосельцева. М.: Вост. лит., 2000. С. 264–323.*
215. Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель // ВИ. 1991. № 2–3. С. 3–20.
216. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.
217. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 211 с.
218. Носов Е.Н. Происхождение легенды о призвании варягов и балтийско-волжский путь // Древности славян и финно-угров: Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16–22 мая 1986 г. / под ред. А.Н. Кирпичникова и Е.А. Рябина. СПб.: Наука, 1992. С. 100–105.
219. Носов Е.Н. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей / отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 151–163.
220. Носов Е.Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы

- международ. науч. конф. 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород / отв. ред. Е.Н. Носов и др. СПб.: Дм. Буланин, 2007. С. 23–40
221. Нунан Т.С. Зачем викинги в первый раз прибыли в Россию // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и московской Руси: Антология / Сост. Дж. Маджеска / Пер. с англ. З.Н. Сидоровой. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2001. С. 22–64.
222. Отрембский Я. Miscellanea onomastica Rossica, III: Несколько замечаний о названии «Русь» // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. М.: Наука, 1979. С. 43–47.
223. Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 692 с.
224. Павленко Ю.В. Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев: Наук. думка, 1984. С. 169–217.
225. Пащин С.С. Боярство и зависимое население Галицкой (Червонной) Руси XI–XV вв.: Автореф. канд. дисс. Л., 1986. 15 с.
226. Пащин С.С. Галицкое боярство XII–XIII вв. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1985. Сер. 2. Вып. 4. С. 15–21.
227. Пащин С.С. Каланые и ордынцы в Червонной Руси XV в. (к вопросу о происхождении королевских слуг) // Вестн. Ленингр. ун-та. 1986. Сер. 2. С. 90–93.
228. Пащито В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 474 с.
229. Пащито В.Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А.П., Пащито В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 8–82.
230. Пащито В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991. 400 с.
231. Пащито В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории ранне-средневековой Европы // СС. Вып. 15. Таллин: Эсти раамат, 1970. С. 51–61.
232. Пащито В.Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А.П., Пащито В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 11–76.
233. Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге: В 2 т. СПб.: Отдел русского языка и словесности АН, 1870. Т. 1. LXX, 775 с.
234. Перхавко В.Б. Этнические, политические и конфессиональные особенности «империи Рюриковичей» // Ad fontem / У источника: Сб. статей в честь Сергея Михайловича Каптанова. М.: Наука, 2005. С. 205–215.
235. Петров А.В. К обсуждению «варяжского вопроса» // Слов'янські обрії. Київ, 2006. Вип. 1. С. 172–187.*
236. Петров А.В. О борьбе «старейших» с «меньшими» и выступлениях «крамольников» в Новгороде во второй половине XIII в. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1991. Сер. 2. Вып. 1. С. 20–27.
237. Петров А.В. От язычества к Святой Руси: Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 352 с.
238. Петров А.В. Социально-политическая борьба в Новгороде в середине и второй половине XII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 11. Проблемы истории города / отв. ред. И.Я. Фроянов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. С. 25–41.
239. Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 11–410.
240. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск: Русич; Москва: Гнозис, 1995. 320 с.*

241. *Петрухин В.Я.* Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // Евреи и славяне. Т. 16. Хазары / ред. кол. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры, 2005. С. 69–100.
242. *Петрухин В.Я.* Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья / отв. ред. Б.Н. Флоря. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 81–150.
243. *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Знак, 2004. 416 с.*
244. *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун., 1961. 276 с.
245. *Пиккио Р.* История древнерусской литературы. М.: Кругъ, 2002. 352 с.
246. *Писаренко Ю.* К поиску смысла посмертного ограбления правителей // УІЗ. Вип. 10. 2007. Київ: ІНУ НАНУ, 2007. С. 9–14.
247. *Плахонін А.Г.* Східна Волинь у зовнішній політиці Давньоруської держави (X – перша половина XI ст.) // УІЖ. 2000. № 4. С. 127–143.*
248. *Погодин М.П.* Норманский период русской истории. М.: Тип. В. Готье, 1859. IV, 215 с.
249. *Погодин М.П.* О происхождении Руси. М.: Университетская тип., 1825. 177 с.
250. Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). 2-е изд., испр. и доп.: Перев. с нем. А.В. Назаренко / под ред. К.К. Аментьева. СПб.: Византиноведение, 1996. 573 с.
251. *Покровский С.А.* Новый труд об образовании Древнерусского государства // Советское государство и право. 1946. № 5–6. С. 89–93.
252. Полное собрание русских летописей // Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: «Языки русской культуры», 1997. 496 с.
253. *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дм. Буланин, 1996. 326 с.
254. *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 246 с.*
255. *Прицак О.* Походження Русі. Т. 1. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). Київ: Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАНУ, 1997. 1073 с.*
256. *Прицак О.* Происхождение имени Rūs/Rūs' // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 115–131.
257. *Пузанов В.В.* [Рецензия] // Н.Н. Юсова. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). Монографія. – Вінниця: ТОВ «Консоль», 2005. – 545 с. + II. // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006 / гл. ред. Б.Н. Флоря. М.: «Индрик», 2008. С. 343–351.
258. *Пузанов В.В.* «Гадание» Владимира Мономаха: опыт реконструкции // Исследования по Русской истории и культуре: Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. М.: Издательский дом «Парад», 2006. С. 186–225.
259. *Пузанов В.В.* «Киевское письмо» как источник по истории древнерусского права (К вопросу о корреляции с русскими источниками и особенностях средневекового законодательства) // Слов'янські обрії. Київ, 2006. Вип. 1. С. 370–381.
260. *Пузанов В.В.* «Киевское письмо» как источник эпохи становления древнерусской государственности // Российская государственность: История и современность / отв. ред. М.В. Ходяков. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, 2003. С. 6–14.
261. *Пузанов В.В.* Владимир Мономах и христианство // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 24. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. С. 365–379.

262. *Пузанов В.В.* Война и внешняя торговля как факторы образования древнерусской государственности // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика. Матер. Всерос. науч.-практич. конференции. Ижевск, 24–26 апреля 2001 г. / отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. С. 3–16.
263. *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. 624 с.
264. *Пузанов В.В.* К вопросу о генезисе восточнославянской государственности // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Материалы науч. конф. посв. 20-летию юбилею Удмурт. гос. ун-та. Ижевск, 23 октября 1992 г. / отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. С. 21–44.
265. *Пузанов В.В.* К вопросу о княжеской власти и государственном устройстве в Древней Руси в отечественной историографии // Древняя Русь: новые исследования. Вып. 2 / под ред. И.В. Дубова, И.Я. Фроянова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. С. 204–211.
266. *Пузанов В.В.* К вопросу о политической природе древнерусской государственности в постсоветской историографии // Вестник С.-Петербурга. ун-та. 2006. Вып. 3, август. Серия 2 история. С. 3–17.
267. *Пузанов В.В.* Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII в. в отечественной историографии XVIII – начала XX в. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1995. 194 с.
268. *Пузанов В.В.* Некоторые методологические аспекты изучения проблемы генезиса восточнославянской государственности в постсоветской историографии // Историки в поиске новых смыслов: Сб. научных статей и сообщений участников Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. А.С. Шофмана и 60-летию со дня рожд. проф. В.Д. Жигунина. Казань, 7–9 окт. 2003 г. / отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань, 2003. С. 193–200.
269. *Пузанов В.В.* О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия: К 65-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. В.М. Воробьев, А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, 1996. С. 148–167.
270. *Пузанов В.В.* О феодализме в России // Государство и общество. 1999. № 3–4. С. 187–219.
271. *Пузанов В.В.* Образование Древнерусского государства: межэтнический симбиоз и иерархия территорий // Долгов В.В., Котляров Д.А., Кривошеев Ю.В., Пузанов В.В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр–периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 99–194.
272. *Пузанов В.В.* Особенности исторического развития России и формирование отечественной политической и гражданской традиции в Средние века и раннее Новое время // Граждано́генез в России. Кн. 1 / под общ. ред. В.Д. Мехе́дова, В.Ф. Блюхина. Брянск: Курсив, 2009. С. 14–42.
273. *Пузанов В.В.* Пути формирования высшей правящей элиты в эпоху образования Древнерусского государства // Вестн. С.-Петербурга. ун-та. Сер. 2. История. 2008. Вып. 2. С. 3–10.
274. *Пузанов В.В.* Социокультурные образы «Чтения о святых мучениках Борисе и Глебе» // Вестник Удм. ун-та. 2009. Сер. История и филология. Вып. 2. С. 3–31.
275. *Пузанов В.В.* Социокультурный образ князя в древнерусской литературе XI – начала XII века // Русские древности: К 75-летию профессора И.Я. Фроянова / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, 2011. С. 128–152.

276. Пузанов В.В. Становление древнерусской государственности: социально-политические и этнокультурные трансформации общества в контексте восприятия современников (VIII–XI в.): Автореф. докт. дис. Ижевск, 2009. 43, [2] с.
277. Пузанов В.В. У истоков восточнославянской государственности // История России: Народ и власть. СПб.: Лань, 1997. С. 5–48.
278. Пузанов В.В. Феномен И.Я. Фроянова и отечественная историческая наука // Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003. С. 5–30.
279. Пузанов В.В. Формирование политических элит в эпоху становления Древнерусского государства: этнокультурный аспект // Граждано́генез в России. Кн. 2 / под общ. ред. В.Д. Мехе́дова и В.Ф. Блохи́на. Брянск: Курсив, 2010. С. 15–41.
280. Пузанов В.В., Михайлов С.А. Летописное сказание о призвании варягов и норманнский вопрос // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Материалы науч. конф. посв. 20-летию юбилею Удмурт. гос. ун-та. Ижевск, 23 октября 1992 г. / отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. С. 102–110.
281. Пчелов Е.В. К вопросу о времени возникновения древнерусского государства // Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум / Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 1995. С. 117–127.
282. Рейц А.М.Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов: Пер. с нем. Ф.Л. Морошкина. М.: Тип. Моск. ун-та, 1836. XXVI, 416 с.
283. Ричка В. Витоки державності на Русі очима Русі // Ruthenica. Т. 2. Київ: ІУ НАНУ, 2003. С. 93–108.
284. Ричка В.М. «Вся королівська рать» (Влада Київської Русі). Київ: ІУ НАНУ, 2009. 180 с.
285. Ричка В.М. Київська Русь: проблеми, пошуки, інтерпретації // УІЖ. 2001. № 2. С. 23–33.
286. Рогов В.А. Государственный строй Древней Руси: Учебное пособие. М.: Все-союзный юридич. заочн. ин-т, 1984. 81 с.
287. Розсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и зарубежом. СПб.: Всемирное слово, 2001. 270 с.
288. Рубинштейн Н.Л. Путанная книга по истории Киевской Руси // ВИ. 1946. № 8–9. С. 109–114.
289. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 660 с.
290. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
291. Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М.: Наука, 1964. 240 с.*
292. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.:Л.: АН СССР, 1948. 792 с.
293. Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М.: Наука, 1978. 240 с.*
294. Рябинин Е.А., Черных Н.Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя староладожского Земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. 1988. № 1. С. 72–101.
295. Рязановский В.А. Обзор русской культуры: Исторический очерк: В 2 т. Нью-Йорк, 1947. Т. 1. 638 с.
296. Сагановіч Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. Мінск: Энцыклапедыкс, 2001. 411 с.
297. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
298. Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лыньши. М.: Логос, 2000. С. 130–136.

299. Сборник РИО. Т. 8 (156). Антиномизм / под ред. А.Г. Кузьмина. М.: Русская панорама, 2003. 320 с.
300. Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983. 237 с.
301. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.
302. Свердлов М.Б. Образование Древнерусского государства (историографические наблюдения) // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тез. докл. / отв. ред. А.П. Новосельцев. М.: ИРИ РАН, 1992. С. 62–66.
303. Свердлов М.Б. Образование Древнерусского государства (историографические наблюдения) // ДГ. 1992–1993 годы. М.: Наука, 1995. С. 6–15.
304. Свердлов М.Б. Скандинавы на Руси в XI в. // СС. Вып. 19. Таллин: Ээсти раамат, 1974. С. 55–68.*
305. Свердлов М.Б. Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XIV вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории / отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2006. С. 10–98.
306. Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 320 с.
307. Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М.: УРСС, 1999. 144 с.
308. Седых В.Н. Северо-Запад России и Скандинавии в эпоху раннего средневековья по данным археологии и нумизматики // От Древней Руси до современной России. Сб. научных статей в честь 60-летия А.Я. Дегтярева / отв. ред. А.О. Бороноев, В.М. Воробьев, И.Я. Фроянов. СПб.: ООО «Русская коллекция СПб», 2006. С. 57–72.
309. Секирский С.С. Н.В. Рязановский. История России // ВИ. 1994. № 11. С. 174–177.
310. Семенцов С.В. Значение территорий Приневья и приладожья в общественном сознании Древней Руси и Скандинавии // Скандинавские чтения 2000 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: Наука, 2002. С. 91–145.
311. Семянчук Г. Гісторыя Беларусі ў ранням сярэднявеччы: стан і перспектывы нацыянальнай гістарыяграфіі // Гістарычны альманах. 2001. Т. 4. С. 26–33.
312. Семянчук Г. Полацкая зямля ў сістэме палітычных адносін Усходняй Еўропы IX–XI стст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнай, міжрэлігійнай і міжкультурнай ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзы / рэд. Ул. Конан і інш. Мінск: ННАЦ ім. Ф. Скарыны, 1997. Ч. 2. С. 10–15. (Беларусіка=Albaruthenica 6).
313. Семянчук Г. Усяслаў і Яраславічы. Спецыфіка палітычных адносін Полацка і Кіева ў другой палове XI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Вып. 2. Київ: ІУ НАНУ, 2002. С. 38–58.
314. Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: Исторические очерки. М.: Тип. А. Мамонтова, 1867. 413 с.
315. Скляренко В.Г. Русь і варяги: Історико-етимологічне дослідження. Київ: Вид-во «Довіра», 2006. 119 с.
316. Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII вв. М.: Весь мир, 1997. 496 с.
317. Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси // ВИ. 1995. № 11–12. С. 24–39.
318. Сойер П. Эпоха викингов: Пер. с англ. А.П. Санина. СПб.: Евразия, 2002. 352 с.
319. Соловьев К.А. Властители и судьи: Легитимация государственной власти в Древней и Средневековой Руси: IX – первая половина XV в. М.: Университетский Гуманитарный Лицей, 1999. 251 с.
320. Соловьев К.А. Потерянные отношения в Древней и Средневековой Руси IX–первой половины XV веков: Историографические очерки. М., 1998. 105 с.

321. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Он же. Соч.: В 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн. 1, т. 1–2. 798 с; Кн. 2, т. 3–4. 765 с.
322. Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрика до-ма. М.: Тип. Моск. ун-та, 1847. 696 с.
323. Соловьев С.М. Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского» // Он же. Соч.: В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. С. 43–186.
324. Соловьев С.М. Начала Русской земли // Он же. Соч.: В 18 кн. Кн. XVII. Работы разных лет. М.: Мысль, 1996. С. 705–735.
325. Соловьев С.М. Писатели русской истории XVIII века // Он же. Соч.: В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М., 1995. С. 187–259.
326. Ставицкий В. Київ і київське літописання в XIII столітті. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2005. 107 с.
327. Стальсберг А. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 277–287.
328. Стане Х. Наименование Руси (герульская версия): Тезисы. СПб., 2000. 70 с.
329. Степенко А.Д. Вопрос о происхождении славян-руси и борьба с норманизмом в украинской историографии конца XVIII – первой половины XIX в. Автореф. канд. дис. Киев: АН УССР, 1963. 16 с.
330. Степенко А.Д. Проблеми історіографії Давньої Русі: На правах рукопису. Кам'янець Подільський, 1965. 84 с.
331. Стрижак О.С. Русь, земля // Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ: Наук. думка, 1985. С. 117–124.
332. Тарановский Ф.В. Норманская теория в истории русского права // Записки общества истории, филологии и права при императорском Варшавском университете. Варшава, 1909. Вып. 4. С. 1–43.
333. Тарасаў С.В. Полацк IX–XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія. 2-е выд. Мінск: Беларуская навука, 2001. 183 с.
334. Тарасаў С.В. Полацкая зямля X–XI стст. Перадумовы утварэння Полацкай зямлі // Труды VI Междунар. Конгресса славянской археологии. Т. 1. Проблемы славянской археологии / отв. ред. В.В. Седов. М.: ИА РАН, 1997. С. 92–98.
335. Тимонин А.Н. Проблемы генезиса Древнерусского государства. Уфа: Издание Башкирск. ун-та, 1997. 232 с.
336. Тихомиров М.Н. Деятельность Академии наук // Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. С. 189–193.
337. Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. 1947. № 6–7. С. 60–80.*
338. Тихомиров М.Н. Русская историография XVIII в. (в порядке обсуждения) // ВИ. 1948. № 2. С. 94–99.
339. Толочко А.П. Воображенная народность // Ruthenica. 1. Київ: ІНУ НАНУ, 2002. С. 112–117.
340. Толочко О.П. Русь: держава і образ держави. Київ: ІНУ НАНУ, 1994. 38 с.
341. Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб.: Алетея, 2005. 218 с.
342. Толочко П.П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев: Наук. думка, 1987. 246 с.
343. Толочко П.П. К вопросу о хазаро-иудейском происхождении Киева // Хазарский альманах / гл. ред. В.К. Михеев. М.: Мосты культуры; Гешприм, 2004. Т. 2. С. 99–108.

344. Толочко П.П. Миф о хазаро-иудейском основании Киева // Российская археология. 2001. № 2. С. 38–42.
345. Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии): Сб. науч. тр. / отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наук. думка, 1990. С. 99–121.
346. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1971. Т. 3. 827 с.
347. Федака С.Д. Політична історія України-Русі доби трансформації імперії Рюриковичів (XII століття). Ужгород: Вид-во В. Падяка, 2000. 340 с.
348. Федорасова В.Г. Киевская Русь в трудах советских историков. Автореф. канд. дис. Минск, 1976. 22 с.
349. Флоря Б.Н. Представления об основании государства и его основных функциях в русском и западнорусском летописании // Studia Balcanica. Т. 20: Раннефеодалные славянские государства и народности (проблемы идеологии и культуры). София: Българ. АН, 1991. С. 45–53.*
350. Флоря Б.Н., Турилов А.А. Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья / отв. ред. Б.Н. Флоря. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 31–80.
351. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. 488 с.
352. Фомин В.В. Норманнская проблема в западноевропейской историографии XVII века // Сб. РИО. Т. 4 (152). От Тмутаракани до Тамани. М., 2002. С. 305–324.
353. Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200 / под ред. Д.М. Буланина. СПб.: Дм. Буланин, 2000. 624 с.
354. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 256 с.
355. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 159 с.*
356. Фроянов И.Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. 703 с.*
357. Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // ВИ. 1991. № 6. С. 3–15.*
358. Фроянов И.Я. К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 57–93.
359. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 328 с.
360. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 269 с.
361. Хазанов А.М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество: Основные проблемы развития / отв. ред. А.И. Першин. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1974. С. 88–139.*
362. Хлезов А.А. Норманнская проблема в отечественной исторической науке. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 108 с.
363. Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы междунар. науч. конф. 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород / отв. ред. Е.Н. Носов и др. СПб.: Дм. Буланин, 2007. С. 343–351.*
364. Цукерман К. Про дату навернення хозар до іудаїзму // RUTHENICA. Т. 2 / на-ук. ред. В. Ричка, О. Толочко. Київ: ІНУ НАНУ, 2003. С. 53–84.
365. Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X века: проблемы хронологии // Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время: Сб. ст.

- к 70-летию Г.Г. Литаврина / отв. ред. Б.Н. Флоря. / Славяне и их соседи. Вып. 6. М.: Наука, 1996. С. 68–80.
366. *Черепнин Л.В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начале XIII в. // Изв. М.: Наука, 1972. Вып. 89. С. 353–408.
367. *Черепнин Л.В.* Пути и формы политического развития русских земель XII – начала XIII в. // Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М.: Наука, 1974. С. 23–50.
368. *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. М.: Изд-е К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1858. 389 с.
369. *Чэбел П., Фейнман Г.М., Скальник П.* По ту сторону государств и империй: вожества и неформальная политика // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Кортаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 229–243.
370. *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 г. СПб.: Культура, 1993. 761 с.
371. *Шаскольский И.П.* Антиномизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 35–51.
372. *Шаскольский И.П.* Вопрос о происхождении имени «Русь» в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии / отв. ред. О.Л. Ванштейн. Л.: Наука, 1967. С. 128–176.
373. *Шаскольский И.П.* Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси / отв. ред. В.В. Мавродин. Л.: Наука, 1978. С. 152–165.
374. *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л.: Наука, 1965. 221 с.
375. *Шаскольский И.П.* Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси / отв. ред. В.В. Мавродин. Л.: Наука, 1978. С. 128–141.
376. *Шаскольский И.П.* Развитие древнерусской государственности в XI – первой половине XIII в. // Советская историография Киевской Руси / отв. ред. В.В. Мавродин. Л.: Наука, 1978. С. 142–152.
377. *Шаскольский И.П.* Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма // ОИ. 1992. № 2. С. 155–160.
378. *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг.: Рус. историч. журнал, 1919. 64 с.
379. *Шевцов В.И.* Густав Эверс и русская историография // ВИ. 1975. № 3. С. 55–70.
380. *Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2009. 477 с.
381. *Шинаков Е.А.* Образование Древнерусского государства (сравнительно-исторический аспект). Брянск: Изд-во БГУ, 2002. 488 с.
382. *Шинаков Е.А.* Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования древнерусского государства // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика / сост. и отв. ред. В.А. Попов. СПб.: Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, 2000. С. 303–347.
383. *Шип Н.А.* Дискусія про термін «Русь» // УДЖ. 2002. № 6. С. 92–107.
384. *Шишкин И.Г.* К вопросу о становлении марксистской концепции образования древнерусского государства в отечественной историографии 1920–1930-х гг. // Государство и общество. 1999. № 3–4. С. 23–40.
385. *Шишкин И.Г.* Проблемы образования Древнерусского государства в отечественной историографии (1917–1990-е годы). Автореф. канд. дисс. Екатеринбург, 1997. 24 с.
386. *Шишкин И.Г.* Теоретико-методологические проблемы и концептуальные подходы к изучению Древнерусского государства в отечественной исторической науке советского периода // Российская государственность: уровни власти. Ис-

- торическая динамика. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 24–26 апреля 2001 г. / отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. С. 17–24.
387. *Шлёцер А.Л.* Нестор: Русские летописи на древлесловенском языке, сходные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером: Перев. с нем. Дм. Языкова. СПб., 1809. Ч. 1. XLl, рое, 475 с.;
388. *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории: Возникновение и образование Русского государства (862–1462). СПб.: Алетей, 1998. 544 с.
389. *Шушарин В.П.* О сущности и формах современного норманизма // ВИ. 1960. № 8. С. 65–93.
390. *Шушарин В.П.* Современная буржуазная историография древней Руси. М.: Наука, 1964. 304 с.
391. *Щавелев А.С.* Родовой сюзиринитет династии Рюриковичей в системе политического устройства Древней Руси // Проблемы славяноведения. Вып. 2 / отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск: Изд-во Брянск. гос. пед. ун-та, 2000. С. 13–24.
392. *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М.: Северный паломник, 2007. 272 с.
393. *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.*
394. *Щапов Я.Н.* Многоэтничное государство в русском политическом сознании XI–XVII вв. // Он же. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М.: Наука, 2004. С. 122–127.
395. *Эверс И.Ф.Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии: Перев. с нем. И. Платонова. СПб.: Тип. штаба Отд. корп. Внутр. Стражи, 1835. 423 с.
396. *Эрдадь В.* Хазарский язык // Евреи и славяне. Т. 16. Хазары / ред. кол. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры, 2005. С. 125–139.
397. *Юсова Н.М.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.): Монографія. 2-е вид. Київ: ВД «Стилос», 2006. 620 с.
398. *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Госюриздат, 1949. 543 с.
399. *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.
400. *Янин В.Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004. 416 с.
401. *Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. 151 с.*
402. *Янин В.Л., Алешиковский М.Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–62.
403. *Янссон И.* Русь и варяги // Викинги и славяне: Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб.: Дм. Буланин, 1998. С. 19–55.
404. *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В.Л. Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 18–38.
405. *Briem B.* Alt-Skandinavien in der neueren russischen Wissenschaftlichen Literatur (1918–1928) // Acta Philologica Scandinavica 5. København, 1930. S. 211–236.
406. *Carneiro R.L.* The Muse of History and the Science of Culture. N.Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2000. 300 p.

407. Claessen H.J.M. Lawgiving and the Administration of Justice in Some African and Other Early States // African Studies Quartely. The Online Journal for African Studies: URL: <http://web.africa.ufl.edu/asq/v2/v2i3a4.htm>
408. Claessen H.J.M. Specific Features of the African Early State // The Study of the State. The Hague. Paris; New York, 1981. P. 59–86.
409. Claessen H.J.M. The Earle State: A Structural Approach // The Earle State. The Hague; Paris; New York: Mouton, 1978. P. 533–596.
410. Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State: Models and Reality // The Early State / ed. by H.J.M. Claessen and P. Skalnik. The Hague; Paris; New York: Mouton, 1978. P. 637–650.
411. Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State: Theories and Hypotheses // The Early State. The Hague; Paris; New York: Mouton, 1978. P. 3–29.
412. Dimnik M. The Dynasty of Chernigov, 1054–1146. Toronto: Brepols publishers, 1994. 509 p.
413. Dimnik M. The Dynasty of Chernigov, 1146–1246. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. XXXVIII, 437 p.
414. Dimnik M. The First Grand Prince in Kievan Rus' // Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування Давньоруської держави). IX–X ст.: Матеріали міжнар. польового археологічного семінару (Чернігів–Шестовиця, 20–23 липня 2006 р.) / гол. ред. П.П. Толочко. Чернігів, 2006. С. 57–64.
415. Ekblom R. Roslagen-Rußland // Zeitschrift für slavische Philologie. (26). 1957. Hf.1. S. 47–58
416. Eco S. The Etymology of Finnish Ruotsi 'Sweden' // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance). Actes du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Upsal 20–22 avril 1979. Uppsala, 1981. P. 143–145.
417. Eco S. Die Etymologie des finnischen Ruotsi 'Sweden' // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas: Neue Folge. 1986. Bd. 34. Hf.3. S. 354–356.
418. Ewers I.Ph.G. Geschichte der Russen. Dorpat, 1816. 528 s.
419. Ewers I.Ph.G. Studien zur grundlichen Kenntnis der Vorzeit Russlands. Dorpat, 1830. 485 s.
420. Fennell J. A History of the Russian Church to 1448. L.; N.Y.; Longman, 1995. XII, 266 p.
421. Florinsky M.T. Russia. A history and interpretation: 2 vols. N.Y., 1953. Vol. 1. XV, 628 p.
422. Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. 1982. New series. Vol. 15. P. 6–15.
423. Fried M.H. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N.Y.: Random House, 1967. 270 p.
424. Goehrke C. Frühzeit des Ostslaventums. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992. 273 s.
425. Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; London: Cornell University Press, 1982. XVI, 166 p.
426. Golden P.B. A New Discovery: Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century // Harvard Ukrainian Studies. 1984. VIII. № 3–4. P. 474–486.
427. Hansen M.H. Was the Polis a State or as Statlesse Society? // Even More Studies in the Ancient Greek Polis Centre 6 // Historia: Einzelschriften. Hf. 162. Stuttgart, 2002. S. 17–47.
428. Heller K. Die Normannen in Osteuropa. Berlin, 1993. 117 s.
429. Jansson I. Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking Period // The Rural Vikings in Russia an Sweden / Ed. by P. Hansson. Örebro, 1997. P. 9–64.
430. Korpela J. Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomah. Iyväskylä: University of Iyväskylä, 1995. 298 s.

431. Latvakangas A. Riksggrundarna: Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995. 531 s.
432. Linsmeier K.-D., Schmidt K. Ein anatolisches Stonehenge // Moderne Archäologie. Heidelberg: Spektrum-der-Wissenschaft-Verlag, 2003. S. 10–15.
433. Łowmiański H. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1957. 204 s.
434. Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, and The Story of the Life of Lord Palmerston. Edited and with Introductions and Notes by Lester Hutchinson. N.Y.: International Publishers, 1969. 237 p.
435. McGinnis D. The Vikings in the East: Yngvars saga víðförla // Scandinavian-Canadian Studies. Ottawa, 1983. P. 79–86.
436. Millard M. Sons of Vladimir, brothers of Iaroslav // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1971. Vol. XII. P. 286–287.
437. Müller L. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln-Braunsfeld, 1959. 84 s.
438. Noonan T.S. Fluctuations in Islamic Trade Into Eastern Europe During the Viking Age // Harvard Ukrainian Studies. 1992. XVI. № 3–4. P. 237–259.
439. Noonan T.S. Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. № 4. P. 151–282.
440. Obolensky D. Chryst Olgi, księżnej kijowskiej. Problem źródeł // Teologia i kultura duchowa starej Rusi / Red. W. Hryniewicz, J.S. Gajek. Lublin: 1993. S. 23–40.
441. Otrębski J. Rus' // Lingua Posnaniensis 8 (1960). P. 219–227.
442. Paszkiewicz H. The Origin of Russia. London, 1954. XII, 558 p.
443. Poppe A. Christianisierung und Kirchenorganisation der Ostslawen in der Zeit vom 10 bis zum 13 Jahrhundert // Österreichische Osthefte. Wien, 1988. Jg. 30. S. 457–506.
444. Poppe A. Chronologia utworów Nestora hagiografa // Slavia orientalis. 1965. Roczn. 14. № 3. S. 287–305.
445. Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa: Państw. wyd-wo naukowe, 1968. 252 s.
446. Poppe A. Rzyście chrześcijaństwa na Rusi w opiniach XI wieku // Teologia i kultura duchowa starej Rusi / red. W. Hryniewicz, J.S. Gajek. Lublin: 1993. S. 89–105.
447. Rahbek Schmidt K. Sociale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen: Munksgaard, 1964. 594 s.
448. Rahbek Schmidt K. The Varangian Problem. A Brief History of the Controversy // Varangian Problems. Report on the first International Symposium on the Theme «The Eastern Connections of the Nordic Peoples in the Viking Period and Early Middle Ages». Aarhus, 7th–11th October 1968 (Scando-Slavica. 1970. Supl. 1). P. 10–17.
449. Riasanovsky A.V. The Embassy of 838 Revisited; some Comments in Connection with "Normanist" Source on Early Russian History // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas: Neue Folge. 1962. Bd 10. Hf. 1. S. 1–12.
450. Riasanovsky N.V. A History of Russia. New York; Oxford; Oxford University Press, 1963. 711 p.
451. Riasanovsky N.V. A History of Russia. New York; Oxford; Oxford University Press, 1993. 711 p.
452. Rospond S. Pochodzenie nazwy Rus' // Rocznik slawistyczny 38 (1977). Cz. 1. S. 35–50.
453. Růž H. Die Warägerfrage. Neue Tendenzen in der sowjetischen archäologischen Forschung // Östliches Europa. Spiegel der Geschichte. Festschrift für Manfred Hellman zum 65. Geburtstag / Hrsg. C. Goehrke (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa IX). Weisbaden: Steiner, 1977. S. 3–16.

454. Rüß H. Die Warägerfrage // Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 1. Bis 1613 von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum. L. 4/5 / hrsg. von M. Hellmann. Stuttgart: Hiersemann, 1979. S. 267–282.
455. Schmidt K. Frühneolithische Tempel. Ein Forschungsbericht zum präkeramischen Neolithikum Obermesopotamiens // Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft. Berlin, 1998. Bd. 130. S. 17–49.
456. Schmidt K. Göbekli Tepe, Southeastern Turkey. A Preliminary Report on the 1995–1999 Excavations // Paleorient. Vol. 26. № 1. P. 45–54.
457. Schramm G. Altrusslands Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg: Rombach Verlag, 2002. 569 s.
458. Schramm G. Die Herkunft des namens Rus': Kritik des Forschungsstandes // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1982. Bd. 30. S. 7–49.
459. Shtorch H. Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs am Ende des achzehnten Jahrhunderts: In 8 Th. Riga; Leipzig. Th. 1. Riga, 1797. 600 s.; Th. 4. Leipzig, 1800. 503 s.
460. Schwarzfuchs S. [Рец. на:] Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; London: Cornell University Press, 1982 // Revue de l'Histoire de Religions. 1984. Vol. 201. P. 433–434.
461. Service E.R. Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. N.Y.: Norton, 1975 361 p.
462. Service E.R. Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. N.Y.: Random House, 1962. 221 p.
463. Skalník P. Chieftdoms and Kingdoms in Africa: why they are neither States nor Empires // African Studies Quartely. The Online Journal for African Studies: URL: <http://web.africa.ufl.edu/asq/v2/v2i3a4.htm>
464. Stalsberg A. Skandinavisk handel i Austerveg: to aspekter arkeologisk belyst // Норна у источника Судьбы: Сб. статей в честь Елены Александровны Мельниковой / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2001. С. 384–389.
465. Stalsberg A. The Scandinavian Viking Age finds in Rus'. Overview and analysis // Oldenburg – Wolin – Staraja Ladoga – Novgorod – Kiev: Handel und Handelsverbindungen im südlichen und östlichen Ostseeraum während des frühen Mittelalters: Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 69. Mainz; Frankfurt, 1988. S. 448–471.
466. Stang H. The Naming of Russia // Meddelelser. Universiteteti Oslo, Slavisk-baltisk avdeling. 1996. № 77. Oslo, 1996. 323 s.
467. Stender-Petersen A. Das Problem der ältchen byzantinisch-russisch-nordlichen Beziehungen // Relazioni del X Congress Internazionale di Scienze Storiche. Firenze, 1955. Vol. 3. S. 165–188.
468. Stender-Petersen A. Die älteste russische Staat // Historische Zeitschrift. Bd. 71. Hf. 1. München, 1960. S. 1–17.
469. Stender-Petersen A. Geschichte der russischen Literatur. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1957. Bd. 1. XII, 472 s.
470. Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953. 262 s.
471. Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus: Universitetsforlaget, 1934. 256 s.
472. Stokl G. Russische Geschichte: Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart: Kröner Lehrmittellverlag, 1973. XII, 888 s.
473. Taube M. Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars (IXe–XIIIe siècle). Paris: Les Editions du Cerf, 1947. 174 p.
474. Tomaszewski S. Nova teoria o początkach Rusi // Kwartalnik Historyczny. Warszawa, 1929. Roczn. 43. T. 1. Zesz. 3. S. 261–324.
475. Vor 12000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit. Stuttgart: Theiss Verlag, 2007. 392 s.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ – Вестник древней истории
 ВИ – Вопросы истории
 БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси
 ДГ – Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования
 ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
 ИА РАН – Институт археологии РАН
 ИВИ РАН – Институт всеобщей истории РАН
 ИЗ – Исторические записки.
 ИА НАНУ – Інститут археології НАНУ
 ИУ НАНУ – Інститут історії України НАНУ
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 ИВИ РАН – Институт всеобщей истории РАН
 ИРИ РАН – Институт российской истории РАН
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
 НАНУ – Національна Академія Наук України
 НИС – Новгородский исторический сборник
 НЛЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
 ОИ – Отечественная история
 ПВЛ – Повесть временных лет
 ПСРЛ Т. 1. – Полное собрание русских летописей // Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: «Языки русской культуры», 1997. 496 с.
 РАН – Российская Академия наук
 Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества
 ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аввакум (1621–1682), протопоп 50
 Авдусин Д.А. 12, 80–81, 100
 Агеева Р.А. 89
 Адамс Р.Н. (Adams R.) 106
 Акентьев К.К. 105
 Аксаков К.С. 14,
 Алексеев В.П. 33
 Алексеев Ю.Г. 23, 28, 33, 48, 49, 62, 90, 92
 Алтатов М.А. 12, 89
 Алешковский М.Х. 81
 Анна Иоановна, имп-ца Рос. (1730–1740) 83
 Андрей Юрьевич Боголюбский, кн. владим.-сузд. (1157–1174) 66
 Андрицук Ф. 102, 116,
 Арбман Х. 100, 102, 116
 Ардагаст (славянский вождь VII в.) 24
 Арне Т. 100, 102, 122
 Артемьев А. 84
 Аскольд кн. киев. 37, 63
 Базилевич К.В. 9
 Байер Г.З. 9, 10, 13, 82, 83
 Баран В.Д. 79, 112
 Баран Я.В. 43–44, 58, 93
 Бахрушин С.В. 23
 Белецкий С.В. 80–81
 Беляев И.Д. 56
 Бестужев-Рюмин К.Н. 6
 Бланков Ж. 100, 103
 Блохин В.Ф. 96
 Боз (Бож) антский вождь, возглавлявший борьбу с готами 24, 43
 Болтин И.Н. 92
 Бондаренко Д.М. 43, 45, 59, 94, 106
 Борис Владимирович, св. кн. ростов. (ум. 1015) 73
 Брайчевский М.Ю. 112
 Браун Ф.А. 102
 Брим В.А. (Briet V.) 8, 14
 Бромлей Ю.В. 28, 50, 60
 Бубенок О.Б. 104
 Булкин В.А. 81
 Ванштейн О.Л. 101
 Василий III Иванович, вел. кн. моск. (1505–1533) 3
 Васильев Л.С. 34, 43, 58
 Ващенко Э.Д. 103
 Великанов А.С. 84

Венелин Ю.И. 6, 13, 84
 Берент М. 45
 Вернадский Г.В. 11, 97
 Вилинбахов В.В. 88, 99
 Виткин М.А. 27
 Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. киев. (1113–1125) 26, 75
 Владимир Святославич, св., вел. кн. киев. (980–1015) 24, 26, 38, 47, 63, 64, 98, 111
 Владимирский-Буданов М.Ф. 22, 23, 84
 Влит ван дер Э.Ч.Л. 106
 Войтович Л.В. 38
 Володихин Д.М. 111
 Вольф Р. 60
 Воробьев В.М. 19, 35,
 Гадло А.В. 17, 86
 Гедеонов С.А. 6, 84
 Гёрке К. (Goehrke C.) 100, 102
 Гимон Т.В. 105
 Глеб Владимирович св., кн. муром. (ум. 1015) 73
 Голб Н. (Golb N.) 103, 104, 118
 Голден П. (Golden P.B.) 103, 104, 118
 Головки А.Б. (Головки О.Б.) 64–65, 79–80
 Горский А.А. 37, 40–41, 62, 66–67, 75, 80, 89, 102, 105, 114
 Гранберг Ю. 105
 Грантовский Э.А. 52
 Греков Б.Д. 15, 23, 25, 88
 Греков И.Б. 25
 Гринин Л.Е. 43, 94, 106, 107
 Грушевский М.С. (Грушевський М.С.) 6, 84, 110
 Губанов И.Б. 60–61
 Гуревич А.Я. 43
 Данилевский И.Н. 59–60, 65, 66, 67, 104, 107
 Данилова Л.В. 90–91, 92
 Даркевич В.П. 79
 Дворниченко А.Ю. 9, 19, 23, 25, 28, 29, 30, 35, 43, 45, 58–59, 60, 65, 66, 68, 71, 73, 75
 Дегтярёв А.Я. 23, 49, 90
 Дербин И.Н. 21
 Державина Е.В. 10
 Джаксон Т.Н. 100
 Димник М. (Dimnik M.) 105
 Динцельбахер П. 74
 Дир, кн. киев. 37, 63
 Довженко В.И. 25, 26, 65
 Долгов В.В. 19, 20, 66, 68–69
 Дубов И.В. 21, 53, 80–81, 89, 91
 Елена Лакапина, жена виз. имп. Константина VII Багрянородного 38
 Елизавета Петровна, имп-ца Рос. (1741–1761) 83
 Ермалович Н.И. (Ермалович Н.І.) 31, 111
 Жигунин В.Д. 20
 Загоруйский Э.М. (Загарульські Э.М.) 32, 112
 Зайкин В. 8
 Зализняк Л.Л. (Залізник Л.Л.) 79, 93, 112
 Захаров В.А. 17

Зубар В.М. 79, 93
 Ибн Русте 38
 Иванов П.И. 86
 Игорь Рюрикович, вел. кн. киев. (912–945) 55
 Идаризий, отец антского посла Мезамера (убитого аvaraми ок. 560 г.) 24
 Изяслав Владимирович, основатель династии кн. полоцк. (ум. 1001/02) 63
 Иловайский Д.И. 84
 Иордан, византийский историк готского происхождения (VI в.) 43
 Кавелин К.Д. 22, 84
 Карамзин Н.М. 13, 14
 Карнейро Р. (Carneiro R.L.) 45, 106
 Кирпичников А.Н. 53, 80–81, 89, 91, 92
 Классен Х.Дж.М. (Claessen H.J.M.) 44, 60, 94, 106, 107
 Клейн Л.Б. 15–16, 17, 100
 Ключевский В.О. 6–7, 14, 18, 31, 84, 92, 93, 98
 Кнауэр Ф.И. 84
 Коваленко В.П. 65, 75–76
 Коваленко Г.М. 100, 102
 Константин VII Багрянородный, виз. имп. (913–959) 61
 Корниченко Т.В. 52
 Королюк В.Д. 104
 Кортаев А.В. 43, 45, 59, 94, 106
 Корпелла Ю. (Korpela J.) 105
 Корф С.А. 22, 23
 Костомаров Н.И. 22, 23, 37, 41, 84
 Котляр Н.Ф. 36, 37, 38, 58, 64, 65, 78, 108, 112
 Котляров Д.А. 20
 Котьашев Д.М. 43, 44, 58, 66, 109
 Коялович М.О. 6
 Крацевич А. (Краўцэвіч А.) 32, 111
 Крадин Н.Н. 33, 36, 38, 43, 44, 45, 57, 58, 94, 106, 107
 Кривошеев Ю.В. 4, 20, 29, 30, 65, 66, 75, 102
 Куббель Л.Е. 28, 33, 39, 50
 Кузьмин А.Г. 12, 16, 17, 88, 113
 Кузьмин С.Л. 53
 Кулик А. 92, 103
 Кучкин В.А. 67
 Ламбин Н.П. 41
 Латвакангас А. (Latvakangas A.) 13, 100
 Лебедев Г.С. 16, 53, 80–81, 89
 Ленин В.И. 24
 Леонтович Ф.И. 21–22, 23
 Лимонов Ю.А. 75
 Литаврин Г.Г. 87, 93, 104
 Ловмянский Х. (Łowmiański H.) 10–11, 89
 Ломоносов М.В. 13, 14, 17, 83
 Лукин П.В. 62, 67, 105
 Лыниша В.А. 36, 45, 94
 Лысенко П.Ф. 32, 111, 112
 Любавский М.К. 6
 Мавродин В.В. 8–9, 13, 15, 18, 24–25, 30, 46, 81, 86, 87, 90
 Маджеска Дж. 100
 Майоров А.В. 42, 43, 65, 66

МакГиннис Д. (McGinnis D.) 102
 Марзалюк И. (Марзалюк І.) 32
 Маркс К. (Marx K.) 23, 31, 47, 86
 Ал-Масуди, арабский историограф и географ (ум. 956) 24
 Мачинская А.Д. 53
 Мачинский Д.А. 53, 89–90
 Медведев А.П. 45
 Мельникова Е.А. 35–36, 38, 39, 40, 41, 42, 46, 47, 56, 57, 58, 64, 69, 79, 91, 93, 100, 105, 108
 Мехедов В.Д. 96
 Миллард М. (Millard M.) 105
 Миллер Г.Ф. 9, 13, 16, 82, 83
 Минич А. 113
 Миранович Е. 111
 Милуков П.Н. 3–4
 Михайлов С.А. 85
 Михайлова И.Б. 66
 Михальченко С.И. 47
 Михеев В.К. 103, 104
 Момотов В.В. 57–58,
 Морошкин Ф.Л. 22, 41, 84
 Москович В. 92, 103
 Мошин В.А. 8, 98, 99, 102
 Моця А.П. 33–34, 38, 44, 79, 89, 108, 112
 Мстислав Владимирович Великий, вел. кн. киев. (1125–1132) 21, 26
 Мурашова В.В. 102
 Мусин-Пушкин А.И. 17
 Мусокий (славянский вождь, VII в.) 24
 Мыльников А.С. 91, 121
 Мюллер Л. 104, 105
 Мягков Г.П. 20
 Назаренко А.В. 26–27, 44, 64, 102, 105
 Наконечный Е. 112
 Напольских В.В. 104
 Насонов А.Н. 44
 Неусыхин А.И. 27
 Низов В.В. 91
 Никольский С.Л. 37
 Німчук В.В. 79, 93
 Нильсен Й.П. 14–15, 86, 100
 Новосельцев А.П. 19, 26, 32, 35, 36, 63, 64, 87, 88, 89, 92, 103, 104
 Ной, библ. 67
 Носов Е.Н. 17–18, 80–81, 91
 Нулан Т.С. (Noonan T.S.) 100, 104
 Оболенский Д. (Obolensky D.) 105
 О'Рэйли Т. 53
 Олег, вел. кн. киев. (882–912) 24, 37, 38, 47, 56, 63, 72
 Ольга (Елена), св., вел. кн. киев., Жена Игоря Рюриковича 38, 47, 68
 Отрембский Я. (Otrębski J.) 101
 Отроченко В.В. 79, 93
 Павленко Ю.В. 32
 Павлов А.П. 42
 Парфёнов В.Н. 45

Пархоменко В.А. 8, 14–15, 23
 Пашин С.С. 29, 30, 66
 Пашкевич Х. (*Paszkiewicz H.*) 11, 101, 102
 Пащито В.Т. 19, 25, 26, 35, 36, 65, 88, 89, 90
 Пекарский П. 82
 Перхавко В.Б. 79
 Петр I, царь и имп. Рос. (1682–1725) 3
 Петров А.В. 29, 31, 65, 66
 Петрухин В.Я. 64, 69, 92, 103
 Пештич С.Л. 3
 Пиккио Р. 104, 105
 Писаренко Ю.Г. 29
 Платонов И. 22
 Погодин М.П. 6, 14
 Подскальски Г. 104, 105
 Покровский М.Н. 14
 Покровский С.А. 9
 Попов В.А. 33, 45, 106
 Порпе А. (*Porpe A.*) 104
 Присёлков М.Д. 77
 Прицак О. (*Pritsak O.*) 101, 103, 104
 Пузанов В.В. 19, 20, 21, 22, 23, 25, 28, 33, 35, 41, 46, 47, 48, 49, 51, 61, 62, 65, 66, 71–75, 85, 90, 92, 94–96, 101, 102, 104, 107, 110, 115
 Пчелов Е.В. 36–37, 58, 109
 Рабек Шмидт К. (*Rahbek Schmidt K.*) 100, 101, 105
 Радивилов Д.А. 104
 Раевский Д.С. 52
 Рафальський О.О. 43
 Рейц А.М.Ф. 22
 Рогволод, кн. полоцк. (ум. ок. 980) 63
 Рогнеда, дочь Рогволода, жена Владимира Святославича 63
 Рогов В.А. 25
 Роспонд С. (*Rospond S.*) 101
 Розсдаль Э. 100
 Рубинштейн Н.Л. 9, 13, 23
 Рыбаков Б.А. 10, 25, 44, 111
 Рычка В.М. (*Ричка В.М.*) 37–38, 66, 68, 102, 104
 Рюрик, родоначальник русской кн. династии (ум. ок. 879) 21, 54, 56, 63, 72, 85, 95
 Рябинин Е.А. 53, 92
 Рязановский А.В. (*Riasanovsky A.V.*) 99, 103
 Рязановский В.А. 99, 103
 Рязановский Н.В. (*Riasanovsky N.V.*) 99, 103
 Саганович Г. (*Сагановіч Г.*) 63, 79, 111
 Салинз М. 105, 106
 Само 24
 Санин А.П. 100
 Саутхолл Э. 94, 106
 Свердлов М.Б. 18–19, 42, 61–62, 66
 Свистун Ф.И. 6
 Святополк Изяславич вел. кн. киев. (1093–1113) 26
 Святослав Игоревич, вел. кн. киев. (945–972) 47
 Сегеда С.П. 79, 116
 Седов В.В. 32, 80–81, 93, 112

Секирский С.С. 99
 Семенов Ю.И. 60
 Семенцов С.В. 76–78
 Семенчук Г. (*Семянчук Г.*) 63–64, 79, 80, 111
 Сервис Э. (*Service E.R.*) 33–34, 93, 105, 106,
 Сергеевич В.И. 22, 23
 Скальник П. (*Skalnik P.*) 44, 106, 107
 Склярено В.Г. 89, 113
 Скрынников Р.Г. 101
 Скрынникова Т.Д. 33, 44
 Смолий В.А. 38
 Сойер П. 53, 54, 100
 Соколов Р.А. 75, 123
 Соловьев К.А. 38–39, 55
 Соловьев С.М. 6, 14, 22, 75, 84
 Ставиский В.И. 78
 Сталин И.В. 14
 Стальсберг А. (*Stalsberg A.*) 100
 Станг Х. (*Stang H.*) 101
 Стендер-Петерсен А. (*Stender-Petersen A.*) 14, 87, 99, 100, 102, 104
 Степенко А.Д. 10
 Стефанович П.С. 62, 67
 Стрижак О.С. 89
 Тарановский Ф.В. 6
 Тарасов С.В. (*Tarasaý C.B.*) 32, 111, 112
 Татищев В.Н. 14
 Таубе М.А. (*Taube M.*) 11, 101
 Тимонин А.Н. 42, 55–56, 58, 80
 Тихомиров М.Н. 10
 Толочко А.П. (*Толочко О.П.*) 66, 68, 70, 100, 102, 104
 Толочко П.П. 13, 25, 26, 65, 100, 104, 105, 110, 112
 Топоров В.Н. 104
 Тортика А.А. 103
 Турилов А.А. 70
 Фальк К.-О. (*Falk K.*) 101
 Фасмер М. 101
 Федака С.Л. 79
 Федорасова В.Г. 10, 13
 Федорчук А. 92, 103
 Феннел Д. (*Fennell J.*) 105
 Феофил II, виз. имп. (829–842) 53, 54
 Флоринский М.Т. (*Florinsky M.T.*) 11, 97, 98
 Флоря Б.Н. 40, 69, 70, 104, 110
 Фомин В.В. 12, 16, 82
 Франклин С. (*Franklin S.*) 102, 104, 105
 Фрейнман Г.М. 106
 Фрид М. (*Fried M.H.*) 33, 105, 106
 Фроянов И.Я. 13, 19, 21, 23, 25, 28–29, 33, 35, 39, 43, 44, 45, 48, 49, 59, 60, 62, 65, 68, 73, 75, 90, 113–114
 Халецкий О. 11
 Хеллер К. (*Heller K.*) 100
 Хлезов А.А. 15
 Ходяков М.В. 104

Цукерман К. 104
 Черепнин Л.В. 25, 26, 63, 64
 Черных Н.Б. 53
 Чиглинцев Е.А. 20
 Чичерин Б.Н. 22, 84
 Чэбел П. 106
 Шапира Д. 92, 103, 118, 125, 128, 135
 Шапиро А.Л. 13
 Шаскольский И.П. 8, 10, 11–12, 18, 88, 99, 100, 101
 Шахматов А.А. 102
 Шепард Д. 102, 105
 Шестаков А.В. 14
 Шинаков Е.А. 19–20, 46–51, 54–55, 58, 108
 Шип Н.А. 89
 Шишкин И.Г. 19, 23, 25, 86
 Шлёцер А.Л. 6, 9, 82
 Шмидт К. (Schmidt K.) 52
 Шмурло Е.Ф. 97, 98
 Шрамм Г. (Schramm G.) 93, 100, 101, 102
 Шторх Г. (Schtorch H.) 92, 93
 Штыхов Г.В. 111
 Шофман А.С. 20
 Шушарин В.П. 10, 11, 26, 88, 99, 101
 Щавелев А.С. 47, 70
 Щапов Я.Н. 26, 79, 88
 Щербатов М.М. 92
 Эверс И.Ф.Г. (Ewers I.Ph.G.) 13, 17, 22
 Экблум Р. (Ekblom R.) 101
 Экбу С. (Ecbo S.) 101
 Энгельс Ф. 23, 86
 Эрдадь М. 104
 Юсова Н.Н. (Юсова Н.М.) 9, 25, 110
 Юшков С.В. 15, 23, 25, 55
 Янин В.Л. 80–81, 100
 Янссон И. (Jansson I.) 100, 102
 Ярополк Владимирович, вел. кн. киев. (1132–1139) 97
 Ярослав Владимирович Мудрый, вел. кн. киев. (1016–1018, 1019–1054) 21, 26, 47, 67, 97, 98, 102
 Adams R. 106
 Briem B. 8, 14
 Bylina S. 65, 121
 Carneiro R.L. 45, 106
 Claessen H.J.M. 44, 60, 94, 106, 107
 Dimnik M. 105
 Ecbo S. 101
 Ekblom R. 101
 Ewers I.Ph.G. 13, 17, 22
 Falk K. 101
 Fennell J. 105
 Florinsky M.T. 11, 97, 98
 Franklin S. 102, 104, 105
 Fried M.H. 33, 105, 106
 Goehrke C. 100

Goehrke C. 100, 102
 Hansen M.H. 45
 Hansson P. 102
 Heller K. 100
 Hellmann M. 100
 Jansson I. 100, 102
 Korduba M. 8
 Korpela J. 105
 Latvakangas A. 13, 100
 Linsmeier K.-D. 52
 Łowmiański H. 10–11, 89
 Marx K. 23, 31, 47, 86
 McGinnis D. 102
 Millard M. 105
 Noonan T.S. 100, 104
 Obolensky D. 105
 Otrębski J. 101
 Paszkiewicz H. 11, 101, 102
 Poppe A. 104
 Pritsak O. 101, 103, 104
 Rahbek Schmidt K. 100, 101, 105
 Riasanovsky A.V. 99, 103
 Riasanovsky N.V. 99, 103
 Rospond S. 101
 Rüß H. 100
 Schmidt K. 52
 Schramm G. 93, 100, 101, 102
 Schtorch H. 92, 93
 Schwarzfuchs S. 104
 Service E.R. 33–34, 93, 105, 106,
 Skalnik P. 44, 106, 107
 Stalsberg A. 100
 Stang H. 101
 Stender-Petersen A. 14, 87, 99, 100, 102, 104
 Stokl G. 102
 Taube M. 11, 101
 Tomaszewski S. 8
 Zernack K. 105

Вопросы и задания для самостоятельной работы

Вопросы и задания по отдельным главам пособия

Глава 1.

1. Как трактовали процесс становления государства исследователи XVIII – начала XIX в.?
2. Какие новые тенденции в изучении истории и проблем становления государственности характерны для историографии второй половины XIX – начала XX в.?
3. Определите главное отличие в подходе к трактовке политогенеза в дореволюционной и советской историографии.
4. Каким образом изменялись приоритеты в методологии изучения процессов восточнославянского политогенеза в советской историографии 1930–1950-х гг. ?
5. Что нового в трактовку политического устройства Руси времен «феодальной раздробленности» внесли В.И. Довженко, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин и их последователи.
6. Что нового в развитие представлений о характере княжеской власти в Древней Руси внес А.В. Назаренко? Какие его положения имеют основания в дореволюционной историографии?
7. Охарактеризуйте особенности историографической ситуации 1960-х гг. в изучении процессов социо- и политогенеза.
8. Выделите основные положения концепции И.Я. Фроянова. Охарактеризуйте ее влияние на последующее изучение проблем восточнославянского политогенеза.
9. Выделите новые тенденции в изучении Древнерусского государства в советской историографии 1980-х – начала 1990-х гг.

Глава 2.

1. Выделите основные положения, прозвучавшие на «Чтениях памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто» в апреле 1992 г. В чем они расходились с представлениями советской историогра-

фии о восточнославянском политогенезе и какое влияние оказали на последующее развитие проблемы становления Древнерусского государства?

2. Выделите основные положения концепции «дружинного государства» Е.А. Мельниковой и проанализируйте их влияние на последующую историографию проблемы. Какие аргументы «за» и «против» концепции «дружинного государства» приводят исследователи? Предложите собственные аргументы.

3. Проанализируйте взгляды А.А. Горского на проблему восточнославянского политогенеза. Какое влияние они оказали на современную историографию вопроса?

4. Выделите основные тенденции и особенности изучения проблемы возникновения Древнерусского государства в современной историко-правовой литературе.

5. Выделите этапы проникновения теории «вождества» в советскую и постсоветскую историографию, охарактеризуйте особенности корреляции новой теории с традиционными научными парадигмами.

6. Приведите аргументы «за» и «против» положения о «вождестве», как универсальной стадии социальной эволюции.

7. Выделите основные положения И.Н. Данилевского, характеризующие его видение процесса становления Древнерусского государства.

8. Насколько корректно использование дефиниции «потестарное государство»? Приведите аргументы «за» и «против».

9. Какие этапы в развитии Русской государственности домонгольской поры выделяют современные исследователи? Какая точка зрения представляется наиболее аргументированной? Обоснуйте свой выбор, постарайтесь привести дополнительные аргументы.

10. Выделите основные точки зрения на политическую природу Древнерусского государства XII – начала XIII в. в постсоветской историографии. Выскажите и аргументируйте собственный взгляд на проблему.

11. Выделите основные направления и методы антропологического изучения древнерусской государственности. Охарактеризуйте сильные и слабые стороны историко-антропологических трудов по рассматриваемой проблеме.

12. Была ли Киевская Русь «империей»? Проанализируйте взгляды исследователей на данную проблему, сформулируйте собственную точку зрения и подкрепите ее аргументами.

Глава 3.

1. Охарактеризуйте исторические и историографические обстоятельства становления «норманнской концепции» образования Древнерусского государства.

2. Определите общее и особенное в построениях «норманистов» и «антинорманистов» XVIII – начала XX в.

3. Выделите основные направления в развитии антинорманистского видения начальной русской истории.

4. Охарактеризуйте особенности советского антинорманизма.

5. Выделите этапы, факторы и особенности развития «норманнского вопроса» в советской и постсоветской историографии.

Глава 4.

1. Выделите основные положения в работах русских историков-эмигрантов, оказавшие влияние на отечественную и зарубежную историографию проблемы образования Древнерусского государства.

2. Какие вопросы ранней русской истории вызывают наибольший интерес в зарубежной историографии?

3. Выделите основные подходы к решению «норманнского» и «хазарского» вопросов в зарубежной историографии

Вопросы и задания по всему изучаемому курсу

1. Выделите основные этапы изучения восточнославянского политогенеза в отечественной исторической науке.

2. Выделите основные положения «американский неозволюционизма» и охарактеризуйте его влияние на зарубежную и отечественную историографию социо- и политогенеза.

3. Выделите общее и особенное в постсоветском развитии российской, украинской и белорусской историографии проблемы образования Древнерусского государства.

4. На основе рекомендованной литературы напишите реферат на тему: «“Неозволюционизм” и марксистская парадигма – проблема корреляции».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Образование Древнерусского государства в отечественной историографии XVIII – конца XX века.....	21
Глава 2. Проблема образования Древнерусского государства в постсоветской историографии.....	35
Глава 3. Роль внешнего фактора в образовании Древнерусского государства в отечественной историографии.....	82
Глава 4. Основные тенденции и направления изучения проблемы генезиса Древнерусского государства в зарубежной историографии.....	97
Заключение	108
Библиография	116
Список сокращений	139
Именной указатель	140
Вопросы и задания для самостоятельной работы	148

Виктор Владимирович Пузанов

**ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА
в восточноевропейской историографии**

Учебное пособие

Дизайн обложки В.В. Долгов

Авторская редакция.
E-mail: vvpuzanov@gmail.com

Подписано в печать 25.01.2012
Формат 60х84 1/16. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 9,4. Усл. печ. л. 8,9.
Тираж 100 экз. Заказ №
Издательство «Удмуртский университет».
426034, Ижевск, Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7(3412) 500–295, e-mail: editorial@udsu.ru